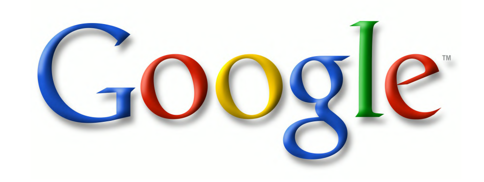

SLAVISTIC PRINTINGS AND REPRINTINGS

edited by

C. H. VAN SCHOONEVELD

Indiana University

174/4

1970

MOUTON

THE HAGUE · PARIS

ВПЕРЕДЪ!

НЕПЕРІОДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Томъ IV.
(Выпускъ первый).

1876.

ЛОНДОНЪ,
НАБОРНЯ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ".
1876.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕМЕНТЪ
ВЪ
БУДУЩЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА „ВПЕРЕДЪ!"

ЛОНДОНЪ.
Наборня журнала «Впередъ!»
1876.

Printed in Germany

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль объ этомъ трудѣ занимала автора съ самыхъ первыхъ дней изданія „Впередъ". Но тогда, въ 1873 и 1874 г., споры государственниковъ и анти-государственниковъ были такъ страстны, самымъ формамъ централизма и федерализма спорившіе придавали такое громадное значеніе, что болѣе серьезное и спокойное обсужденіе вопроса имѣло мало шансовъ быть выслушаннымъ со вниманіемъ. Это время прошло. Записки, представленныя на брюссельскій конгрессъ и пріемъ этихъ записокъ разными оттѣнками соціалистовъ доказали автору, что страсти улеглись. Въ то самое время, какъ готовилось къ печати изданіе „Общественной службы въ будущемъ обществѣ", было приступлено и къ этому труду.

Онъ не есть чисто-теоретическое разсужденіе, такъ какъ вопросъ объ элементѣ власти въ организаціи убѣжденныхъ соціалистовъ есть не только вопросъ будущаго, вопросъ отдаленнаго идеала рабочаго соціализма; это также вопросъ насущной борьбы, начатой теперь въ явныхъ союзахъ рабочихъ, въ тайной соціально-революціонной организаціи, борьбы, которая будетъ имѣть мѣсто въ иныхъ формахъ и на другой день послѣ побѣды пролетаріата. Но вопросъ этотъ, съ другой стороны, на столько существенъ для самыхъ началъ рабочаго соціализма, что рѣшая его въ виду настоящаго положенія дѣлъ, приходится постоянно руководиться тѣми болѣе отдаленными общественными задачами, которыя заключаются въ самой сущности этихъ началъ. Этотъ вопросъ, какъ всѣ вопросы научнаго соціализма, представляетъ по этому самое тѣсное сплетеніе теоріи и практики, научныхъ принциповъ и жизненныхъ требованій. Это сплетеніе идеальныхъ и реальныхъ элементовъ неизбѣжно усложняетъ вопросъ и увеличиваетъ трудность его рѣшенія. Авторъ попытался разобрать это рѣшеніе, на сколько считалъ это возможнымъ. Онъ предоставляетъ

читателямъ судить, на сколько ему удалось исполнить свою задачу. Конечно, сложность вопроса требовала бы большаго развитія, но авторъ опасается, какъ бы читатель не обвинилъ его въ томъ, что и теперь его трудъ вышелъ слишкомъ обширнымъ. Главное стараніе автора было направлено на устраненіе запутанности, происходящей въ этомъ вопросѣ отъ того, что представленія о государственности, относящіяся къ разнымъ періодамъ будущаго, смѣшиваются какъ между собою, такъ и съ представленіемъ государства, какъ мы его видимъ въ настоящемъ и въ прошедшемъ. При этомъ смѣшеніи представленій самое рѣшеніе становится невозможнымъ.

Авторъ этого труда считаетъ себя обязаннымъ представить также нѣсколько строкъ объясненія читателямъ по поводу обстоятельства, что трудъ, о печатаніи котораго было объявлено болѣе года тому назадъ, появляется лишь теперь. Объясненіе очень просто. Во первыхъ, время автора было въ значительной мѣрѣ поглощено участіемъ въ газетѣ и литературное подготовленіе труда, размѣры котораго далеко превзошли то, что имѣлось въ виду первоначально, могло подвигаться лишь медленно. Во вторыхъ, и это существеннѣе, рабочія средства наборни, довольно ограниченныя, безпрестанно отвлекались отъ продолженія печатанія этого труда изданіемъ разнаго наименованія книжекъ для пропаганды въ народѣ, книжекъ, которыхъ всего наборня „Впередъ" выпустила въ этотъ годъ не одинъ десятокъ тысячъ экземпляровъ. Все это не могло не задержать появленія этого труда. На сколько виноватъ въ этомъ авторъ, и на сколько читатель имѣетъ право претендовать на него въ этомъ случаѣ, пусть рѣшаетъ самъ читатель.

19 іюня 1876 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ
въ
БУДУЩЕМЪ ОБЩЕСТВѢ.

I. Нѣсколько вступительныхъ словъ.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ и опасныхъ враговъ соціализма въ настоящее время есть современное государство. Противъ него направлена значительная доля борьбы организующагося рабочаго соціализма. Но въ какой мѣрѣ приходится будущему обществу отречься отъ современнаго государственнаго преданія и въ какой мѣрѣ сама соціальная революція при своемъ осуществленіи и въ своемъ подготовленіи можетъ и должна избѣгать чего либо общаго съ нынѣшними пріемами внутренней и внѣшней политики, въ этомъ различные представители соціальной идеи въ наше время далеко не согласны между собою. Недавно еще можно было подумать, что именно этотъ пунктъ составляетъ принципіальный поводъ къ раздору между партіями соціалистовъ, и что на этой почвѣ произойдетъ расколъ въ средѣ рабочихъ. Лассалеанцы боролись съ современнымъ государствомъ лишь съ цѣлью захватить его, какъ оно есть, въ свои руки, воспользоваться его наличными средствами для своихъ цѣлей, его организаціею для подавленія враговъ пролетаріата, и даже за почву своей дѣятельности принимали ту случайную историческую почву, которую создали завоеватели и дипломаты, случайныя удачи хищничества и еще болѣе случайные брачные союзы государей прежняго времени въ такъ называемыхъ историческихъ національностяхъ. Шире поставлена была программа партіи, которая еще въ 1849 году въ манифестѣ коммунистовъ высказала знаменитый девизъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!", той партіи, которая выработала первую программу Интернаціонала и господствовала на первыхъ его конгрессахъ; той партіи, главный органъ

которой назвалъ себя „Народнымъ государствомъ“ *). Международная Ассоціація Рабочихъ должна была быть, съ этой точки зрѣнія, государствомъ, но государствомъ особеннаго рода, именно *государствомъ безъ территоріи*, съ центральною властью Генеральнаго совѣта, съ развѣтвленіями, ему подчиненными, въ федеральныхъ совѣтахъ, въ мѣстныхъ совѣтахъ, въ центральныхъ органахъ союзовъ однородныхъ ремеслъ, распространенныхъ на разныя страны, наконецъ въ элементарныхъ соціальныхъ клѣточкахъ новаго строя, въ секціяхъ. Этой грандіозной идеѣ всемірнаго политическаго союза пролетаріата съ крѣпкою организаціею, явилась оппозиція съ разныхъ сторонъ.

Во первыхъ, частью извнѣ Интернаціонала, частью внутри его, дѣятельно пропагандировалась идея всенароднаго законодательства для всенародныхъ цѣлей въ предѣлахъ *существующихъ* политическихъ національностей, на почвѣ *существующей* государственности; это вело къ образованію различныхъ рабочихъ партій въ нынѣшнихъ государствахъ, партій, изъ которыхъ однѣ — въ государствахъ съ болѣе демократическою конституціей (какъ въ Америкѣ, въ Швейцаріи, во Франціи) прямо стремились захватить законодательство *нынѣшнихъ* государствъ въ свои руки, отодвигая на второй планъ „рабочее государство безъ территоріи“; другія — въ государствахъ, гдѣ не существовало всеобщее право голосованія, употребляли всѣ свои силы на политическую агитацію для полученія этого права, опять таки отодвигая на второй планъ агитацію въ пользу международнаго союза пролетаріата для повсемѣстной борьбы противъ его враговъ соединенными силами.

Во вторыхъ, въ средѣ самой Международной Ассоціаціи Рабочихъ образовался небольшой союзъ, имѣвшій въ виду болѣе централистическую, *болѣе государственную* власть, чѣмъ представлялъ ее Генеральный совѣтъ, заимствуя у прежняго времени всѣ средства тайныхъ заговоровъ, всѣ пріемы тайныхъ государственныхъ канцелярій для борьбы противъ враговъ. Это былъ небольшой, и по силамъ всегда остававшійся ничтожнымъ, союзъ *альянсистовъ*, примкнувшихъ къ программѣ такъ называемаго „Демократическаго революціоннаго союза (Alliance democratique revolutionaire)“.

Въ третьихъ, изъ среды той же Ассоціаціи вышла программа, которая, какъ бы продолжая традицію прудоновскаго *анархизма*, выставляла на первый планъ полное противурѣчіе между самымъ принципомъ „государственности“ и принципомъ общества соціа-

---

*) Филиппъ Беккеръ, впервые придумавшій это названіе, имѣлъ просто въ виду уклониться отъ не совсѣмъ удобнаго въ то время названія „Республики“, и слово Volksstaat должно было лишь служить замѣною этому названію.

листовъ; противупολагала государству рабочихъ, централизованному въ Генеральномъ Совѣтѣ, начало автономіи федерацій въ общемъ союзѣ пролетаріата, начало автономіи секцій въ федераціяхъ, даже начало автономіи личностей въ секціяхъ; принимала за свой девизъ въ сферѣ общественныхъ формъ — свободную федерацію при отсутствіи всякой принудительной власти, въ сферѣ нравственно-общественныхъ принциповъ — *коллективизмъ*, т. е. добровольное и сознательное употребленіе всѣхъ личныхъ силъ на коллективныя цѣли, въ противуположность *коммунизму*, подчиняющему личность коллективности, хотя бы и противъ воли личности, и въ противуположность *мютюализму*, гдѣ личности всегда имѣютъ въ виду обмѣниваться равноцѣнными услугами*).

Эти различныя несогласія ослабили въ нѣкоторой степени развитіе Международной Ассоціаціи Рабочихъ, вызвали полемику, очень часто переходившую въ область личныхъ нападеній и личной борьбы; полемику, которая придала противуположенію централизма и федерализма въ Интернаціоналѣ совершенно не соотвѣтствующее этимъ терминамъ значеніе; полемику, которая совершенно затемнила вопросъ о политической роли рабочихъ въ настоящее время; полемику, которая, наконецъ, едвали не выставила указанное раздѣленіе между партіями, какъ нѣчто болѣе существенное, чѣмъ единство борьбы пролетаріата противъ капитализма, противу эксплуатаціи, противу государственныхъ притѣсненій,

Изъ различнаго взгляда на государственную помощь пролетаріату и на національную почву рабочаго соціализма, въ продолженіи многихъ лѣтъ двѣ обширныя рабочія партіи въ Германіи парализировали другъ друга. Изъ за того же могучіе рабочіе союзы Англіи лишь на самое короткое время примкнули къ Интернаціоналу и до сихъ поръ тратятъ почти даромъ свои обширныя средства.

Изъ за болѣе или менѣе тайной организаціи „Альянса" на началахъ болѣе централистическихъ, его основатели были исклю-

*) Во всемъ этомъ разсужденіи мы вовсе не имѣли въ виду личностей и ихъ дѣятельности, слишкомъ часто непослѣдовательной, или обусловленной тысячью жизненныхъ обстоятельствъ, соперничествъ и т. п. Мы имѣли въ виду лишь выставленные принципы и программы. Поэтому мы разсматриваемъ програму „Альянса" и програму „Анархизма", какъ двѣ прямо-противуположныя программы, два полюса соціалистическихъ взглядовъ на роль государственнаго элемента въ подготовленіи и развитіи соціальной революціи. Почему одни и тѣ же лица могли принять и пропагандировать эти программы, это, въ настоящемъ разсужденіи, до насъ не касается. Это вообще дѣло не общаго принципа, а дѣло личной послѣдовательности въ мысли и личной совѣсти этихъ лицъ. Мы имѣемъ дѣло лишь съ логическими послѣдствіями или логическими противурѣчіями принциповъ.

чены, какъ заговорщики, изъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ, тогда какъ обѣ партіи довольно снисходительно смотрѣли на нѣкоторыхъ своихъ членовъ, участвовавшихъ въ органахъ буржуазной прессы, вступавшихъ въ связи съ буржуазными политическими партіями и т. под.

Изъ за централизма и федерализма произошелъ полный расколъ въ Интернаціоналѣ, и была минута, когда самое существованіе Интернаціонала могло казаться сомнительнымъ.

Изъ за противуположенія мютюализма коммунизму и коллективизму, послѣдователи Прудона стали въ ряды версальцевъ и апплодировали безчеловѣчному избіенію парижскихъ коммунаровъ.

Можно было подумать, что, дѣйствительно, въ этой полемикѣ и въ этой борьбѣ программъ рабочій соціализмъ переживаетъ кризисъ, который не дастъ ему организоваться. Можно было подумать, что противуположеніе централизма и федерализма на столько существенно, что рабочіе соціалисты, поддерживающіе ту или другую теорію, не могутъ имѣть другъ съ другомъ ничего общаго. Можно было подумать, что государственники и анти-государственники настолько противуположны другъ другу въ своихъ цѣляхъ, что между ними невозможенъ даже союзъ противъ общаго врага.

Если бы оно было такъ, то буржуазія и современное государство могли бы торжествовать. Трудно пролетаріату бороться противъ нихъ, еслибы онъ и не представлялъ рѣзкихъ разногласій, а при борьбѣ партій въ средѣ самого пролетаріата враги его обезпечены.

Но къ счастію, эти печальныя явленія оказались вовсе не столь существенными, какъ это можно было думать. Инстинктъ рабочихъ массъ, указывавшій имъ необходимость ихъ соединенія противъ общаго врага, побуждалъ на практикѣ оставить въ сторонѣ девизы, такъ громко провозглашенные ихъ предводителями и увлечь за собою самихъ предводителей. Лассалеанцы, самые крайніе централисты, націоналисты и государственники въ средѣ рабочихъ соціалистовъ, не разъ высказывали свое сочувствіе международному союзу рабочихъ; не смотря на крайній централизмъ своей организаціи, они сначала послали привѣтъ федералистамъ Интернаціонала, а потомъ и сами пришли на ихъ конгрессъ. Вслѣдъ затѣмъ они же протянули руку интернаціоналистамъ „Рабочаго государства“ и теперь слились съ ними.—Два конгресса ожесточенныхъ враговъ собрались одинъ вслѣдъ за другимъ въ одномъ и томъ же городѣ, и рѣчи, на нихъ произнесенныя, результаты, къ которымъ они пришли, были настолько сходны между собою, что для внимательнаго наблюдателя принципы, ихъ раздѣляющіе, не могли не потерять значенія. На другомъ конгрессѣ явленія были еще поразительнѣе. Прежде всего представители самыхъ противуположныхъ программъ вы-

сказали съ общаго согласія, что между ними возможенъ modus vivendi, дозволяющій единство дѣйствія противъ общихъ враговъ всѣмъ группамъ пролетаріата. Затѣмъ представлены были двѣ записки объ устройствѣ будущаго общества и при этомъ оказалось, что анти-государственники, отрицая слово „государство", совсѣмъ не прочь удержать многіе его аттрибуты; что „анархизмъ" и теорія автономіи федерацій, секцій, личностей допускаетъ не малую долю власти въ практической своей программѣ; что планъ будущаго общества, выставленный федералистомъ-государственникомъ, нашелъ довольно много сочувствія въ рядахъ прессы „Рабочаго государства", и не вызвалъ вовсе существенныхъ возраженій ни со стороны государственниковъ-націоналистовъ, ни со стороны анти-государственниковъ интернаціоналистовъ. Съ другой стороны, и централисты не разъ высказались въ смыслѣ, что они въ значительной степени признаютъ автономію отдѣльныхъ группъ рабочей организаціи.

Вслѣдствіе недавней ожесточенной полемики и вслѣдствіе еще болѣе близкихъ фактовъ соглашенія рабочихъ соціалистовъ, несмотря на разногласіе ихъ программъ, понятіе объ отношеніи современной соціальной борьбы къ основамъ государственнаго строя, повидимому, стало нѣсколько смутнымъ. Недавніе боевые крики потеряли опредѣленность, которую имъ приписывали. Въ то-же время страсти настолько улеглись, что можно теперь разсчитывать на болѣе спокойное выслушиваніе разсужденій о значеніи государственнаго элемента въ будущемъ обществѣ и въ подготовленіи соціальной революціи. Мы до сихъ поръ неохотно обращались къ вопросамъ о федерализмѣ и централизмѣ, такъ какъ это были клички, казавшіяся вполнѣ ясными тѣмъ, которые писали то или другое слово на своемъ знамени, клички, возбуждавшія болѣе волненіе аффекта, чѣмъ разсужденіе. Теперь дѣло нѣсколько измѣнилось. Термины, раздражавшіе еще недавно партіи, теперь могутъ быть оцѣнены не выше ихъ настоящаго логическаго и соціологическаго достоинства. Мы съ охотою и пользуемся первымъ случаемъ обсудить этотъ вопросъ, который весьма не лишенъ значенія какъ *элементъ* будущаго общественнаго построенія или современной борьбы пролетаріата съ ея врагами, хотя вовсе не имѣетъ настолько важности, чтобы люди, различно рѣшающіе этотъ вопросъ въ настоящую минуту, имѣли основаніе считать другъ друга врагами и не находили возможности вмѣстѣ дѣйствовать противъ общаго врага.

Наша цѣль — разобрать, насколько государственный элементъ можетъ сосуществовать съ развитіемъ рабочаго соціализма въ его окончательной цѣли и въ подготовленіи этой цѣли; насколько этотъ элементъ можетъ быть неизбѣженъ въ будущемъ обществѣ или въ періодѣ подготовленія и совершенія соціальной революціи; а также насколько привычки личностей, выработавшихся въ ста-

ромъ обществѣ, могутъ обусловить его напрасное и вредное внесеніе въ организацію революціонной партіи, въ окончательную революціонную борьбу, наконецъ въ самый строй общества, которое придется воздвигнуть рабочему соціализму на развалинахъ общественныхъ формъ, долженствующихъ быть разрушенными.

Такимъ образомъ намъ придется рѣшить вопросы:

1. Въ чемъ именно заключается сущность государственнаго элемента?

2. Почему въ нынѣшнемъ общественномъ строѣ онъ безусловно противурѣчитъ задачамъ рабочаго соціализма?

3. Есть ли возможность и вѣроятность, что этотъ элементъ исчезнетъ совершенно въ томъ общественномъ строѣ, который рисуется предъ послѣдовательными приверженцами рабочаго соціализма, какъ логическій выводъ ихъ нынѣшнихъ стремленій?

4. Насколько будетъ неизбѣжно внести государственный элементъ въ тотъ общественный строй, который придется устроить пролетаріату на другой день послѣ побѣды, когда среди побѣдителей будетъ присутствовать немалое число побѣжденныхъ враговъ; когда въ рядахъ самихъ побѣдителей будетъ находиться еще бо́льшее число лицъ, выросшихъ въ привычкахъ стараго общества, проникнутыхъ этими привычками, и когда, поэтому, всѣ унаслѣдованныя и пріобрѣтенныя склонности этихъ лицъ будутъ безсознательно противурѣчить укрѣпленію новаго міра, будутъ вызывать для него опасности, и могутъ внести въ него съ самого начала элементы непрочности или даже гибели; когда, наконецъ, пролетаріатъ, побѣдившій на берегахъ Эльбы, Волги или Мичигана, будетъ имѣть рядомъ съ собой потрясенные соціальной пропагандой, но еще не низвергнутыя государства буржуазіи на берегахъ Сены, Темзы, Тибра или Дуная?

5. Насколько приходится пользоваться государственнымъ элементомъ соціальнымъ революціонерамъ во время подготовленія соціальной революціи, при организаціи партіи, при ея дѣятельности, при мѣстныхъ взрывахъ, наконецъ при организаціи послѣдней борьбы съ капитализмомъ и государствомъ, и въ какой мѣрѣ этотъ элементъ, внесенный въ ихъ организацію и въ ихъ дѣятельность, есть элементъ развращающій ихъ самихъ, разрушающій самую сущность ихъ партіи, уничтожающій вѣроятность ея укрѣпленія и ея побѣды въ будущемъ?

Конечно, не всѣ эти вопросы мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть одинаково подробно, исчерпать же ни одинъ изъ нихъ мы не можемъ по самымъ размѣрамъ нашей статьи. Мы преимущественно остановимся на трехъ послѣднихъ, т. е. на роли государственнаго элемента въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ въ разные моменты его существованія и на роли этого элемента при подготовленіи соціальной революціи. Въ остальномъ мы ограничимся лишь тѣмъ, что считаемъ *крайне* необходимымъ для по-

слѣдующаго. Замѣтимъ при этомъ, что вопросъ о противурѣчіи государственнаго элемента въ нынѣшнемъ строѣ задачамъ рабочаго соціализма, для полнаго своего разсмотрѣнія требовалъ бы особаго и довольно обширнаго изслѣдованія, которое здѣсь вовсе не имѣется въ виду, такъ какъ этотъ вопросъ входитъ сюда лишь попутно; но это изслѣдованіе мы считаемъ и менѣе необходимымъ въ настоящую минуту, потому что въ рядахъ соціалистовъ-революціонеровъ существуетъ мало разногласій по этому предмету: почти всѣ согласны, что съ *нынѣшнимъ* государствомъ рабочій соціализмъ не уживается и ужиться не можетъ, что *нынѣшнее* государство должно быть разрушено. Разногласіе обозначается рѣзче лишь тогда, когда дѣло начинаетъ идти о томъ пути, которымъ приходится совершить требуемое разрушеніе и о тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ нынѣшнее государство подлежитъ разрушенію, т. е. разногласіе существуетъ не относительно непримиримости *нынѣшняго* государства съ задачами рабочаго соціализма, а опять таки относительно участія государственнаго элемента въ будущемъ обществѣ и въ его подготовленіи, что относится къ послѣднимъ вопросамъ здѣсь поставленнымъ, на которыхъ, какъ только что сказано, мы имѣемъ въ виду остановиться долѣе.

Конечно, въ предметѣ столь сложномъ, вызывающемъ столько разногласій и затрогивающемъ столько положеній, принятыхъ на вѣру, столько унаслѣдованныхъ привычекъ мысли, столько ассоціацій съ дѣятельностью симпатичныхъ или антипатичныхъ намъ личностей, трудно, чтобы два человѣка были вполнѣ согласны и солидарны. Пишущій эти строки знаетъ это, высказываетъ въ этомъ случаѣ мысли и соображенія, которыя *вполнѣ* убѣдительны для него, но которыя вовсе не обусловливаютъ во всѣхъ подробностяхъ солидарности всѣхъ главныхъ участниковъ этого изданія. Съ тою или другою частностью тотъ или другой сотрудникъ можетъ быть несогласенъ; болѣе важныя и существенныя разногласія можетъ быть вызовутъ возраженія на страницахъ этого самого изданія; но пишущій надѣется, что это частное разногласіе и возможная полемика по частнымъ вопросамъ ни для одного изъ читателей не затемнитъ полную солидарность какъ его, такъ и его возможныхъ оппонентовъ съ основами программы *народной соціальной революціи*, которую поставилъ себѣ „Впередъ“ и отъ которой мы никогда не отступимъ.

II. Значеніе государственнаго элемента въ обществѣ.

Мы не имѣемъ ни желанія, ни необходимости вдаваться въ подробный разборъ различныхъ способовъ пониманія государства и различныхъ опредѣленій его. Но въ настоящее время, при чрезвычайной спутанности вообще соціологическихъ понятій, подразумѣваемыхъ различными лицами подъ однимъ и тѣмъ же терминомъ, въ настоящее время, когда самыя ходячія представленія о государствѣ и требованія отъ него, по видимому крайне различны у разныхъ авторовъ по этому предмету — въ настоящее время читателю, встрѣчающему слова „государственность“ и „государство“, по неволѣ приходится спросить себя, о *какой* „государственности“ идетъ рѣчь? *что* понимаетъ авторъ подъ названіемъ „государства“?

Совершенно невозможно говорить одно и тоже о государствѣ, если будемъ принимать это слово въ смыслѣ того или другаго изъ немногихъ авторовъ, которыхъ мы возьмемъ для образца изъ обширной литературы политическихъ и государственныхъ наукъ, публицистической полемики и соціалистической литературы.

Для Лассаля, напримѣръ, „государство есть единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ“; цѣль его „положительно развивать и совершенствовать человѣка, другими словами — осуществлять назначеніе человѣка“ и Лассаль обращается къ пролетаріату со словами: „ваша великая ассоціація, бѣднѣйшіе классы — вотъ что такое государство“.

Онъ самъ противуполагаетъ *этому* государству понятіе о государствѣ, существующее, по его словамъ, въ буржуазіи, и по которому цѣль государства „единственно, охранять личную свободу и собственность личности“. Дѣйствительно, это опредѣленіе, если и не всегда вполнѣ ясно высказанное, лежитъ въ основаніи весьма значительнаго числа *либеральныхъ* ученій о государствѣ.

Совсѣмъ иное освѣщеніе придаетъ этому слову, хоть бы Робертъ фонъ Моль, говоря: „Государство есть прочно существующій объединенный организмъ такихъ учрежденій, которыя, руководимыя коллективной волей, поддерживаемыя и приводимыя въ дѣйствіе коллективной силой, выполняютъ задачу осуществлять дозволенныя цѣли опредѣленнаго и пространственно-ограниченнаго народа, именно какъ цѣли личныя, такъ и общественныя“.

Опять таки, похоже ли сколько нибудь на что либо предыдущее то государство, о которомъ говоритъ брюссельская записка,

поданная на конгрессѣ федералистовъ Интернаціонала въ 1874 г.? Въ ней сказано: „Государство, какъ мы его понимаемъ и какъ мы хотимъ его видѣть, не есть въ точномъ смыслѣ власть, правительственная система... Мы можемъ совершенно ясно представить себѣ государство неавторитарное“. И въ другихъ мѣстахъ государство будущаго объясняется, какъ „свободная группировка на экономическихъ началахъ“, въ которой существеннымъ признакомъ является тѣмъ не менѣе „администрація областная или національная“, „управленіе разными видами общественной службы сообразно вотированнымъ законамъ“.

Наконецъ, читатель не находитъ не только сходства съ предыдущими понятіями, но едва можетъ и вообще уловить, что̀ можетъ понимать подъ словомъ „государство“ отчетъ женевской секціи, представленный на тотъ же конгрессъ, отчетъ, *отрицающій* государство, говорящій объ „обществѣ, гдѣ отсутствуетъ всякая направляющая и правительственная дѣятельность“, однако вводящій въ это общество не только „общинную“ но и „федеральную“ полицію, постоянный штабъ для войска, обязательную „общую программу“ обученія и т. п.?

Не можетъ-же быть, чтобы тѣ изъ приверженцевъ рабочаго соціализма, которые отрицаютъ государство, отрицали „единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ“ или „ассоціацію бѣднѣйшихъ классовъ“ или „развитіе и совершенствованіе человѣка“. Нельзя-же говорить одно и тоже о государствѣ, которое „не есть власть и правительственная система“, и о государствѣ, которымъ руководитъ „коллективная воля“, которое поддерживается и приводится въ дѣйствіе „коллективною силою“, о государствѣ, которое контролируетъ „дозволенныя цѣли“. Едва ли, наконецъ, можно даже представить себѣ ясно, какимъ образомъ „правительственная дѣятельность“ будетъ отсутствовать въ обществѣ, въ которомъ кто либо будетъ облеченъ функціями, признанными необходимыми женевскимъ отчетомъ и насколько нельзя назвать это общество государствомъ, отличающимся отъ нынѣшнихъ государствъ лишь частностями формы.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь спорить о правильности или неправильности приводенныхъ опредѣленій и формулъ, такъ какъ нельзя помѣшать какому либо автору придать формулѣ, не вполнѣ уясненной и установившейся, того опредѣленія, которое для него, автора, кажется удобнѣе и лучше. Мы хотимъ лишь указать читателю, что современная путаница въ опредѣленіи смысла слова „государство“ принуждаетъ насъ, совсѣмъ противъ нашего желанія, остановиться на опредѣленіи смысла, который въ этой статьѣ будетъ приданъ словамъ „государство“, „государственный элементъ“, „государственность“ и т. п. Мы не думаемъ навязывать этотъ смыслъ другимъ, которые желаютъ связать съ тѣми же словами иное понятіе, но мы просимъ читателей принимать

въ послѣдующемъ изложеніи эти слова именно въ томъ смыслѣ, который мы имъ придаемъ. Намъ кажется, впрочемъ, что этотъ смыслъ близокъ къ понятію, всего чаще и обычнѣе связываемому со словами, составляющими предметъ нашего разсужденія.

Мы принимаемъ за исходную точку для послѣдняго разницу между понятіемъ объ *обществѣ*, какъ понятіемъ родовымъ, и о *государствѣ*, какъ объ одной изъ формъ общества. Все, что говоритъ Ласаль о „единствѣ личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ", объ „осуществленіи значенія человѣка", мы относимъ къ *обществу* вообще. *Оно*, именно, есть *единство личностей*, во имя-ли интересовъ, во имя-ли привычекъ, во имя ли фантастическихъ вѣрованій, во имя ли наконецъ, сознанной общности цѣлей развитія, нравственныхъ цѣлей. *Оно* ищетъ осуществить это единство въ формѣ родоваго союза, экономическаго союза, сектаторскаго союза, культурнаго союза, государственнаго союза. Формы проходятъ, измѣняются, отстаиваютъ другъ у друга первенство, господство, монополію; но цѣль общежитія всегда одна: создать прочное единство личностей для согласной дѣятельности, для общей цѣли. На опытѣ эти союзы оказывались постоянно неудовлетворяющими своей цѣли: они оказывались союзами *не прочными*, вслѣдствіе слабости связующаго общественнаго начала; они не давали *согласной* дѣятельности, вслѣдствіе борьбы несогласимыхъ общественныхъ элементовъ; цѣли ихъ оказывались *не общими*, а частными цѣлями немногихъ личностей, эксплуатировавшихъ въ свою пользу остальныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ единство не осуществлялось. Общество искало иной формы путемъ реформъ или революцій, или оно распадалось, и элементы его составляли новыя общества, преслѣдующія все ту же основную цѣль общежитія. Для добросовѣстнаго мыслителя ясно, что лишь *нравственное* единство личностей можетъ дать союзъ *прочный*, потому что лишь въ нравственномъ единствѣ есть ручательство *согласія* дѣятельности личностей и *общности* ихъ цѣлей. Какъ только нравственное единство возникло въ обществѣ, то одно существованіе подобнаго общества будетъ „положительно развивать и совершенствовать человѣка", и въ немъ будетъ „осуществляться назначеніе человѣка", т. е. его достоинство какъ человѣка, его *человѣчность*.

Это все — для общества вообще. Но какую роль въ этомъ общемъ развитіи играетъ спеціальная общественная форма *государственности*? Чѣмъ она отличается отъ другихъ формъ? — Для уясненія этого укажемъ различіе, которое можно принять для *свободнаго* союза людей, для *политическаго* союза вообще и для *государственнаго* союза, вырабатываемаго обыкновенно изъ политическаго союза.

Союзъ личностей для общей цѣли можетъ быть *свободенъ*, такъ

что каждый членъ можетъ измѣнять цѣль, съ которою онъ приступилъ къ союзу, или отступаться отъ этой цѣли; можетъ выйти изъ общества, котораго онъ былъ членомъ, не опасаясь нисколько принужденія, кромѣ личной непріязни или нѣкоторыхъ жизненныхъ неудобствъ. Но въ большей части случаевъ союзы этимъ не ограничиваются. За отсутствіемъ *нравственной* связи, которая одна можетъ доставить прочность свободному союзу, его прочность думаютъ обусловить *принудительностью*. Общество ставится подъ покровительство *власти*, имѣющей возможность *заставить* всякаго члена союза идти къ цѣли, которую власть указываетъ какъ *обязательную* цѣль для всѣхъ членовъ союза.

Какъ только *власть* существуетъ въ обществѣ, оно получило *политическій* характеръ; оно поставило рядомъ съ цѣлями, первоначально существовавшими для членовъ общества, еще цѣль заботиться о *внѣшней* прочности союза, даже если бы *внутренняя* причина этой прочности ослабѣла или совсѣмъ исчезла. Мало того, при разростаніи общества, при возможности образованія въ его средѣ еще другихъ мелкихъ обществъ, съ частными цѣлями, *политическій союзъ* съ установленною властью вызываетъ еще другую форму союза, тѣсно связанную съ политическимъ элементомъ общества и безъ него не имѣющую возможности существовать. Мелкіе союзы въ средѣ политическаго общества думаютъ закрѣпить свою прочность, ставя свой союзный договоръ подъ покровительство центральной власти союза. Она издаетъ *законы* не только для связи всѣхъ членовъ политическаго союза въ одно цѣлое, но и для тѣхъ частныхъ союзовъ, которые образуются отдѣльными группами этихъ членовъ. Такимъ образомъ, эти послѣднія становятся обществами *юридическими*, которыя отличаются отъ политическихъ тѣмъ, что власть, ихъ связующая, находится не въ нихъ, а *внѣ* ихъ.

Чтобы не оставаться въ отвлеченныхъ сферахъ, представимъ себѣ тайное общество политическихъ заговорщиковъ. Они сошлись для опредѣленной цѣли; эта сознанная ими цѣль составляетъ *нравственную* связь между ними и есть ручательство единства ихъ дѣйствій. Они раздѣляли между собою работу агитаціонной пропаганды, собиранія свѣдѣній, передачи извѣстій, подготовленія средствъ для дальнѣйшихъ практическихъ дѣйствій, работу центральныхъ распоряженій и наблюденія за исполненіемъ того, что всѣ рѣшили сообща. Но каждый изъ нихъ можетъ дѣйствовать свободно для достиженія общихъ цѣлей; каждый можетъ предложить другимъ видоизмѣнить эти цѣли, расширить ихъ или съузить; если его убѣжденіе подѣйствуетъ на часть заговорщиковъ, то общество можетъ распасться, или несогласные пойдутъ по новому пути, не потому, чтобы ихъ принуждали къ этому, а потому, что имъ *не хочется* отдѣлиться отъ товарищей, или потому, что они считаютъ *полезнымъ* поддержать союзъ заговорщиковъ въ его

общей дѣятельности, хотя эта дѣятельность и не совсѣмъ согласна съ ихъ планами. До сихъ поръ общество заговорщиковъ есть общество *свободное*.

Но вотъ иные изъ членовъ его находятъ, что при подобныхъ условіяхъ общество существовать не можетъ; слишкомъ много споровъ и разногласій; слишкомъ много потери времени и силъ, слишкомъ часто люди выходятъ изъ союза по мелкимъ неудовольствіямъ, по непостоянству характера; дѣятельности союза недостаетъ единства; выходящіе члены могутъ стать измѣнниками и подвергнуть опасности все существованіе общества. Словомъ, протестующіе находятъ и — положимъ — убѣждаютъ другихъ, что общество заговорщиковъ, какъ общество *свободное*, не можетъ существовать. Изъ среды его выбирается *власть*, которая болѣе или менѣе контролируется, болѣе или менѣе отвѣчаетъ за свои дѣйствія, но распоряженіямъ которой обязуются повиноваться члены общества; власть, которая, въ данную минуту, можетъ располагать силами членовъ, не объясняя каждому, почему она требуетъ того или другаго дѣйствія. Общество составляетъ *уставъ*, который члены обязуются исполнять. За неисполненіе его, за неповиновеніе власти полагается наказаніе: исключеніе изъ общества или смерть. Общество стало *политическимъ*.

Въ это время между членами общества существуютъ или образуются еще и другія личныя отношенія. Нѣкоторые изъ членовъ живутъ вмѣстѣ, т. е. составляютъ небольшое общежитіе. Другіе вступаютъ въ экономическія отношенія между собою. Общежительный союзъ приводитъ къ ссорамъ, которыя могутъ вредить общей цѣли заговора. Экономическія отношенія приводятъ къ несогласіямъ въ разсчетахъ. Въ виду прочности общаго союза заговорщиковъ, центральный комитетъ ихъ, по уставу, рѣшаетъ споры въ средѣ общежительнаго союза, утверждаетъ или отрицаетъ разсчеты по экономическому договору между членами. Уставъ союза можетъ даже заключать пункты, опредѣляющіе условія общежитія для членовъ и устанавливающіе способъ экономическихъ отношеній между ними. Тогда общежительные и экономическіе союзы между участниками заговора получаютъ характеръ *юридическихъ* союзовъ, скрѣпленныхъ *центральною властью*.

Но мы взяли крайне рѣдкій случай политическаго общества, въ которомъ сохранилось полное участіе всѣхъ его членовъ въ его дѣятельности, и гдѣ члены послѣ своего вступленія въ союзъ сохранили полную свободу выходить изъ него, когда имъ вздумается. Въ жизни большей части обществъ, создавшихъ въ средѣ своей *власть*, подобное положеніе бываетъ весьма кратковременно; даже, всего чаще, оно вовсе отсутствуетъ, и власть, съ перваго же момента своего существованія, получаетъ иной характеръ.

Она, во первыхъ, становится не только принудительнымъ орудіемъ, направляющимъ всякаго члена къ цѣли, въ которой всѣ

согласны; она становится средством видоизмѣнять эту цѣль. Она становится властью, не только *исполнительной*, но *законодательной*.

Во вторыхъ, принудительная сила власти перестаетъ быть орудіемъ принудительнаго стремленія къ цѣли, общей для *всѣхъ*, признанной *всѣми*. Въ обществѣ образовалось два слоя, изъ которыхъ одинъ не обсуждаетъ цѣли, не признаетъ ее сознательно, но принужденъ къ ней идти, потому что *власть* ведетъ его къ этой цѣли. Общество не есть уже союзъ, гдѣ всѣ работаютъ для *общей* имъ цѣли, но союзъ, гдѣ цѣли *одной доли* общества налагаются, какъ обязательныя, на *другую долю*.

Въ третьихъ, выходъ изъ общественнаго союза большею частью затрудненъ; власть охраняетъ не только цѣли, для которыхъ составилось общество, но съ особенною ревностью охраняетъ самую цѣлость разъ составившагося общества. Разъ примкнувши къ союзу, человѣкъ становится *обязательнымъ* его членомъ навсегда, даже если онъ попалъ въ союзъ независимо отъ своей воли, потому лишь, что, напримѣръ, родился въ опредѣленномъ мѣстѣ (какъ въ территоріальныхъ державахъ), или потому что, по роду своихъ занятій, принадлежитъ къ лицамъ, образовавшимъ союзъ (какъ для прежнихъ цеховъ); все таки онъ становится измѣнникомъ союзу, преступникомъ, если вздумаетъ оставить общество. Общественный союзъ этого типа закрѣпощаетъ личность независимо отъ ея воли.

Когда законодательство переходитъ изъ рукъ всего политическаго общества въ руки одной доли его; когда одна группа лицъ можетъ сдѣлать свою волю обязательной для другой; когда личность закрѣпощается обществу независимо отъ своего согласія, то мы имѣемъ передъ собою *государство*, и на сколько въ данномъ обществѣ существуетъ обязательное подчиненіе одной его доли другой, на столько въ него входитъ *государственный элементъ*.

Всѣ существующія и существовавшія державы, начиная съ Ашанти или съ Персіи и кончая Сѣверо-Американскими Соединенными штатами, начиная древнѣйшимъ извѣстнымъ намъ строемъ Египта фараоновъ и кончая еще вырабатываемой съ такими натугами конституціей французскаго септената, всѣ онѣ въ разсматриваемомъ нами отношеніи совершенно тожественны: всюду одна доля лицъ налагала обязательно свои рѣшенія на другую долю; всюду личность, родившаяся на данной территоріи, считалась преступною, если отказывалась повиноваться законамъ страны, считалась измѣнникомъ, если возставала противъ этой страны.

При существованіи этого государственнаго господства надъ всѣми личностями данной территоріи, всѣ общественные союзы между личностями проникались государственнымъ элементомъ.

Всѣ договоры стали подъ охраненіе государственной силы, сдѣлались обязательными подъ страхомъ наказанія; нарушеніе ихъ обратилось въ преступленіе. Кромѣ того, государственный элементъ проникъ въ значительной степени въ самые элементарные общественные союзы. Напримѣръ, въ семьѣ не только взрослое поколѣніе облечено властью надъ возрастающимъ поколѣніемъ, но почти всюду мужъ облеченъ властью надъ женою, родители сохраняютъ власть надъ дѣтьми и послѣ совершеннолѣтія и т. п.

Всѣ политическіе союзы, образовавшіеся для борьбы съ государственною властью, на сколько намъ извѣстно, были организованы на чисто-государственномъ началѣ, часто даже съ болѣе безусловнымъ проявленіемъ власти, чѣмъ въ государствѣ, противъ котораго боролся союзъ. Огромное большинство членовъ, однажды согласившись вступить въ союзъ, вслѣдствіе его общей цѣли, обязывались безусловнымъ повиновеніемъ всѣмъ приказаніямъ центральнаго комитета, — лица котораго были часто даже вовсе неизвѣстны ихъ подданнымъ. За произвольное оставленіе союза, за оппозицію противъ центральной власти, за составленіе оппозиціонныхъ кружковъ съ цѣлью низвергнуть эту власть или измѣнить ея права, подданные союза весьма часто прямо наказывались смертью (напр. у итальянскихъ карбонари). Цѣль заговорщиковъ всегда была одна и та же: захватить *власть* и *принудить* большинство населенія подчиниться той политической программѣ, которую имѣли въ виду осуществить заговорщики.

Государственный элементъ проникалъ и всѣ планы рабочей соціалистической организаціи, до сихъ поръ предложенные.

Въ „Коммунистическомъ манифестѣ", провозгласившемъ впервые союзъ пролетаріевъ всѣхъ странъ, ставится прямою цѣлью „рабочей революціи": „обращеніе пролетаріевъ въ господствующій классъ" («Der Kommun. Man.» изд. 1872 стр. 19, 20).

Организація лассалеанцевъ (см. „Впередъ" т. I, отд. III, 47 и слѣд.) отдавала всѣ дѣла въ руки правленія, давала громадную власть президенту союза, и еще въ 1873 г. журналъ ихъ говорилъ работникамъ: „завладѣйте... государствомъ" (тамъ же, 50).

Генеральный совѣтъ Интернаціонала былъ государственною силою, когда онъ былъ облеченъ властью „допускать или недопускать аффиліацію новыхъ вѣтвей и группъ", „пріостанавливать дѣйствіе вѣтвей Интернаціала" и могъ самъ „увеличивать число своихъ членовъ" (General rules. etc. изд. 1871, стр. 7 и 4). Интернаціоналъ смотрѣлъ на себя какъ на государство, когда исключалъ изъ своей среды цѣлыя федераціи не за измѣну программѣ борьбы рабочихъ противъ капитала, а „за неповиновеніе".

Тотъ самый де-Папъ, который въ рѣчи, напечатанной въ Progrès (1870, № 7), призывалъ „царство Анархіи" какъ „отсутствіе всякой власти", придалъ „государству — органу общихъ интересовъ" („Общ. сл. въ буд. общ." стр. 30) весьма значительную

роль въ построеніи будущаго общества въ запискѣ брюссельской секціи на конгрессѣ 1874 г. и прямо высказалъ свое отношеніе къ этому понятію въ словахъ („Общ. сл. въ буд. общ.“ стр. 23): „Рабочіе,.., государство должно принадлежать намъ!“ При этомъ должно замѣтить, что онъ внесъ въ проэктированный имъ общественный строй не только исполнительную администрацію экономическихъ группъ, о которой сказано выше, но самую первую группу общественной службы составилъ (стр. 5) изъ службы по „законодательству, юстиціи и полиціи“. Куда бы ни были перенесены эти функціи, онѣ соотвѣтствуютъ *принудительной власти*, слѣдовательно — *государственному элементу*.

Не могла удержаться отъ внесенія элемента обязывающей и принудительной власти въ построеніе будущаго общества и женевская секція пропаганды въ своемъ отчетѣ (см. примѣчанія къ русскому переводу въ „Общ. сл. въ буд. общ.“ стр. 76 и слѣд).

Самую энергическую власть въ средѣ современнаго соціализма имѣли въ виду организовать алліансисты въ статутахъ, въ томъ видѣ, какъ они напечатаны. Здѣсь мы находимъ и „учредительную и высшую власть“, и полное сознательное подчиненіе ей высшаго сословія — „интернаціональныхъ братьевъ“, которые, въ числѣ *ста*, управляютъ всѣмъ движеніемъ, и безсознательное подчиненіе низшаго сословія — „національныхъ братьевъ“, которые даже не знаютъ о международной организаціи своего общества; имѣемъ и тайную власть прежнихъ политическихъ союзовъ.

Изъ предыдущаго видно, что „окончательное искорененіе принципа авторитета“, „организація путемъ свободной ассоціаціи“, поставленная во главѣ анархической программы самымъ блестящимъ ея представителемъ (см. рѣчь, напечатанную въ „Ист. разв. Инт.“ 1873, стр. 329), не была внесена ни въ практическіе проэкты организаціи будущаго общества, ни въ способы борьбы съ настоящимъ обществомъ, предложенные организаторами рабочаго соціализма, тамъ, гдѣ обдумана была хотя съ нѣкоторою подробностью программа предстоящей борьбы.

Ограничимся предыдущимъ и еще разъ напомнимъ читателю, что для насъ *государство* есть общественный союзъ, въ которомъ существуетъ *власть* той или другой формы, власть, помощью которой одна доля населенія дѣлаетъ рѣшенія ею принятыя *обязательными* для остальной части, безъ возможности для послѣдней уклониться отъ ихъ исполненія, не разрушая самаго союза. Всюду, гдѣ существуетъ подобная *власть* однихъ личностей надъ другими, мы признаемъ существованіе *государственнаго элемента*, и во всѣхъ этихъ случаяхъ представляется для насъ лишь второстепенный вопросъ: *кто* обладаетъ дѣйствительною властью, *на сколько* необходимъ и на сколько стѣснителенъ въ данномъ случаѣ существующій въ обществѣ государственный элементъ?

III. Нынѣшнее государство и рабочій соціализмъ.

Пришлось бы написать чуть ли не цѣлый томъ, если бы мы принялись развивать во всей подробности положеніе, что нынѣшнее государство не можетъ сдѣлаться орудіемъ торжества рабочаго соціализма; что мечта о революціи, которая сохранила бы главныя черты нынѣшняго политическаго строя для того, чтобы направить ихъ противъ враговъ — мечта совершенно нелогическая. Но мы и не думаемъ не только войти въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, столько разъ подвергнутаго обсужденію, но не думаемъ даже останавливаться на немъ, такъ какъ не видимъ въ настоящую минуту въ рядахъ приверженцевъ рабочаго соціализма сколько нибудь серьезныхъ защитниковъ теоріи обращенія *нынѣшняго* государства въ орудіе послѣдняго. Съ тѣхъ поръ какъ лассальянцы соединились съ эйзенахцами*), а авторы „Коммунистическаго манифеста" признали, что „рабочіе не могутъ просто захватить въ свои руки готовую государственную машину и привести ее въ дѣйствіе для своихъ собственныхъ цѣлей" (Kommun. Man. изд. 1872, предисл.) едва ли предстоитъ еще нужда терять время на доказательство трюизма: рабочій соціализмъ для осуществленія

---

*) Мнѣ могутъ возразить, что въ самой программѣ соединенія этихъ партій въ одну „Соціалистическую рабочую партію Германіи" находится пунктъ, гдѣ эта партія требуетъ „государственной помощи" для „учрежденія производительныхъ ассоціацій" (См. „Впередъ" № 7, стр. 214). Но пренія по этому вопросу въ засѣданіи 25 мая (см. „Впередъ" № 12, стр. 373 и сл.) совершенно уяснили, въ какомъ смыслѣ понимали эти слова работники Германіи. Гассельманъ — лассальянецъ — говорилъ, что „организацію ихъ (производительныхъ ассоціацій) долженъ взять въ свои руки самъ рабочій народъ, а не современныя реакціонныя или радикальныя правительства". Либкнехтъ же сказалъ, что упомянутая въ вышеприведенныхъ словахъ „государственная помощь не есть помощь теперешняго буржуазнаго государства, искать которую было бы совершенно безполезно. Эти слова относятся къ государству, которое будетъ основано на развалинахъ буржуазнаго строя". — Нѣкоторые члены желали вовсе выбросить абзацъ, заключавшій эти слова, такъ какъ рабочее движеніе ушло за столько впередъ въ послѣднее время, что содержаніе этого абзаца принято быть не можетъ. Конечно, было бы лучше этимъ способомъ вовсе избѣжать возможныхъ недоразумѣній, но, при ясной постановкѣ вопроса конгрессомъ, нельзя уже понимать вышеприведенныя слова программы, какъ признаніе *нынѣшняго* буржуазнаго государства, въ формѣ возможнаго элемента или пособія въ *будущемъ* соціалистическомъ строѣ.

общественнаго строя по своимъ потребностямъ, долженъ разрушить современное государство и создать нѣчто иное.

Но разъ принявъ это положеніе за безспорное, приходится обратить вниманіе на ту совокупность личныхъ и общественныхъ потребностей, которымъ удовлетворяло или должно было удовлетворять государство. Въ этой совокупности были и есть потребности совершенно правомѣрныя, которыя должны быть удовлетворены тѣмъ или другимъ путемъ; и общество, основанное на началахъ рабочаго соціализма, должно удовлетворить имъ *иными* способами, если хочетъ отнять у защитниковъ нынѣшняго государства всякую логическую основу ихъ аргументаціи. Затѣмъ въ той же совокупности есть другія потребности, которыя имѣли въ свое время свою достаточную причину, но давно перестали быть существенными соціологическими элементами и если теперь еще существуютъ то должны вымереть въ правильномъ общественномъ строѣ. Еще другія потребности были вызваны въ самомъ процессѣ исторіи искаженіемъ общественнаго строя въ пользу небольшаго числа эксплуататоровъ и должны быть признаны не только ложными личными или общественными потребностями, но прямо-вредными общественными элементами, противъ которыхъ приходится направлять всѣ усилія, не уступая имъ ни малѣйшей доли почвы въ новомъ обществѣ и въ его подготовленіи. Мы постараемся обрисовать въ самыхъ общихъ чертахъ этотъ генезисъ государственнаго элемента и обростаніе существенныхъ потребностей, вызвавшихъ государственный элементъ, потребностями временными и потребностями враждебными общественному благу; это дозволитъ намъ впослѣдствіи поставить ясно вопросы: какія потребности государственный элементъ передаетъ будущему обществу для удовлетворенія иными способами? Какія потребности прежняго времени надо считать несущественными и временными, такъ что частное или преходящее ихъ удовлетвореніе въ переходный періодъ можетъ быть допущено, но окончательно онѣ должны исчезнуть и будущее общество рабочаго соціализма, при своемъ полномъ развитіи, не будетъ вовсе нуждаться въ органахъ для удовлетворенія этихъ временныхъ — и тогда вымершихъ — потребностей? Какія, наконецъ, потребности нынѣшняго общественнаго строя должно считать столь враждебными самой сущности рабочаго соціализма, что съ ними приходится бороться во всѣхъ ихъ проявленіяхъ? — Мы постараемся ограничиться здѣсь лишь крайне-необходимымъ.

Одна изъ основныхъ человѣческихъ потребностей, самымъ неразрывнымъ образомъ связанная съ самыми элементарными формами общественнаго союза и постоянно присущая обществамъ во всѣхъ формахъ ихъ развитія, есть потребность *безопасности*. Она *должна* быть удовлетворена такъ или иначе для того, чтобы

существовала возможность членамъ общества подумать объ удовлетворенія другихъ, менѣе настойчивыхъ потребностей. Для ея удовлетворенія общества слишкомъ часто жертвовали и матеріальными удобствами и возможностью прогрессивнаго развитія. Она легла и въ основаніе историческаго развитія государственности какъ въ ея первоначальныхъ формахъ, такъ и въ послѣдующихъ ея фазисахъ.

Потребность безопасности была, несомнѣнно, первоначальнымъ, полусознательнымъ побужденіемъ образованія прочныхъ общественныхъ единицъ. Собирались ли наши предки, люди-животныя, какъ волки для набѣга, потребность безопасности побуждала ихъ не разбѣгаться послѣ окончанія предпріятія, а оставаться вмѣстѣ и сживаться въ кочевую дружину съ общинными женами и дѣтьми, или съ невольниками и женами-рабынями. Разросталась ли животная семья полу-людей въ многочисленное племя сродниковъ, потребность безопасности побуждала личностей дорожить дѣйствительнымъ или фиктивнымъ кровнымъ союзомъ. Въ періодъ зоологической борьбы людей, отдѣльная особь была почти неизбѣжно осуждена на гибель. Она могла сколько нибудь отстоять себя отъ разнородныхъ опасностей лишь въ союзѣ съ другими особями. Борьба за существованіе для каждой особи противу *всѣхъ* своихъ соперниковъ становилась легче, когда эта особь отказывалась отъ этой борьбы *внутри* группы, чтобы вся эта группа могла успѣшнѣе бороться съ врагами *внѣ* ея находящимися. *Солидарное общежитіе* было могучимъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе, могучимъ охраненіемъ *безопасности* личности, вступившей въ группу.

Въ обоихъ случаяхъ дружинный и семейный союзъ первобытнаго времени не былъ вовсе похожъ на современное государство. Общественная жизнь опредѣлялась преимущественно двумя элементами: обычаемъ и случайнымъ деспотизмомъ.

Обычай царствовалъ надъ всѣми во имя своей древности; *сегодня* должно было поступать какъ поступали вчера ни почему другому, какъ потому, что такъ *было* вчера, а, при недостаткѣ историческихъ воспоминаній, то что было *вчера*, по общему мнѣнію, существовало съ глубочайшей древности, существовало *всегда*. Нарушеніе обычая въ человѣческомъ обществѣ было тогда столь же невѣроятнымъ дѣломъ, какъ нарушеніе его въ обществѣ пчелъ и муравьевъ. Это нарушеніе казалось такимъ же нравственнымъ преступленіемъ, какъ тѣ поступки, которые мы считаемъ наиболѣе возмутительными, противуестественными. Противъ обычая не протестовали, какъ не протестовали противъ смѣны временъ года или дня и ночи. Обычай былъ единственнымъ связующимъ элементомъ общества, когда мысль была слаба, а эгоистическіе инстинкты были сильны. Обычай, удовлетворявшій наиболѣе потребности безопасности, доставлялъ преимущество обществу

въ борьбѣ за существованіе. Патріархъ и рабъ, предводитель дружины хищниковъ и общественная жена одинаково подчинялись безпрекословно обычаю *почти* во всѣхъ случаяхъ жизни, и это сообщало общественной жизни ненарушимое единообразіе. Это было начало общественнаго застоя въ тоже время какъ начало общественной прочности.

Но эта ровная жизнь нарушалась порывами личнаго деспотизма, потому что человѣкъ, какъ млекопитающееся, въ самой своей природѣ заключалъ эгоистическій элементъ, побуждавшій его, на сколько возможно, пользоваться общественнымъ союзомъ для своихъ личныхъ наслажденій. Какъ только половой *общественный* союзъ сталъ переходить въ половой союзъ отдѣльныхъ семей, немедленно въ семьѣ явилась возможность безграничнаго произвола главы семьи и *рядомъ* съ жизнью по установившемуся обычаю, выдѣлялись отдѣльные случаи, гдѣ личный аффектъ дѣйствовалъ *вопреки* обычаю. При хищническихъ набѣгахъ, какъ при защитѣ противъ нихъ, приходилось *временно* руководиться не обычаемъ, а принаравливаться къ разнообразнымъ обстоятельствамъ, и въ этихъ случаяхъ борьба между обществами была тѣмъ удачнѣе, чѣмъ руководство было энергичнѣе и болѣе централизовано. При слабости умственной дѣятельности обществъ, привыкшихъ руководиться обычаемъ, лишь крайне немногія особи — ихъ, по справедливости, можно для этого періода назвать геніальными — могли успѣшно руководить общественною дѣятельностью *внѣ* обычнаго хода дѣла. Ихъ облекали *всякою* властью безъ договора, по самой силѣ вещей. Они могли удовлетворять всѣмъ своимъ эгоистическимъ наклонностямъ, насколько лишь они сами не опасались нарушить священный обычай. Самая неограниченная диктатура была въ ихъ рукахъ. И общество безпрекословно подчинялось этой диктатурѣ во имя своей безопасности.

Но этотъ крайній произволъ личности въ данномъ случаѣ не имѣлъ ничего общаго съ послѣдующей государственной жизнью, потому что онъ былъ *временнымъ* пріемомъ при *временныхъ* обстоятельствахъ, или ограничивался внутреннею жизнью семьи, какъ клѣточки общественнаго организма. Все теченіе общественной жизни въ ея цѣломъ опредѣлялось все таки *обычаемъ*, царившимъ надо всѣми и который *нельзя* было нарушить.

Этотъ антропологическій строй доисторическаго человѣчества, и до сихъ поръ господствующій въ значительной долѣ человѣческихъ племенъ, былъ нарушенъ у историческихъ народовъ работою мысли религіозной и политической.

Среди первоначальныхъ формъ *религіозной* мысли, входившихъ въ самые обычаи и составлявшихъ часть этихъ обычаевъ, кое гдѣ въ человѣчествѣ стали выработываться религіозныя ученія, ставившія передъ людьми новый идеалъ общественной жизни, какъ

приказаніе свыше, и во имя воли боговъ, во имя религіознаго вѣрованія началась борьба противъ обычая. Мы не имѣемъ здѣсь возможности останавливаться на общественной роли этого элемента. Ограничимся лишь указаніемъ на то̀, что религія стала кое-гдѣ элементомъ новаго обычая, столь же неподвижнаго какъ прежніе; кое-гдѣ она облекла жреческое сословіе или предводителей дружинъ и племенъ священнымъ ореоломъ, дозволявшимъ имъ удовлетворять всѣ эгоистическія стремленія; кое-гдѣ она поставила рядомъ массу, живущую обычною жизнью, съ одною или нѣсколькими группами сектаторовъ, проповѣдывавшихъ общественную реформу, согласную съ ихъ религіозными идеалами. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ она ставила надъ владыками и подчиненными, надъ господами и рабами, одинъ религіозный законъ, одинъ религіозный идеалъ, который стоялъ внѣ всякой земной власти и которому *всѣ* должны были, *вообще говоря*, подчиниться, какъ подчинялись предъ тѣмъ обычаю.

Совсѣмъ иной ходъ имѣлъ ростъ *политической* мысли. Внутри обществъ, руководимыхъ обычаемъ или религіознымъ вѣрованіемъ, происходили *постоянно* столкновенія личностей, и эти столкновенія требовали разрѣшенія. Конечно, они должны были быть разрѣшены по обычаю и по требованіямъ религіи. Но жизнь слишкомъ разнообразна, чтобы въ ней все можно было предвидѣть; къ тому же личные аффекты постоянно толкають личность на нарушеніе установленнаго порядка вещей. Для безопасности личностей необходимо было истолковывать обычай въ приложеніи къ данному спорному вопросу; приходилось преслѣдовать страстныхъ нарушителей обычая, нарушителей божественнаго закона. *Судъ и расправа* появились какъ первая форма *постояннаго* выдѣленія одной личности или группы личностей изъ общества, съ тѣмъ чтобы приговоръ этихъ личностей становился *обязательнымъ* для всѣхъ и налагался *принудительно* на ослушныхъ. Всюду, гдѣ одна и та же личность или одна и та же группа личностей, по тому или по другому обстоятельству, *сохранили* за собою функцію истолкованія обычая или вѣрованія и примѣненія его къ частнымъ случаямъ, образовалось прочное зерно *государственной власти*. Хотя эти личности творили *судъ и расправу* во имя обычая, предъ которымъ сами преклонялись, или во имя вѣрованія, которое сами считали священнымъ, но одно то, что ихъ толкованіе и практическое постановленіе становилось обязательнымъ для общества, по особенности ихъ положенія въ этомъ обществѣ, ставило ихъ личный разумъ, ихъ личную волю привычнымъ элементомъ общественной жизни. Они рѣшали непрерывный рядъ дѣлъ и постоянно ихъ рѣшеніе должно было быть исполнено. Съ умноженіемъ сомнительныхъ случаевъ, съ увеличеніемъ сложности жизни, приговоры и распоряженія все чаще получали характеръ рѣшенія вопроса, относящагося къ жизни значительнаго числа лицъ. Это былъ

частный *прецедентъ*, по *аналогіи* съ которымъ должны были быть рѣшены другія подобныя дѣла; это было юридическое указаніе, которымъ приходилось руководствоваться членамъ общества во многихъ случаяхъ жизни, если они не хотѣли довести дѣло до суда. Это былъ разростающійся *свѣтскій законъ*, наложенный *земною властью*, обязательною для общества, но мало по малу отличавшійся отъ обычая, потому что мѣнялись толкователи, мѣнялись и толкованія; отличавшійся отъ божественнаго закона, потому что можно было сослаться на толкованіе того или другаго равви въ противуположность неизмѣнной торѣ, на эдиктъ того или другаго претора въ противуположность древнему праву. Юридическая функція, ограждающая личности отъ опасностей, безпрестанно возникающихъ для нихъ внутри общества, была однимъ изъ важныхъ источниковъ развитія *государственной власти* въ обществахъ, и осталась нераздѣльнымъ условіемъ государственности до нашего времени.

Борьба группъ за существованіе была другимъ источникомъ развитія въ обществѣ элемента власти, господствующей не только надъ волею другихъ членовъ группы, но и надъ священнымъ для всѣхъ обычаемъ. При размноженіи человѣчества и при элементарныхъ средствахъ добыванія необходимаго, которыя находились въ рукахъ первобытныхъ обществъ, для пропитанія небольшой группы нужна была довольно-обширная территорія, а потому группы людей все больше входили въ столкновеніе, борьба за существованіе между ними становилась все напряженнѣе, наконецъ изъ временной все чаще обращалась въ постоянную. Безопасность особи въ группѣ зависѣла уже въ *большей* степени отъ безопасности всей группы отъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ отъ безопасности особи отъ другихъ особей той же группы. Общественная техника должна была обратить особенное вниманіе на огражденіе существованія всей группы, при территоріи все болѣе стѣсненной внѣшними врагами, при опасности отъ этихъ враговъ все болѣе постоянной и болѣе настойчивой. Именно къ этому періоду, къ этой усиленной борьбѣ группъ за существованіе должно отнести самые важные техническіе успѣхи человѣчества, успѣхи, которые были необходимою подготовительною почвою для историческаго прогресса, но которые, въ то же время, почти всѣ вели и къ развитію въ средѣ общества государственной власти.

Одно изъ важныхъ средствъ облегченія борьбы за существованіе для даннаго общества было увеличеніе экономическихъ силъ этого общества. Первымъ шагомъ къ этому было ограниченіе территоріи, необходимой населенію для добыванія средствъ жизни. Это было сдѣлано, когда люди одомашняли и приручили нѣкоторыхъ животныхъ; еще болѣе, когда началась обработка земли. Охотничье племя нуждается въ территоріи въ 560 разъ обширнѣйшей, чѣмъ народъ съ интензивною обработкой земли въ наше

время. Конечно, разница была далеко не такъ огромна въ первобытныхъ племенахъ, но все-таки она должна была быть на столько значительна, что общества, которыя имѣли около себя средства для существованія въ стадахъ своего скота или въ растительности пищевыхъ растеній своихъ нивъ, должны были имѣть огромное превосходство надъ племенами охотниковъ. Это превосходство заключалось во первыхъ въ большемъ скученіи населенія, что облегчало и оборону, и нападеніе, и взаимное развитіе личностей; во вторыхъ, въ большемъ удобствѣ выбрать мѣстность годную для защиты и для нападенія, и оградить ее искуственно или, по крайней мѣрѣ, усилить ея естественныя средства обороны.

Но представимъ себѣ племя, живущее унаслѣдованными привычками и, кромѣ того, привычками столь отличными отъ привычекъ земледѣльца или пастуха, какъ привычки охотника; постараемся возсоздать воображеніемъ тотъ процессъ, который долженъ былъ произойти въ этой группѣ людей, для того чтобы перейти отъ однихъ привычекъ къ другимъ, имъ противуположнымъ; припомнимъ, что въ настоящее время, въ виду наглядныхъ выгодъ новой промышленности, рядъ охотничьихъ или полупастушескихъ племенъ скорѣе вымираетъ, чѣмъ соглашается принять новый строй жизни; тогда только мы можемъ нѣсколько понять, какой громадный общественный авторитетъ требовался въ данномъ племени для совершенія въ немъ перехода отъ охоты къ скотоводству и къ земледѣлію, и на сколько при этомъ должно было усилиться начало власти, руководившей племенемъ и ломавшей его самыя основныя привычки. Весьма вѣроятно, что это произошло при значительномъ содѣйствіи новыхъ религіозныхъ ученій, подъ давленіемъ новыхъ формъ культа, тѣмъ болѣе что мы всюду находимъ цѣлый рядъ преданій, обычаевъ пріемовъ колдовства и народныхъ празднествъ (древнѣйшихъ обрядовъ культа), связанныхъ съ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Но какъ бы оно ни было, эти существенные, важнѣйшіе шаги въ человѣческой культурѣ были неизбѣжно связаны съ развитіемъ и укрѣпленіемъ общественной власти въ той или другой формѣ, власти уже вовсе не временной и не ограничивавшейся какою либо одною функціей (какъ выше для суда), но власти, постоянно тяготѣвшей надъ всѣми явленіями общественной жизни, слѣдившей за личностью во всѣхъ ея привычкахъ, и въ то же время признанной необходимою вслѣдствіе громадной выгоды, которую доставлялъ новый порядокъ въ борьбѣ за существованіе.

Совершенно естественно, что подобное же выдѣленіе власти и усиленіе ея было вызвано прямымъ развитіемъ военной техники, введеніемъ новаго, улучшеннаго оружія, выборомъ новыхъ мѣстъ жительства и ихъ укрѣпленіемъ, общею организаціею защиты общества, особенно же организаціею нападенія. Послѣднее обстоятельство, при умноженіи человѣческихъ группъ и при развитіи

промысловъ, должно было повести и повело къ образованію обществъ, которыя нашли выгоднѣйшимъ развивать въ своей средѣ не промышленную, а военную технику, и существовать захватомъ результатовъ чужого промышленнаго труда, *практикуя хищничество* среди окрестныхъ пастушескихъ и земледѣльческихъ племенъ. Въ подобныхъ хищническихъ группахъ почти неизбѣжно вырабатывалось сословіе предводителей, которому подчинялась масса хищниковъ во имя большаго мужества, большей ловкости, хитрости, распорядительности первыхъ. Преданіе прославляло ихъ подвиги и ихъ дѣти *унаслѣдовали* общественное значеніе этой хищной аристократіи, весьма часто не имѣя даже нужды унаслѣдовать безспорныя способности предковъ.

Какъ только образовались общества, съ одной стороны спеціально развивавшія въ себѣ технику военныхъ упражненій и по самому своему строю имѣющія возможность существовать лишь при пособіи результатовъ своего хищничества, съ другой же стороны общества, которыя въ значительной долѣ основывали свое существованіе на мирныхъ промыслахъ — неизбѣжно шансы въ борьбѣ за существованіе должны были въ большей части случаевъ склоняться въ пользу первыхъ. Войны чистыхъ хищниковъ съ промышленниками большею частью кончались не въ пользу послѣднихъ, хотя были случаи, когда удобное положеніе территоріи, особенныя способности предводителей промышленныхъ обществъ или другія какія либо обстоятельства дѣлали нападенія чистыхъ хищниковъ неудачными и принуждали ихъ прибѣгать къ изобрѣтенію новыхъ средствъ, для уравненія своихъ силъ съ силами противниковъ. Это повело къ новымъ фазисамъ развитія государственности и къ новымъ формамъ власти.

Въ иныхъ случаяхъ прямо хищническія общества не ограничились грабежемъ болѣе слабыхъ сосѣдей, но *поработили* ихъ и стали единственно-свободными повелителями населенія, лишеннаго всѣхъ правъ, но которое обладало высшей промышленной культурой сравнительно со своими господами.

Въ другихъ случаяхъ промышленныя общества, не будучи въ состояніи противустоять своимъ хроническимъ разорителямъ, добровольно *подчинились* ихъ власти на болѣе или менѣе тяжелыхъ для себя условіяхъ, образовавъ безоружныхъ данниковъ воинственнаго центра, или промышленную касту новаго политическаго цѣлаго.

Еще въ другихъ случаяхъ, при болѣе выгодныхъ случайностяхъ на сторонѣ промышленныхъ обществъ, они нашли нужнымъ выдѣлить изъ своей среды сословіе, спеціально назначенное для обороны общества и поддержанное трудомъ остальныхъ сословій, которыя, по тому самому, все болѣе теряли привычку къ военному дѣлу, находились все болѣе въ зависимости отъ своихъ защитниковъ и, тѣмъ самымъ, должны были уступать имъ все большую и большую долю власти.

Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда прямо-хищническое общество оказывалось безсильнымъ въ борьбѣ съ окружающими сосѣдями и рисковало вымереть въ періодъ недостаточной добычи, оно стало заводить у себя искусственные промыслы, захватывая, при удачномъ нападеніи, не только скотъ и имущество, но и самыхъ жителей страны, на которую нападало, образуя у себя населеніе иноплеменныхъ рабовъ, и соединяя главный промыселъ *господъ* — разбой — съ болѣе или менѣе развитою разнородною промышленностью своего невольничьяго населенія.

Въ послѣдствіи каждая изъ этихъ формъ политическаго развитія усложнилась, комбинируя разныя степени политической зависимости, разныя формы рабства, крѣпостнаго состоянія, барщинной и податной обязанности, вызывая къ жизни разныя сословія полуполитическаго, полуэкономическаго характера, съ разными правами и разными тягостями.

Но главная характеристика всѣхъ этихъ формъ общественной жизни была одна и таже. Вслѣдствіе неизбѣжныхъ условій борьбы за существованіе, во имя самой насущной потребности безопасности цѣлаго образовалось въ обществѣ, во первыхъ, рѣзкое различіе между господствующимъ классомъ и подчиненнымъ, въ формѣ ли совершенно-безправнаго отношенія господъ къ рабамъ, или въ формѣ политически и юридически болѣе или менѣе опредѣленнаго отношенія одного слоя населенія къ другому. Во вторыхъ, это *политическое* распредѣленіе власти и общественныхъ тяжестей было самымъ тѣснымъ образомъ связано со *спеціализаціей* занятій, съ раздѣленіемъ работы между личностями и между группами, при чемъ обязанность охранять общество отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ *противуполагалась* обязанности промышленнаго труда на общую пользу, и *власть*, за немногими исключеніями, была нераздѣльно связана со *спеціальнымъ занятіемъ военнымъ дѣломъ*. Немногія исключенія, представляемыя въ этомъ случаѣ исторіею, имѣли мѣсто, впрочемъ, вовсе не въ пользу рабочаго населенія, а въ пользу касты религіозныхъ учителей и толкователей. Всюду, гдѣ только что упомянутая спеціализація произошла, тамъ трудъ промышленный, производительный, сталъ трудомъ раба или подданнаго, лишеннаго почти всѣхъ политическихъ правъ. Въ самыхъ выгодныхъ случаяхъ, въ небольшихъ государствахъ Греціи и первобытнаго Рима, въ связи съ религіозными преданіями прежняго времени, земледѣльческій трудъ давалъ хозяевамъ (преимущественно крупнымъ) политическія права, но и то потому лишь, что земледѣлецъ оставался воиномъ. Да еще въ приморскихъ и прирѣчныхъ мѣстностяхъ (въ Финикіи и Кареагенѣ, на берегахъ Скандинавіи, въ Новгородскихъ колоніяхъ) торговля составляла почетное занятіе господствующаго сословія, потому опять, что была нераздѣльно связана съ разбоемъ. Впрочемъ, и тутъ спеціализація военнаго дѣла не

замедлила вступить въ свои историческія права, хотя нѣсколько позже. Почти повсюду *власть* перешла въ руки слоевъ, группъ или кастъ, посвятившихъ себя военному дѣлу и тѣхъ, которые умѣли поставить на свою сторону воиновъ, оградить свою власть ихъ силою. Мущины спеціализировали большею частью въ своихъ поколѣніяхъ военное дѣло и поработили женщинъ, которыя наслѣдственно выработали болѣе слабыя мышцы и болѣе тонкій скелетъ. Сословія воиновъ, дворянства, господъ воспитали въ себѣ наслѣдственную смѣлость, повелительность, безсовѣстность въ господствѣ рядомъ съ ловкостью въ употребленіи оружія, и унаслѣдованная трусливость раба, унаслѣдованное уваженіе къ героямъ-побѣдителямъ настолько же упрочивало подчиненіе массъ и ихъ страданіе, какъ ихъ отвычка владѣть усовершенствованнымъ оружіемъ.

На помощь этому раздѣленію занятій и концентрированію государственной силы въ одной группѣ, въ одномъ слоѣ, пришли и всѣ другіе элементы общественнаго развитія. Законъ оградилъ понятіемъ о правѣ и фиктивной справедливости то раздѣленіе, которое выросло изъ потребности безопасности, и перенесъ въ кодексахъ это понятіе на періодъ, когда потребности безопасности приходилось имѣть въ виду уже совершенно иныхъ враговъ. Обычай внесъ это раздѣленіе въ рутину жизни, вызвалъ представленіе, что оно всегда такъ было, всегда такъ будетъ и такъ должно быть. Религія вплела его въ свои миѳы, то приписывая господствующему классу божественное или героическое происхожденіе, то связывая военное дѣло съ богоугодною дѣятельностью, то освящая его своими обрядами, иногда, не смотря на очевидное противурѣчіе кровопролитія съ ея нравственнымъ ученіемъ (какъ въ христіанствѣ). Искусство воспѣвало кровожадныхъ Ахилловъ, Роландовъ, Добрынь и возвеличивало деспотовъ, осмѣивая труженика и раба. Философія создавала общественныя теоріи, гдѣ возводилось въ принципъ различіе господствующихъ и подчиненныхъ расъ, естественныхъ господъ и естественныхъ рабовъ, необходимость отсутствія физическаго, промышленнаго труда для политическаго развитія. Даже наука пыталась установить принципъ раздѣленія работъ, какъ естественное начало общественнаго прогресса, при чемъ понятіе о раздѣленіи работъ примѣнялось въ томъ смыслѣ, въ которомъ наука эмпирически застала его: человѣкъ долженъ былъ посвятить себя *цѣликомъ* одному дѣлу: политикѣ, военной выправкѣ, биржѣ, сапожному ремеслу, изготовленію булавочныхъ головокъ.

Такимъ образомъ, *естественныя и необходимыя* потребности человѣка обросли толстою корою потребностей *временныхъ*, но представлявшихся большинству столь же настоятельными. Во всѣ времена для личности была и будетъ *естественной* и неотмѣнной потребностью потребность безопасности, вызвавшая къ

существованія государства; столь же *естественна* была потребность, при усложненіи жизни, разнообразить технику удовлетворенія общественныхъ нуждъ, огражденія общества отъ возможныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей. Но изъ этихъ потребностей выросли временныя потребности: создать *касту* охранителей общества отъ враговъ; создать *власть*, заботящуюся о принудительномъ исполненіи разными слоями и группами общества обязанностей, на нихъ наложенныхъ для общаго дѣла; поставить дѣло борьбы противъ враговъ выше промышленнаго труда для поддержки существованія общества; наконецъ, создать въ одномъ и томъ же обществѣ *различные* типы людей со спеціальнымъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, со спеціальнымъ воспитаніемъ, приноровленнымъ къ спеціальнымъ занятіямъ такъ, чтобы достоинства и добродѣтели одной личности были недостатками и пороками другой: этотъ долженъ былъ отдавать жизнь за каждое оскорбленіе своей „чести" даже неуважительнымъ взглядомъ; тотъ долженъ былъ переносить ругань и оскорбленія, какъ вещи сами собою разумѣющіяся; одинъ долженъ былъ физическими упражненіями и общежитіемъ развивать въ себѣ физическую силу, грубость, безчувственность, настойчивость; для другой все достоинство заключалось въ безсиліи, въ слабости, въ кротости; знаніе ремесла и экономическая расчетливость были здѣсь необходимымъ условіемъ и заслуживали уваженіе, тамъ же составляли предметъ порицанія. Мы нисколько не думаемъ отрицать, что въ нѣкоторые періоды исторіи человѣчества, при данныхъ условіяхъ борьбы группъ людей за существованіе, всѣ эти потребности могли имѣть *важное* значеніе, можетъ быть даже, составляли *необходимое* условіе для перехода отъ одного фазиса общественной жизни къ другому (хотя послѣднее и подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ фактическій путь исторіи не доказываетъ еще *невозможности* другаго пути), но ни для одной изъ этихъ потребностей не существуетъ и тѣни доказательства, чтобы она составляла *навсегда* естественную и неотмѣнимую потребность человѣческаго общежитія, безъ которой историческій прогрессъ былъ бы невозможенъ.

Но естественный ходъ общественнаго развитія, при существованіи подобнаго раздѣленія работъ и при концентрировкѣ власти въ одномъ сословіи, долженъ былъ привести и привелъ еще къ новому фазису государственной жизни.

По мѣрѣ размноженія человѣческихъ обществъ и усложненія ихъ культуры у историческихъ народовъ, прямая борьба между обществами становилась все труднѣе, а успѣхъ прямаго хищничества все болѣе сомнителенъ. Въ тоже время ослабѣвала разница культурныхъ формъ и безусловная враждебность ко всему, что было внѣ даннаго общественнаго союза — къ звѣрю или человѣку одинаково. Для успѣха хищническаго набѣга вступали

но временный союзъ чуждыя общества (повѣствованія о мифическихъ походахъ Аргонавтовъ и разрушителей Трои указываютъ на подобные союзы, которые существовали и между италійскими племенами въ первый періодъ Рима и могутъ быть указаны или предполагаемы съ достаточною вѣроятностью въ различныхъ мѣстностяхъ); между чуждыми народностями происходилъ обмѣнъ произведеній, и образовывалась экономическая зависимость. Внутри обществъ факты безграничнаго произвола сильныхъ встрѣчали препятствіе въ другихъ силахъ, соперничавшихъ съ первыми; обычай измѣнялся слишкомъ быстро и становился слишкомъ разнообразенъ для разныхъ личностей, чтобы его ненарушимая святыня могла оставаться подавляющею силою для личности; религія теряла свое вліяніе въ виду индифферентизма массы, погруженной въ ежедневныя заботы о существованіи, а кое гдѣ встрѣчала уже и прямое противудѣйствіе критической мысли. Ослабѣвала внѣшняя борьба обществъ за существованіе, борьба прямаго убійства, порабощенія массами и грабежа; отодвигалась въ минувшее и та форма потребности въ безопасности, которая вызвала въ прежній періодъ образованіе государственнаго союза, предоставленіе власти защитникамъ общества отъ внѣшнихъ враговъ, преобладаніе военныхъ занятій и военной касты. За то внутри болѣе безопасныхъ другъ отъ друга обществъ выступила на первый планъ *экономическая* борьба личностей и группъ, и въ этой борьбѣ *юридическій* элементъ государственнаго союза сталъ могущественнымъ оружіемъ.

Съ самого начала существованія обществъ потребность въ экономическомъ обезпеченіи была столь же настоятельна какъ потребность въ безопасности. Обѣ искали одновременно себѣ удовлетворенія въ общественномъ союзѣ и органы ихъ удовлетворенія были сначала одни и тѣже. Люди сплачивались въ дружины или въ племена какъ для экономическаго обезпеченія, такъ и для борьбы съ врагами. Возникающая власть руководила распредѣленіемъ продуктовъ труда или распредѣленіемъ добычи точно также, какъ она руководила защитою и нападеніемъ. Религіозныя ученія освящали экономическія отношенія, какъ они освящали убійство враговъ и самопожертвованіе личностей въ битвѣ за свое племя. По обычаю, по изрѣченіямъ оракуловъ, по естественному господству власти, лица, облеченныя властью или господствующимъ положеніемъ, получали бо́льшую долю добычи или продуктовъ труда чѣмъ другіе, большею частью брали, собственно, что хотѣли взять. Въ принципѣ все было общее и все могло и должно было быть отдано каждою личностью во имя обычая, во имя религіознаго предписанія, во имя повелѣнія власти, бывшей естественнымъ и неограниченнымъ представителемъ союза, въ которомъ каждый находилъ и предполагалъ свою безопасность. Личность не имѣла никакихъ правъ предъ этими идолами обычая,

религіи, власти; она должна была умирать съ голоду лишь бы обычай былъ соблюденъ, обрядъ былъ совершенъ, власть охранена; она добровольно шла на закланіе, если это было нужно: матери бросали своихъ дѣтей въ раскаленныя руки Молоха; подданные короля Дагомэ шли извѣщать его умершихъ предковъ о всякомъ необыкновенномъ событіи. И представители власти или религіи брали себѣ продукты хищничества или труда голодающаго населенія, брали жизнь того или другаго члена государства вовсе не изъ разсчитаннаго эксплуататорства, но потому что такъ *слѣдовало* по обычаю, по обряду, по значенію власти въ борьбѣ обществъ за существованіе; и они сами готовы были подвергнуться лишеніямъ, мученіямъ, уродованіямъ, даже добровольной смерти, если того требовалъ обычай, религіозный обрядъ, или если это входило въ ихъ роль какъ властителей.

Но съ ослабленіемъ значенія обычая и съ ослабленіемъ прямой борьбы за существованіе между обществами, дѣло постепенно измѣнялось. Личные интересы стали сначала тайно, а потомъ болѣе или менѣе явно противуполагаться общественнымъ, особливо на почвѣ экономическаго обезпеченія и личныхъ аффектовъ. При первыхъ шагахъ критики на почвѣ практической жизни оказалось совершенно ясно, что обезпеченіе безопасности группы и безопасности личности — совершенно разныя вещи; что личность можетъ обезпечить себя и близкихъ себѣ, когда большинство членовъ общества будетъ страдать, или подвергаться опасности; что, наоборотъ, безопасность для общества отъ внѣшнихъ враговъ, поддержаніе власти, назначенной для охраненія этой безопасности, строгое охраненіе обычая и обряда можетъ сопровождаться для той или другой личности и для близкихъ ей крайнею опасностью, страданіемъ, даже неизбѣжною гибелью; что, наконецъ, обладаніе властью составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы обезпечить себя и близкихъ себѣ отъ всякихъ опасностей, даже для того, чтобы, въ случаѣ нужды, уклоняться отъ давленія обычая и направить толкованіе религіознаго ученія въ свою пользу. Далѣе пошло пониманіе реальныхъ отношеній въ обществѣ, когда разъяснилась мысль, что самое обладаніе властью не настолько охраняетъ личность, какъ ея экономическое обезпеченіе, которое ставитъ въ экономическую зависимость отъ нея значительное число людей необезпеченныхъ экономически, доставляетъ ей вліяніе и на толкователей религіи и на самую власть; что, поэтому, существеннѣйшая цѣль, къ которой должна стремиться личность, поставившая другихъ въ экономическую зависимость отъ себя, заключается въ томъ, чтобы государственными силами оградить за собою ту экономическую силу, которую она пріобрѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и направить государственную силу на удержаніе массы населенія, экономически необезпеченной, въ экономической зависимости отъ немногихъ, экономически-сильныхъ личностей; что, слѣдовательно,

огражденіе частной *собственности* и охраненіе *договора* между богатымъ и бѣднымъ помощью *закона*, поддержаннаго всѣми силами *государства*, есть самое лучшее назначеніе послѣдняго на пользу богатыхъ и сильныхъ, конечно—не беря вовсе въ соображеніе интересы экономически-необезпеченныхъ массъ.

Такимъ образомъ, естественный ходъ развитія общественныхъ вопросовъ придалъ государству, долженствовавшему удовлетворять потребности общественной и личной безопасности его членовъ, совершенно иной характеръ.

Личности стали стремиться въ его средѣ преимущественно къ своему *отдѣльному* огражденію отъ опасностей, въ весьма многихъ случаяхъ на счетъ безопасности цѣлаго и во всякомъ случаѣ насчетъ безопасности большинства членовъ государства. Потребность безопасности и потребность экономическаго обезпеченія (потребности вполнѣ естественныя, правомѣрныя и неотмѣнимыя) стали вырабатываться въ потребность обезпеченія для личности *монополіи* тѣхъ благъ, которыми личность была въ силахъ овладѣть.

Личности перешли отъ стремленія жертвовать собою общественной связи, въ формѣ государства, ограждающаго безопасность этой связи, къ стремленію *эксплуатировать* государственную силу для своихъ личныхъ цѣлей. Временная потребность крѣпкаго государственнаго единства, купленнаго дорогою цѣною жертвъ со стороны личностей, въ виду общей безопасности, обратилась въ маску личныхъ интересовъ, именно въ оружіе для огражденія экономической силы немногихъ монополистовъ противъ всякихъ попытокъ массы отнять у нихъ ихъ монополію.

Личности вступили сначала въ борьбу за власть къ виду увеличенія монополизированныхъ ими благъ, въ виду увеличенія личнаго богатства. Въ послѣдствіи онѣ нашли удобнѣйшимъ бороться за вліяніе на власть и на всѣ общественныя отправленія съ тою же цѣлью. Наконецъ, найдя, что это вліяніе пріобрѣтается само собою при увеличеніи богатства, онѣ вступили въ прямую борьбу между собою за обогащеніе. Всякое пріобрѣтенное имущество служило средствомъ къ удобнѣйшей борьбѣ за дальнѣйшее пріобрѣтеніе. Всякая обезпеченная монополія служила орудіемъ для увеличенія вліянія монополиста на власть и на всѣ общественныя отправленія. Временная потребность увеличенія экономическихъ силъ общества для облегченія ему борьбы за существованіе съ другими обществами обратилась въ потребность *всеобщей конкурренціи* личностей въ виду монополизированія каждою личностью возможно-большей доли общественныхъ благъ.

Экономическія отношенія между личностями стали, такимъ образомъ, господствующими въ сферѣ государства, а затѣмъ и во всѣхъ сферахъ общественной жизни, при чемъ для нихъ принятъ былъ, какъ безусловный типъ, типъ монопольныхъ хозяйствъ,

конкуррирующихъ между собою и эксплуатирующихъ какъ всѣ природныя богатства, такъ и трудъ человѣка съ единственною цѣлью личнаго обогащенія, при бесконтрольномъ правѣ каждаго лица накоплять по мѣрѣ возможности въ своихъ рукахъ имущество и распредѣлять его какъ и на что угодно собственнику безъ малѣйшаго вниманія къ нуждамъ и пользѣ другихъ личностей. Промышленная и биржевая техника въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ довели практику этого принципа до послѣдней крайности, выработавъ обширный свободный пролетаріатъ, вводя машинное производство въ обширныхъ размѣрахъ удлиняя рабочій день, уменьшая заработную плату до послѣдней возможности, и создавая такимъ образомъ неслыханные до тѣхъ поръ источники барышей для предпринимателей; затѣмъ концентрируя капиталы въ громадныхъ промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ компаніяхъ и усиливая ихъ производительность самымъ процессомъ ихъ концентраціи; наконецъ облегчая, помощью выпуска разнородныхъ бумагъ, всѣмъ и каждому, принятіе участія во всемірной спекуляціи, разсчитанной на неизбѣжное поглощеніе мелкихъ капиталовъ крупными, которые почти всегда играютъ навѣрняка при всеобщей конкурренціи. Наука объ обществѣ вошла въ энциклопедію XIX-го вѣка какъ политическая экономія, т. е. какъ *наука о богатствѣ*, и ея адепты самымъ серьезнымъ образомъ возмущались даже слабыми попытками, которыя еще дѣлались государственными властями для ограниченія всеобщей конкурренціи, для огражденія отъ нея той или другой области общественной жизни, для контролированія бесцеремонныхъ борцовъ за обогащеніе, провозглашавшихъ на всѣ тоны требованіе *свободы личности*, при чемъ подразумѣвалось: свобода лишь тому, кто достаточно силенъ и достаточно богатъ, чтобы ею пользоваться. А затѣмъ: Laissez faire, laissez passer!

При преобладаніи подобнаго вліянія совершенно естественно государство переставало быть органомъ всеобщей безопасности. Изъ двухъ его функцій, юридической и военной, послѣдняя теряла все болѣе значенія потому, что, въ сущности, никакая серьезная опасность не угрожала уже обществамъ. Ни одинъ завоеватель не имѣлъ въ виду истребить, обратить въ рабство и ограбить населеніе. Войны велись частью изъ за честолюбія владыкъ, но въ особенности изъ за экономическихъ барышей для правительствъ отъ податей съ болѣе обширныхъ территорій, или для руководителей обширныхъ промышленныхъ и биржевыхъ операцій, въ виду открытія новыхъ рынковъ, разоренія финансовыхъ соперниковъ и т. п. Для большинства населенія было, въ сущности, безразлично, чиновники какого государства сбираютъ съ него подати и на какомъ языкѣ пишутся декреты, обрекающіе совершенно одинаково бѣднаго на эксплуатировку богатымъ и совершенно одинаково охраняющіе священную собственность богатаго и его свободу

эксплуатировать бѣднаго отъ всѣхъ попытокъ послѣдняго. Правда, традиція патріотизма національнаго и государственнаго еще пережила во многихъ мѣстностяхъ, на зло прекращенію всѣхъ основаній для нея, имѣвшихъ мѣсто въ доброе старое время всеобщей борьбы между племенами и народами. Эту традицію при случаѣ разжигаютъ политики всѣми средствами. Но подобное переживаніе, лишенное реальнаго содержанія въ настоящихъ потребностяхъ человѣка, не можетъ уже долго устоять, тѣмъ болѣе, что національный патріотизмъ проповѣдуетъ совсѣмъ иное ученіе, чѣмъ государственный; политики же, съ похвальною непослѣдовательностью, выставляютъ на видъ то одинъ, то другой, смотря по надобности; а руководящія силы — биржевики и крупные промышленники — совершенно либерально направляютъ свои космополитическіе капиталы всюду, гдѣ можно спекулировать и эксплуатировать, философски смотря на паденіе и созиданіе имперій, на переходъ провинцій отъ одного правительства къ другому, на измѣненіе конституцій, на республики и монархіи. Они знаютъ, что все это — суета суетъ, сущность же дѣла — въ ихъ рукахъ, въ ихъ карманахъ.

Изъ всего государственнаго строя новымъ экономическимъ силамъ былъ важенъ одинъ элементъ — юридическій, и изъ за выгоды, которую доставлялъ имъ этотъ элементъ, они оставляли старыя политическія власти играть въ войны и въ мирные договоры, въ либеральныя конституціи и въ реакціонные перевороты. Мы сказали выше, что юридическая функція была однимъ изъ самыхъ элементарныхъ источниковъ государственности и однимъ изъ самыхъ существенныхъ ея признаковъ. Она вышла изъ той же самой потребности безопасности, какъ и военная функція и была столь же существенно важна для безопасности личности. Найти хорошую форму суда было задачею, надъ которою трудились всѣ историческіе народы и которую они до сихъ поръ рѣшить не могли. Судъ по обычаю, судъ по религіозному ученію, судъ по личному убѣжденію, судъ по писанному закону, судъ патріарховъ, судъ баръ, судъ администраторовъ, судъ мѣстныхъ владѣльцевъ, судъ назначенныхъ юристовъ, судъ избранныхъ юристовъ, судъ несмѣняемыхъ юристовъ, судъ присяжныхъ — все было испробовано и все приводило къ возмутительной, очевидной несправедливости. Рядомъ съ попыткою улучшить судопроизводство, происходилъ и рядъ попытокъ улучшить самые законы, прилагаемые судомъ. Мы уже говорили о томъ, какъ свѣтская мудрость въ этомъ случаѣ оттѣснила и священный обычай и религіозное постановленіе. Но кто долженъ былъ быть нормальнымъ представителемъ этой юридической мудрости? Кто могъ, *по аналогіи* съ обычаемъ и съ религіознымъ ученіемъ создавать *новые* руководящіе прецеденты? Конечно, роль мудрецовъ-законодателей и толкователей древняго преданія приходила постоянно на долю тѣхъ лицъ или группъ, которымъ историческая

жизнь давала наиболѣе вліянія на событія. То были въ одномъ случаѣ жрецы, въ другомъ сенатъ патриціевъ и выбираемый имъ преторъ; то были позже короли съ ихъ совѣтниками. Когда же экономическіе вопросы стали на первый планъ, когда сильнѣйшіе въ борьбѣ за обогащеніе сдѣлались преобладающею историческою силою, то законы и судьи перешли въ руки богатыхъ землевладѣльцевъ и богатыхъ промышленниковъ. Лорды и коммонеры Англіи, ея судьи и коронеры сдѣлались юридическими органами господства богатства надъ массами. Буржуазія царствовала въ палатахъ и судахъ Франціи послѣ великой революціи. Крупная крестьянская буржуазія руководила судьбами демократической Норвегіи. Въ великой американской республикѣ мѣста въ конгрессѣ и въ сенатѣ, званіе судьи — имѣютъ свою рыночную таксу.

Когда исторія выставила такимъ образомъ законодателей и судей, явились новые вопросы: какъ эти представители права должны отнестись къ столкновеніямъ между властью, въ ея растущемъ значеніи, и обществомъ, подчиненнымъ этой власти? къ столкновеніямъ между традиціонными формами власти, имѣвшей въ виду общую безопасность, и новыми общественными вліяніями, выроставшими изъ экономическихъ отношеній, все болѣе преобладавшихъ надъ чисто-политическими? въ столкновеніяхъ, наконецъ, между монополистами, явно стремившимися концентрировать всѣ имущества въ рукахъ возможно меньшаго числа побѣдителей во всемірной конкурренціи, и массою, которая все болѣе обращалась лишь въ орудіе обогащенія и увеличенія наслажденій для монополистовъ, все болѣе теряла всякую возможность отстаивать самое существованіе свое во всемірной конкурренціи и была обрѣчена все болѣе фатально на потерю всякаго человѣческаго достоинства, на хроническое голоданіе и на систематическое вырожденіе? Когда новая цивилизація доработалась до послѣднихъ своихъ фазисовъ, когда она, рядомъ со всеобщею конкурренціею на пути къ обогащенію, гордилась своимъ прогрессомъ, своею философіею, своею гуманностью, то эти вопросы представлялись въ такой формѣ: какъ можетъ новое право съ его „философскими" идеями и „гуманною" практикою, установить понятіе о *справедливомъ* отношеніи государственной власти къ подданнымъ, понятіе о *справедливомъ* отношеніи вопроса о государственной безопасности къ вопросу объ экономической борьбѣ за обогащеніе, понятіе о *справедливомъ* отношеніи между борцами за существованіе и за обогащеніе на полѣ всемірной конкурренціи?

Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, конечно, опредѣлялось обстоятельствами всеобщаго хода цивилизаціи. Экономическіе вопросы все болѣе преобладали надъ политическими; экономическія силы имѣли въ виду не захватъ самой власти, но преобладающее вліяніе на нее; господствующій типъ экономическихъ отношеній былъ—

неограниченная конкурренція монополистовъ: подъ давленіемъ этихъ историческихъ процессовъ формулировались идеи „философскаго“ права и практиковалось „гуманное“ общежитіе.

Изъ экономическаго міра вынесена была идея *обмѣна равноцѣнныхъ услугъ*, какъ основной типъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, и понятіе о *договорѣ*, какъ исключительной формѣ этихъ отношеній. Всѣ человѣческія дѣйствія представлялись товаромъ, вынесеннымъ на общій рынокъ, подлежащимъ безразличной продажѣ по закону спроса и предложенія, на основаніи измѣняющагося тарифа при общепринятой монетной единицѣ; при этомъ всѣ продавцы и покупатели принимались одинаково знакомыми со всѣми колебаніями рыночныхъ цѣнъ; вся нравственность на этомъ рынкѣ заключалась въ добросовѣстномъ исполненіи заключенныхъ сдѣлокъ, въ исполненіи *договора* по запродажѣ и выплатѣ; безопасность общества означала лишь безопасность свободнаго заключенія договоровъ и обезпеченіе неуклоннаго ихъ исполненія. Государственный союзъ обращался въ собраніе конкуррирующихъ торговцевъ, одушевленныхъ *одною* мыслію: продать дороже, купить дешевле; имѣющихъ *одинъ* общій интересъ: исполненіе рыночныхъ сдѣлокъ; требующихъ отъ государства *одной* службы: порядка на всемірномъ рынкѣ. Власть должна была обратиться въ полицію, наблюдающую за порядкомъ на этомъ рынкѣ и совершенно индифферентную къ тому, что̀ продается и для чего, каковы условія сдѣлокъ и что изъ этого выходитъ для продавцевъ и покупателей.

По этому общественному идеалу строилась философія общества, создавались художественные идеалы въ произведеніяхъ искуства, вносились въ жизнь нравственные идеалы „добродѣтельными“ гражданами, вносились въ общественный строй политическія идеи реформаторовъ и революціонеровъ. *Все есть договоръ* и договоръ *священъ*; онъ долженъ быть соблюденъ личностью цѣною всѣхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ благъ; онъ долженъ быть охраненъ всѣми силами общества, карами, казнями, анаѳемами, презрѣніемъ „честныхъ“ людей. *Все есть чья либо собственность* (лица, общества, государства), т. е. полнѣйшая монополія собственника, и собственность *священна*; и охранять свою собственность, умножать данные „таланты“, есть право и обязанность личности; у кого нѣтъ собственности, тотъ можетъ и долженъ продавать себя, свои силы, свое тѣло, свою жизнь, свое достоинство и можетъ еще просить милостыню, но у него нѣтъ *права* на блага міра среди лавокъ всемірнаго рынка. Собственность каждаго должна быть охранена всѣми силами общественнаго союза, государственнаго союза; она должна быть охранена заповѣдью, начертанную на Синаѣ рукою самого бога; она должна быть охранена возмущеніемъ всѣхъ „честныхъ“ людей противу того, кто до нее коснется. Преклонитесь предъ святынями до-

говора и собственности; сдѣлайте изъ нихъ основаніе и высшую цѣль общественнаго союза; ограничьте государственную силу охраненіемъ договора и собственности. Таковъ идеалъ буржуазной справедливости.—Такова цѣль прогресса человѣчества съ буржуазной точки зрѣнія. Государство на этой точкѣ зрѣнія обращалось въ охранителя *экономическаго порядка*, т. е. именно того экономическаго порядка, который выросталъ изъ всемірной конкурренціи монопольныхъ собственниковъ.

Этотъ общественный идеалъ имѣетъ своего рода стройность и привлекательность. Но онъ имѣетъ и свои небольшіе недостатки. Онъ предполагаетъ въ самомъ своемъ основаніи *обмѣнъ равноцѣнныхъ услугъ* какъ сущность буржуазной справедливости, и, до самого прудоновскаго мютюализма, стремился рѣшить задачу: осуществить этотъ обмѣнъ услугъ на почвѣ монопольнаго права личной собственности. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что это — задача *невозможная*; что начало свободы договора подрываетъ священную собственность; что государство — охранитель экономическаго порядка всеобщей конкурренціи противурѣчитъ своей задачѣ, какъ охранителя общественной безопасности; что начало свободнаго договора отрицаетъ самое существованіе государства; что ни личная безопасность, ни экономическое обезпеченіе, ни справедливость не осуществимы въ буржуазномъ общественномъ строѣ; что, слѣдовательно, этотъ строй противурѣчивъ самъ въ себѣ, во всѣхъ своихъ теоретическихъ задачахъ и во всей своей жизненной практикѣ.

Мы не будемъ долго останавливаться здѣсь на экономическихъ противурѣчіяхъ этого идеала буржуазнаго общества, такъ какъ они не прямо входятъ въ программу этой статьи и безъ того обширную. Мы припомнимъ читателю лишь нѣкоторыя основныя данныя въ этой области.

Обмѣнъ равноцѣнныхъ услугъ предполагаетъ возможность строгой оцѣнки всѣхъ услугъ и тщательной соразмѣрности оплаты услугъ и ихъ цѣнностью. Въ тоже время „стремленіе къ пріобрѣтенію, къ сохраненію и къ увеличенію частной собственности ведетъ *неизбѣжно* къ психической наклонности *переоцѣнивать* свои услуги и *недоцѣнивать* услуги получаемыя; затѣмъ — къ стремленію пользоваться выгодами своего личнаго положенія: силою, вліяніемъ, привлекательностью, умомъ, знаніемъ и т. под. для того, чтобы получать за свои услуги *высшую* возможную плату, отдавая за чужія — плату возможно-низшую.“ („Общ. сл. въ буд. общ.“ прим. къ стр. 69—70). Если эти психическія неизбѣжныя слѣдствія становятся уже сильными препятствіями для правильной оцѣнки услугъ и ихъ оплаты, а слѣдовательно для „обмѣна равноцѣнныхъ услугъ“, при *всякомъ* общественномъ строѣ, опирающемся на частную собственность, то тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто въ буржуазномъ строѣ, по мѣрѣ про-

обладанія надъ всѣми общественными отношеніями отношеній экономическихъ, и при господствѣ въ сферѣ послѣднихъ принципа безусловной конкурренціи. Такимъ образомъ, буржуазный строй въ своемъ развитіи дѣлаетъ тѣмъ болѣе *невозможнымъ* осуществленіе своего идеала, чѣмъ болѣе этотъ строй самъ развивается.

Далѣе, начала буржуазьаго хозяйства имѣютъ свои соціологическія фатальныя слѣдствія. Такъ какъ все — *товаръ* и существуетъ лишь для того, чтобы быть вынесеннымъ на рынокъ и проданнымъ, то всякое имущество, всякая собственность зависятъ отъ состоянія рынка, ростутъ или убываютъ и совсѣмъ исчезаютъ съ измѣненіемъ ихъ мѣновой цѣнности. Но конкурренція, по мѣрѣ развитія буржуазнаго хозяйства, побуждаетъ усиливать интенсивность промышленнаго производства; побуждаетъ составлять крупные коллективные акціонерные капиталы, которые пускаются въ обороты безо всякой возможности для ихъ мелкихъ дольщиковъ контролировать эти обороты; напротивъ, при всемірной борьбѣ за обогащеніе, какъ промышленное производство, такъ и денежные обороты стремятся фатально сдѣлаться все болѣе рискованными. А это вызываетъ фатально промышленные и биржевые кризисы, посредствомъ которыхъ совершается въ громадныхъ размѣрахъ разрушеніе собственности, т. е. потеря мѣновой цѣнности собственности въ формѣ товара, произведеннаго въ избыткѣ, обращеніе въ ничто биржевой цѣнности собственности въ формѣ акцій, при ихъ паденіи. „Конкурренція— стимулъ и сущность буржуазнаго общества — является фатально врагомъ его священнѣйшей святыни, кумира — частной собственности. Фатально даетъ она избытокъ производства; фатально вызываетъ мелкихъ и крупныхъ капиталистовъ на борьбу за обогащеніе на почвѣ слѣпой индустріи, выносящей на рынокъ товары, для которыхъ не существуетъ покупателей; на почвѣ разбойничьей спекуляціи, гдѣ нѣсколько крупныхъ капиталистовъ, распоряжаясь имуществомъ мелкихъ собственниковъ, бросаютъ его въ биржевую игру, которая *неизбѣжно* ведетъ къ разрушенію собственности большинства мелкихъ капиталистовъ для обогащенія немногихъ безсовѣстныхъ спекуляторовъ. Монополія большихъ капиталовъ требуетъ союза мелкихъ; союзъ ихъ *фатально* вызываетъ биржевую игру. Биржевая игра *логически* влечетъ за собою биржевые кризисы. За ними почти неизбѣжно слѣдуютъ кризисы промышленные. *Священная* собственность крупныхъ капиталистовъ переходитъ изъ кармана менѣе ловкаго мошенника въ карманъ болѣе ловкаго. *Священная* собственность мелкаго капиталиста обращается въ нуль во имя самой сущности буржуазнаго хозяйства.“ („Кто разрушаетъ основы общества?“ въ „Впередъ“ II, 166). Совершенно понятно, что при подобныхъ оргіяхъ спекуляціи, цѣны на всѣ предметы первой потребности претерпѣваютъ страшныя колебанія и что кризисы биржевые и

промышленные отзываются страданіемъ, разореніемъ, иногда гибелью не только на участникахъ спекуляцій, но и на той части общества, которая стояла въ сторонѣ отъ нихъ. Развитіе общественнаго строя, принимающаго за высшую святыню — частную собственность, ведетъ *неизбѣжно* къ разрушенію этой собственности и къ выработкѣ системы всеобщаго хищничества, при которой ни одинъ членъ не можетъ считать своей собственности безопасной отъ гибели, вызванной фатальными условіями этого строя. „Вслѣдствіе самой сущности буржуазнаго строя, чѣмъ больше будетъ развиваться капиталистическое производство, тѣмъ быстрѣе и сильнѣе будетъ идти разрушеніе принципа частной собственности... Чѣмъ быстрѣе будетъ развиваться капиталистическое производство, тѣмъ чаще и тѣмъ разрушительнѣе будутъ становиться кризисы, пока, наконецъ, одинъ такой кризисъ не унесетъ съ собою и весь современный строй... Все историческое значеніе буржуазіи въ экономическомъ отношеніи въ томъ и заключается, что она расшатываетъ, разрушаетъ частную собственность и подготовляетъ почву для перехода ея въ коллективную.“ (Тамъ же, 221—223).

Нужно ли послѣ этого доказывать, что государство, которое—согласно предыдущему идеалу — стало бы исключительно „охранителемъ экономическаго порядка“, выростающаго изъ „всемірной конкурренціи монопольныхъ собственниковъ“, тѣмъ самымъ отреклось бы отъ удовлетворенія той самой потребности, которая его вызвала къ существованію, отъ удовлетворенія потребности личной и общественной безопасности?

Дѣйствительно, общественный строй, осуществляющій подобную всемірную конкурренцію, естественно стремится концентрировать капиталы все въ меньшемъ числѣ рукъ, и, рядомъ съ крупными капиталистами, которыхъ имущество ростетъ, предполагаетъ два класса, одинаково обреченные на болѣе или менѣе постоянныя страданія и на окончательную гибель въ процессѣ конкурренціи. Первый изъ нихъ есть классъ мелкихъ и среднихъ собственниковъ, собственность которыхъ и составляетъ главный матеріалъ спекуляціи, приводящей къ только что описаннымъ кризисамъ. Естественный ходъ буржуазнаго хозяйства долженъ раздавить ихъ, перевести ихъ имущество въ карманы крупныхъ капиталистовъ, а ихъ самихъ бросить въ ряды пролетаріата, но, пока этотъ процессъ совершается съ фатальною неизбѣжностью, они живутъ въ вихрѣ случайныхъ выигрышей и все учащающихся потерь, жадно рвутъ другъ у друга изо рта кусокъ хищническихъ барышей, изнываютъ въ стремленіи стать въ ряды крупныхъ царей капитала, все болѣе затягиваются въ безумную игру спекуляцій, все тяжелѣе страдаютъ отъ потерь и потрясеній, пока, наконецъ, какой нибудь болѣе крупный кризисъ не выброситъ ихъ изъ рядовъ способныхъ бороться и не кинетъ ихъ, не-

способныхъ къ производительному труду, въ самые низшіе ряды пролетаріевъ, въ ряды мелкихъ плутовъ; а не то ихъ ждетъ сумасшедшій домъ или кладбище для самоубійцъ. Если одно, два поколѣнія ихъ переживутъ эти потрясенія, то, все равно, это— неизбѣжная судьба третьяго, четвертаго. Второй классъ, противустоящій крупной буржуазіи промышленныхъ и биржевыхъ воротилъ, это — пролетаріатъ, который не приноситъ на рынокъ никакой собственности, кромѣ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ; пролетаріатъ, котораго „желѣзный законъ" конкурренціи обрекаетъ на постоянное пониженіе заработной платы до минимума и на постоянное истощеніе непосильнымъ трудомъ изъ за куска хлѣба; въ случаѣ же болѣзни, несчастнаго случая, старости — на неисходную нищету, голодъ и голодную смерть; пролетаріатъ, который долженъ *неизбѣжно* становиться все бѣднѣе, все несчастнѣе; долженъ вымирать отъ болѣзней, которыхъ *не можетъ* устранить никакое медицинское пособіе; долженъ вымирать отъ хроническаго голоданія; долженъ вырождаться физически, умственно и нравственно при полной невозможности не только бороться мирнымъ, легальнымъ путемъ съ капиталомъ, эксплуатирующимъ его силы, но и отстоять хоть сколько нибудь себя или свое потомство во всемірной конкурренціи изъ за куска хлѣба.

Такимъ образомъ, *что* охраняетъ государство, берущее на себя роль охранителя *этого* экономическаго порядка? Для *самого малаго меньшинства гражданъ* оно охраняетъ возможность увеличивать ихъ капиталъ и наслажденія, имъ доставляемыя. Для *большинства собственниковъ* оно охраняетъ процессъ фатальнаго ограбленія ихъ и неизбѣжной ихъ гибели изъ за выгодъ все того же небольшаго меньшинства. Наконецъ, для *всей остальной огромной массы народа* оно охраняетъ процессъ постоянной эксплуатаціи, неизбѣжнаго обѣдненія, вырожденія и вымиранія. Должно сознаться, что это — весьма далеко отъ задачи охраненія общественной безопасности. Между тѣмъ современное государство явно стремится къ этому идеалу и даже въ значительной степени осуществляетъ его.

Но мало того. Не только государство буржуазнаго идеала становится охранителемъ процесса эксплуатаціи, обнищанія и гибели огромнаго большинства. Всякое государство, вовлеченное въ процессъ развитія буржуазнаго общественнаго строя, неизбѣжно становится *само* общественнымъ эксплуататоромъ. При господствѣ экономическихъ интересовъ и государство неизбѣжно выходитъ на рынокъ продавцемъ и покупателемъ. Оно конкуррируетъ съ землевладѣльцами и производителями сельскихъ продуктовъ какъ владѣлецъ государственныхъ земель. Оно конкуррируетъ съ промышленникомъ, какъ владѣлецъ фабрикъ и заводовъ, какъ предприниматель. Оно бросаетъ на биржи свои бу-

маги для увеличенія борьбы за обогащеніе, для расширенія поля спекуляцій. Оно, рядомъ съ крупными спекуляторами, ищетъ воспользоваться своими капиталами, капиталами народа, чтобы перетянуть мелкіе капиталы въ государственную казну. Оно, какъ и его товарищи, истощаетъ пролетарія-работника, моритъ его голодомъ, содѣйствуетъ постоянному обнищанію и вырожденію своего народа, его медленному вымиранію. Изъ роли *охранителя безопасности общества* оно перешло къ роли *народнаго вампира*.

Государство, втянутое въ процессъ конкурренціи за обогащеніе, государство, пользующееся централизаціею общественныхъ силъ въ рукахъ власти для охраненія права высшихъ крупныхъ капиталистовъ (въ томъ числѣ и самой власти) грабить все остальное и морить массу пролетаріата, есть именно „заговоръ" одной доли общества противъ другой (см. *В. А. Энгельсонъ*: „Что такое государство?" въ „Пол. Звѣздѣ" I, 1855), заговоръ сильныхъ, имѣющихъ въ виду воспользоваться своею силою для эксплуатаціи всего общества въ свою пользу. Но этимъ заговоромъ государство не было по своему существу при первоначальномъ своемъ происхожденіи и при первыхъ шагахъ своего развитія. Въ первые періоды, когда личная безопасность должна была быть охранена прежде всего, оно дало личностямъ, насколько могло, эту безопасность цѣною подчиненія личности власти. *Естественная* и неотмѣнимая потребность безопасности вызвала тогда *временную* потребность во власти и въ раздѣленіи занятій. Но затѣмъ самое пользованіе властью сдѣлало изъ этой власти *монополію* экономически-сильныхъ группъ и *орудіе* для увеличенія и охраненія ихъ экономической монополіи, ихъ экономическаго господства, охранителя всемірной конкурренціи и участника въ ней. Съ тѣмъ вмѣстѣ государство — органъ всеобщей безопасности — выродилось въ *заговоръ* немногихъ эксплуататоровъ противъ массы эксплуатируемыхъ. Оно стало *разрушителемъ* общественной безопасности, врагомъ ея. Буржуазный строй, поставившій себѣ *противурѣчивый* идеалъ, ставшій, въ своемъ развитіи, въ *противурѣчіе* съ тѣмъ самымъ принципомъ собственности, который признанъ его основою, внесъ неразрѣшимое *противурѣчіе* и въ государственное начало, и отнялъ тѣмъ самымъ у членовъ общества всякое ручательство въ личной и общественной безопасности, т. е. оставилъ одну изъ *основныхъ* и *естественныхъ* соціологическихъ потребностей *безъ удовлетворенія*.

Но идеалъ буржуазнаго строя, какъ онъ поставленъ выше, внесъ еще другое противурѣчіе въ принципъ государственности. Онъ отнялъ у государства не только функцію огражденія личной и общественной безопасности: онъ отнялъ у него и самую функцію власти, т. е. стремился развивать государство въ направленіи къ его *упраздненію*.

Вовлеченное въ водоворотъ всемірной конкурренціи, государство тѣмъ самымъ перестало быть самостоятельнымъ руководителемъ общественныхъ силъ. Космополитическіе капиталы всѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій и всѣхъ биржъ, въ перепутанной сѣти своихъ спекуляцій, господствовали надъ дѣйствіями государства, какъ капиталиста, какъ предпринимателя, какъ спекулятора. Въ законодательствѣ, въ военныхъ предпріятіяхъ и мирныхъ договорахъ государственная власть принуждена была прислушиваться къ мнѣнію биржевыхъ воротилъ, не то государственныя бумаги претерпѣвали паденіе, и государство, какъ собственникъ, теряло часть своего имущества; ослабѣвалъ его кредитъ, его способность выхватывать крупные куски на оргіи всемірной спекуляціи. Такимъ образомъ, неизбѣжно фактическое руководство политическою жизнію народовъ (законодательствомъ и международными сношеніями), слѣдовательно,—политическая *власть*, переходила отъ оффиціальныхъ правительствъ данныхъ территорій къ неоффиціальнымъ группамъ лицъ, не связанныхъ ни съ какою національностью, ни съ какою территоріею, ни съ какою формою конституціи. Территоріальныя правительства, національныя антипатіи, мѣстные интересы обращались во второстепенныя или въ фиктивныя историческія силы и были подавляемы интересами всемірной конкурренціи. При развитіи всемірнаго господства конкуррирующихъ экономическихъ силъ, все шло къ тому, чтобы довести до минимума раздѣльность государственныхъ территорій, различіе національныхъ особенностей и мѣстныхъ интересовъ, самостоятельность кабинетовъ и законодательныхъ собраній, обративъ весь міръ въ одну территорію, гдѣ биржи сдѣлались бы дѣйствительными законодателями человѣчества и владыками надъ массами полуголодныхъ пролетаріевъ-машинъ, вырабатывающихъ капиталы ихъ экономическихъ царей, да надъ убывающимъ слоемъ мелкихъ собственниковъ, пожираніе имущества которыхъ составляло бы еще предметъ всемірной спекуляціи. Едва ли можно оспаривать, что въ этомъ направленіи шла и идетъ современная исторія; что подобный исходъ есть, именно, *возможный* исходъ настоящихъ политическихъ и экономическихъ отношеній, если соціальная катастрофа не измѣнитъ ихъ развитія. Но, конечно, подобный исходъ равносиленъ *упраздненію политической власти* или *упраздненію государства*.

Къ тому же результату вело и ведетъ теоретическое развитіе буржуазнаго общественнаго идеала. Всемірная конкурренція могла опираться лишь на полную свободу. Всякое стѣсненіе свободы было стѣсненіемъ сильнаго капитала въ его возможности втягивать слабые капиталы въ сферу своихъ оборотовъ, привлекать силы пролетаріата на рынокъ, гдѣ этотъ пролетаріатъ продавалъ бы свои силы по самой низкой цѣнѣ. Всемогущему капиталу нужна была полная свобода рынка, при которой было бы одно господ-

ство — господство экономически сильнѣйшаго. Ему нуженъ былъ вполнѣ свободный юридически пролетаріатъ, который былъ бы порабощенъ однимъ владыкою — экономическою нуждою. По этому развитіе господства экономическихъ началъ въ общественной жизни шло параллельно съ развитіемъ идей политической свободы. Требовали полной свободы для *всѣхъ* личностей, такъ какъ, при огражденіи монопольной собственности въ ея хищнической централизаціи, именно свобода *всѣхъ* личностей отдала бы массы на эксплуатацію немногимъ сильнѣйшимъ. Требовали полнаго юридическаго равенства для *всѣхъ*, такъ какъ, при господствѣ капитала, судьи и законодатели не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ органами или рабами экономическихъ царей. Требовали участія *всѣхъ* въ политической жизни, въ законодательной и исполнительной власти, такъ какъ, при порабощеніи полуголодныхъ, вырождающихся массъ ихъ кормильцамъ-работодателямъ, въ мірѣ могла быть лишь одна самостоятельная сила, независимая мысль — сила и мысль капиталистовъ. Государство должно было сдѣлаться исключительно договоромъ, въ которомъ свободно участвовали бы всѣ, на равныхъ правахъ, при общемъ наблюденіи за исполненіемъ этого общественнаго договора, и при всегдашней готовности направить всѣ общественныя силы противъ его нарушителя, кто бы онъ ни былъ; само собою разумѣется, что, при господствѣ экономическихъ интересовъ, это ревнивое наблюденіе и эти подавляющія силы должны были быть направлены какъ вверхъ, противу всякого органа власти, который бы вздумалъ поставить какую либо общественную задачу выше задачи всемірной экономической конкурренціи, такъ и внизъ, противъ всѣхъ *объектовъ* свободнаго экономическаго развитія, которые вздумали бы протестовать противъ безцеремоннаго обращенія ихъ въ матерьялъ для хищничества экономической аристократіи и въ ея рабочій скотъ.

Мы весьма далеки отъ мысли допустить, что великолѣпная литература борцовъ за политическую свободу была не болѣе, какъ маскою экономическаго хищничества. Нѣтъ, въ исторіи крайне рѣдко являются личности, которыя сознаютъ всѣ нити, связывающія ихъ дѣятельность съ другими руководящими стремленіями ихъ времени. Въ каждую эпоху можно прослѣдить болѣе или менѣе замѣтные порывы личностей по всѣмъ прогрессивнымъ, регрессивнымъ и консервативнымъ направленіямъ, но большинство этихъ порывовъ остается лишеннымъ всякаго значенія или гибнетъ безъ слѣда, потому что успѣху ихъ противудѣйствуютъ другія современныя имъ общественныя теченія, опредѣляющія общій ходъ исторіи. Выдвигаются изъ массы, вызываютъ подражателей, послѣдователей, усовершенствователей, становятся исторической характеристикою и исторической силою тѣ порывы, направленіе которыхъ совпадаетъ съ могуществен-

нѣйшими общественными теченіями иного рода. Каждый борецъ приписываетъ успѣхъ своей проповѣди истинности *своихъ* идей, ихъ *самостоятельному* достоинству, совершенно независимо отъ другихъ современныхъ явленій, на которыя онъ часто не обращаетъ и вниманія. Это именно придаетъ искренность, блескъ и могущество его общественной проповѣди и общественной дѣятельности. Такова была можетъ быть до конца первой трети нынѣшняго столѣтія роль борцовъ за либеральныя политическія идеи. Эти люди боролись искренно и вѣрили, что успѣхъ ихъ либеральныхъ началъ зависитъ отъ того, что свобода, равенство, братство суть естественныя права человѣка. Тогда были въ Европѣ и Америкѣ либеральныя партіи съ опредѣленными программами, были и замѣчательные, искренніе, геніальные государственные люди. Но ни одна изъ либеральныхъ идей не нова; реформаторамъ и революціонерамъ новой Европы можно отыскать въ пыли архивовъ не мало предшественниковъ; но эти предшественники заглохли и не сдѣлались историческими дѣятелями, потому что не нашли поддержки. Борцы за политическія идеи послѣднихъ вѣковъ были вынесены на историческую сцену волною, которая состояла изъ дѣятелей и силъ, не только не проникнутыхъ убѣжденіемъ въ необходимости свободы, равенства и братства, но никогда не подумавшихъ серьезно о смыслѣ этихъ словъ, да и не способныхъ доработаться до какого бы то ни было нравственнаго убѣжденія. Это были борцы за *обогащеніе*, за господство *капитала*. Имъ мѣшали старыя формы власти; имъ мѣшали традиціи религіозныя, національныя, государственныя, неподвижность феодальныхъ имуществъ, тайна кабинетныхъ интригъ, всемогущество королевскихъ любовницъ, войны изъ за престолонаслѣдія, тарифы и таможни. Они съ радостью стали подъ знамя идей, которыхъ не понимали да и не имѣли въ этомъ нужды, но которыя служили имъ прекраснымъ оружіемъ для *ихъ* цѣлей. Они бросили вѣсъ своей растущей экономической силы въ чашку либерализма и вѣсы политической исторіи измѣнили свое положеніе. Герои либерализма упивались успѣхами своихъ „чистыхъ нравственныхъ идей“. Но рядомъ съ этимъ торжествомъ какъ бы само собою росло могущество капитализма, всемірной эксплуатаціи и всемірнаго торгашества. Во второй трети нынѣшняго вѣка вдругъ стало совершенно очевидно, что „чистыя нравственныя идеи“ либерализма служатъ вывѣскою царства лавочниковъ и рабства пролетаріата, составляютъ существенный элементъ этого порядка и что борцы за великія либеральныя начала самымъ искреннимъ образомъ потрудились на пользу нынѣшнихъ биржевыхъ героевъ. Съ тѣхъ поръ новые политическіе герои, подчиняясь фатализму исторіи, уже совершенно сознательно понесли на рынокъ идеалы отцовъ и дѣдовъ; либеральныя партіи растеряли свои программы; во всѣхъ странахъ оказался необ-

образимый недостатокъ государственныхъ людей и, подъ жужжанiе старыхъ либеральныхъ формулъ, потерявшихъ всякiй смыслъ, современное общество фатально идетъ къ поглощенiю всѣхъ интересовъ интересами экономической конкурренцiи, къ упраздненiю государства въ пользу господства биржи.

Потому что и блестящiй идеалъ либеральныхъ теорiй, — государство, какъ свободный договоръ равноправныхъ личностей, при участiи всѣхъ въ этомъ договорѣ и въ самомъ пользованiи общественною властью — есть ни что иное какъ *упраздненiе государства*, согласно данному выше опредѣленiю этого понятiя (стр. 13 и 15), т. е. упраздненiе *обязательнаго* подчиненiя одной доли общества другой его долѣ, упраздненiе *юридической* власти одной группы лицъ надъ прочимъ населенiемъ обособленной территорiи. Буржуазное государство въ своемъ идеалѣ не есть вовсе государство.

Итакъ въ процессѣ своего историческаго развитiя государственный элементъ претерпѣлъ крупныя видоизмѣненiя. Онъ былъ вызванъ *естественной* потребностью безопасности; онъ усложнялся *естественными-же* потребностями разнообразiя общественной техники и экономическаго обезпеченiя; при этомъ усложненiи, онъ выработалъ общественные органы для удовлетворенiя *временной* потребности въ спецiальныхъ типахъ людей для разныхъ общественныхъ функцiй (власти, обороны общества, сношенiя съ сверхъестественнымъ мiромъ, торговли, физической работы, домашнихъ занятiй и т. п.); затѣмъ онъ сталъ орудiемъ въ развитiи общественнаго строя, удовлетворяющаго противуобщественной — и, слѣдовательно, *патологической* — потребности экономической монополiи и всеобщей конкурренцiи; этотъ строй стремится, въ своемъ развитiи, къ упраздненiю того самаго государственнаго элемента который служилъ ему орудiемъ, не способенъ удовлетворить ни потребности безопасности, ни потребности экономическаго обезпеченiя для большинства гражданъ, не способенъ осуществить своего собственнаго идеала, разрушаетъ всѣ общественныя связи, всякую общественную солидарность, и низводитъ человѣческое общество до низшаго фазиса борьбы за существованiе, до борьбы каждаго противъ всѣхъ. (Ср. „Соцiализмъ и борьба за существованiе“ во „Впередъ“ 1875, 15 сент.).

Современное государство сдѣлалось орудiемъ буржуазнаго строя и разлагается подъ влiянiемъ развитiя этого строя; по тому самому, оно есть общественная форма не удовлетворяющая ни одной изъ естественныхъ потребностей человѣка, форма сама себѣ противурѣчивая; оно обречено гибели тѣмъ самымъ строемъ, который оно поддерживаетъ; оно поддерживаетъ строй явно патологическiй, который поставилъ себѣ идеалъ прямо противурѣчивый во всѣхъ его подробностяхъ, и который фатально ведетъ большинство че-

человѣчества къ гибели для увеличенія богатства и наслажденій самаго малаго числа крупныхъ эксплуататоровъ.

Достаточно усвоить результаты только что полученные, и сопоставить съ этимъ задачу соціализма вообще, и рабочаго соціализма въ особенности, чтобы убѣдиться, что между рабочимъ соціализмомъ и современнымъ государствомъ примиренія нѣтъ и быть не можетъ.

Соціализмъ вообще охватываетъ всю работу мысли, которая направлена на усиленіе элемента солидарности и коопераціи между людьми и на борьбу противу элемента эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Его практическая задача въ самомъ общемъ ея смыслѣ, такова: направить всякую личность къ укрѣпленію общественной связи и къ общественному благу.

Научный соціализмъ — тотъ соціализмъ, который Л. Штейнъ отожествлялъ съ „наукою общества“ (L. Stein: «Der Socialismus und Communismus des heut. Frankreichs» 1842; стр. 130), — требуетъ *реальнаго* основанія для рѣшенія этой задачи; устраняетъ изъ этого рѣшенія рутину обычая и фантастическіе пріемы религій: требуетъ отъ общественности, которая въ состояніи рѣшить задачу соціализма, гармоническаго удовлетворенія *всѣхъ нормальныхъ* потребностей человѣка; указываетъ на экономическое начало монополіи, какъ на источникъ бóльшей части явленій, враждебныхъ человѣческой солидарности; онъ требуетъ, наконецъ, для своего осуществленія *реальной* общественной силы, которая была бы заинтересована въ его осуществленіи и была бы въ состояніи осуществить его.

Рабочій соціализмъ находитъ реальное основаніе, требуемое научнымъ соціализмомъ, во *всеобщемъ трудѣ* для общественнаго развитія. При этомъ каждая личность отдаетъ всѣ свои силы на общественный трудъ, получая отъ общества все необходимое для своего существованія и развитія изъ общей массы естественныхъ и культурныхъ богатствъ, которыя должны перестать быть монопольною собственностью или предметомъ монопольнаго пользованія для личности, для кружка, для общины, для народа, но должны сдѣлаться *общимъ* достояніемъ, такъ чтобы каждый могъ получать изъ нихъ необходимое для него. Реальную общественную силу для своего осуществленія рабочій соціализмъ находитъ въ *организаціи рабочаго пролетаріата*, который осужденъ современнымъ порядкомъ на безконечныя матеріальныя бѣдствія, на неизбѣжное физическое, умственное и нравственное вырожденіе и потому сильно заинтересованъ въ измѣненіи современнаго порядка, а въ то же время вполнѣ можетъ захватить въ свои руки господствующую роль въ данный историческій моментъ, во первыхъ по своей преобладающей численности, во вторыхъ потому что именно онъ и есть производитель всѣхъ

тѣхъ богатствъ, которыя составляютъ матеріалъ современной борьбы за обогащеніе. Рабочему пролетаріату нужна лишь крѣпкая организація, чтобы дѣйствительно взять на себя въ исторіи ту роль, которая ему принадлежитъ по праву.

Но само собою разумѣется, что владыки міра и руководители современнаго государства не уступятъ добровольно рабочему пролетаріату своего выгоднаго положенія. Они употребятъ свои громадныя экономическія средства и средства существующей государственной организаціи, вполнѣ имъ подчиненной, для того чтобы отстаивать это положеніе. Путемъ *легальной реформы* рабочій соціализмъ восторжествовать не можетъ, а потому ему остается одинъ путь — путь *соціальной революціи*. Это именно обращаетъ неизбѣжно приверженцевъ рабочаго соціализма въ приверженцевъ соціальной революціи. Рабочій соціализмъ, вслѣдствіе историческихъ условій времени, становится *революціоннымъ соціализмомъ*.

Можно ли же допустить, что рабочій соціализмъ, при томъ значеніи его, которое только что указано, можетъ воспользоваться для соціальной революціи тѣми средствами, которое представляетъ ему нынѣшнее легальное государство? Можно-ли допустить, что, при удачномъ совершеніи соціальной революціи, онъ найдетъ нужнымъ сохранить въ новомъ строѣ нѣкоторые элементы нынѣшняго государственнаго строя?

Соціализмъ въ настоящую минуту имѣетъ предъ собою задачу *спасенія общества* отъ грозящаго ему разложенія во всеобщей конкурренціи, во всеобщей борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, и его первое требованіе есть искорененіе монопольнаго хозяйства, уничтоженіе возможности накопленія богатствъ въ рукахъ особи или коллективной единицы, уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Но все это входитъ самымъ существеннымъ элементомъ въ современный экономическій строй, а слѣдовательно и въ современный государственный строй, который постепенно становится все болѣе подчиненнымъ экономическому и все болѣе обращается въ защитника послѣдняго. Всѣ органы, всѣ формы современнаго государства проникнуты (и проникаются все болѣе и болѣе) принципомъ безусловной конкурренціи и господства капитала. Какимъ же образомъ можетъ соціализмъ признать пользу для *своихъ* цѣлей того самого, что составляетъ существенный органъ его противника?

Соціализмъ ставитъ себѣ цѣлью удовлетвореніе помощью формъ общежитія, *всѣхъ нормальныхъ* потребностей человѣка, слѣдовательно, между прочимъ, и тѣхъ основныхъ потребностей *экономическаго обезпеченія* и *всеобщей безопасности*, въ виду которыхъ человѣчество выработало въ своей исторіи всѣ формы экономическихъ отношеній и всѣ формы государственности. Но мы только что видѣли, что современное государство, отказавшись

отъ своей основной роли, охранителя общей безопасности, сдѣлалось органомъ охраненія современнаго экономическаго порядка и тѣхъ лицъ, которые имъ пользуются. Мы видѣли, что такихъ лицъ становится все меньше и меньше, остальные же неизбѣжно обращаются въ ихъ жертвы, при чемъ для меньшинства, состоящаго изъ мелкихъ собственниковъ, экономическое обезпеченіе, безопасность личности и собственности обращается въ иллюзію въ бурѣ повторяющихся и ростущихъ кризисовъ; большинство же, составленное изъ пролетаріата, лишено всякой возможности добыть себѣ экономическое обезпеченіе, всякой возможности обезопасить себя отъ самыхъ крайнихъ случайностей умственнаго, нравственнаго и физическаго вырожденія, отъ хроническаго голоданія, отъ окончательной гибели. Какой же можетъ быть союзъ между соціализмомъ, требующимъ экономическаго обезпеченія для *всѣхъ*, безопасности для *всѣхъ*, и государствомъ, которое всѣми своими силами и всѣми органами охраняетъ строй, лишающій почти всѣхъ экономическаго обезпеченія и безопасности?

Поэтому рабочій соціализмъ есть полное отрицаніе современнаго государства, какъ охранителя строя, построеннаго на монополіи и всеобщей конкурренціи; отрицаніе современнаго государства, какъ общественной формы, которая противурѣчитъ потребности общаго экономическаго обезпеченія и общей безопасности.

Но именно легальный элементъ современнаго государственнаго строя, т. е. формы законодательной, судебной и исполнительной власти, составляютъ поддержку и орудія монопольнаго хозяйства нашего времени; именно этотъ элементъ, все болѣе направленный противъ рабочаго пролетаріата, полагаетъ рѣшительную помѣху мирному рѣшенію соціальнаго вопроса. По этому рабочій соціализмъ отрицаетъ *по существу* современный легализмъ, какъ организацію законодательной, судебной и исполнительной власти; отрицаетъ для себя обязательность уважать и поддерживать законы, направленные противъ общаго экономическаго обезпеченія и общей безопасности, и противупоставляетъ имъ требованіе соціальной революціи, долженствующей охватить *всѣ* стороны современнаго государственнаго строя.

Между современнымъ государствомъ и рабочимъ соціализмомъ ни примиренія, ни соглашенія *нѣтъ* и *быть не можетъ*.

IV. Строй будущаго общества.

Мы видѣли въ предыдущемъ три группы потребностей, которыя обусловили строй нынѣшняго общества, и значеніе этихъ трехъ группъ для будущаго общества опредѣляется ихъ происхожденіемъ.

Потребности личной и общественной безопасности, экономическаго обезпеченія, бо̀льшаго разнообразія техники удовлетворенія общественныхъ нуждъ при усложненіи жизни суть потребности вполнѣ *естественныя* и требующія себѣ удовлетворенія во всѣ періоды жизни общества. Этимъ потребностямъ *должно* будетъ удовлетворить и будущее общество, которое стремятся создать соціалисты, если оно хочетъ имѣть какіе либо шансы на историческую жизнь. При всѣхъ своихъ цѣляхъ, отдаленнѣйшихъ или ближайшихъ, соціалисты не только не отрицаютъ этой задачи, но должны ставить и ставятъ ее на первое мѣсто въ своемъ построеніи. Мало того, одно изъ ихъ главныхъ обвиненій противъ современнаго общественнаго строя есть, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, именно противурѣчіе его этимъ потребностямъ: экономическій строй ведетъ фатально большинство къ лишенію всякаго экономическаго обезпеченія; политическій строй покровительствуетъ конкурренціи, подрывающей личную и общественную безопасность; при усложненіи жизни лишь меньшинство въ состояніи удовлетворять своимъ нуждамъ разнообразіемъ техники, для большинства же результаты этого разнообразія совершенно недоступны, и массы пролетаріата въ своей жизни очень мало отличаются отъ жизни первобытнаго человѣчества, тогда какъ техника направлена не только къ удовлетворенію требованій комфорта со стороны небольшаго господствующаго меньшинства, но на удовлетвореніе множества фиктивныхъ его потребностей, вызванныхъ вполнѣ-искуственною жизнію этого меньшинства, жизнію, которая во многихъ формахъ своихъ „приличій" и „преданій", тяжела для самого этого меньшинства.

Эти *естественныя* потребности именно потому неудовлетворены въ нынѣшнемъ обществѣ, что въ немъ господствуютъ *патологическія* потребности экономической монополіи и всеобщей конкурренціи, прямо *противурѣчивыя* задачѣ *солидарности* членовъ общества, задачѣ, лежащей въ основѣ всякаго понятія объ общественномъ союзѣ. Онѣ выросли изъ переживающихъ преданій борьбы всѣхъ противъ всѣхъ за существованіе *до* появленія въ органическомъ мірѣ начала общественной солидарности, слѣдовательно, *до* развитія *сознательнаго* общежитія. Какъ всякій остатокъ стараго періода, эти начала конкурренціи и монополіи же

могли исчезнуть сразу, но должны были, при *правильномъ* и *здравомъ* общежитіи, постепенно атрофироваться, подавляемыя разростаніемъ начала солидарности. Но исторія человѣчества не дозволила имъ атрофироваться, такъ какъ *сознаніе* человѣческой солидарности, основное понятіе соціализма, выработалось весьма поздно, всѣ же предшествующія ступени соціалистическихъ влеченій находили въ другихъ человѣческихъ влеченіяхъ сильное препятствіе здоровому развитію. Инстинктивная солидарность первобытнаго обычая не въ состояніи была побороть инстинктъ себялюбія, тѣмъ болѣе что общества, жившія подъ давленіемъ обычая, рѣдко могли обезпечить всѣмъ личностямъ постоянное удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ потребностей. Прочувствованная солидарность съ близкими и любимыми лицами очень скоро, по самому свойству аффекта, съузилась, вмѣсто того, чтобы расшириться, отъ племени и рода перешла къ ближайшей семьѣ, въ самомъ тѣсномъ ея смыслѣ, и въ этой формѣ стала одною изъ самыхъ прочныхъ опоръ идей монополіи и всеобщей конкурренціи. Наконецъ первыя попытки работы человѣческаго сознанія въ формѣ религіи вызвали борьбу съ реальными общественными задачами въ пользу задачъ фантастическихъ, вызвали возвеличеніе аскетизма, пожертвованіе земными благами для исполненія воли неземныхъ владыкъ, развитіе во многихъ странахъ новаго эксплуататорскаго сословія посредниковъ между человѣкомъ и сверхъестественнымъ міромъ. Но религіозное творчество стало особенно помѣхою правильному и гармоническому развитію человѣческихъ потребностей въ томъ отношеніи, что оно замедлило вообще установленіе сознательнаго и критическаго отношенія къ нимъ, мѣшая вообще развитію критической мысли, въ которой религіозное построеніе видѣло своего худшаго врага, такъ что критическая мысль могла укрѣпиться, сначала хотя бы въ самыхъ безобидныхъ областяхъ, лишь въ исключительныя эпохи; долго не могла, вслѣдствіе укоренившихся общественныхъ привычекъ и давленія господствующихъ классовъ, обратиться серьезно къ вопросамъ соціологіи, во всѣхъ своихъ соціалистическихъ построеніяхъ гораздо болѣе пользовалась методами религіознаго и метафизическаго мышленія, чѣмъ научными, и лишь въ самое послѣднее время могла перейти отъ утопій и фантазій къ научнымъ пріемамъ, разобрать точными методами значеніе монопольной собственности и всемірной конкурренціи, и доказать что они обрекаютъ общество на неизбѣжное разрушеніе.

Все это замѣнило здоровое и гармоническое развитіе человѣческихъ общественныхъ потребностей развитіемъ патологическимъ, заглушило разростаніе начала солидарности, способствуя усиленію патологическихъ потребностей монополіи и конкурренціи, которыя лишь теперь могутъ быть критически признаны тѣмъ, что они есть — противуобщественными стремленіями, и, вслѣд-

ствіе того, должны быть тщательно искоренены въ томъ обществѣ, которое хочетъ устроить прочное, здоровое т. е. солидарное общежитіе*).

*) Намъ могутъ возразить, будто бы мы голословно признаемъ это патологическимъ явленіемъ, то — здоровымъ, тогда какъ наши противники, гордо опираясь на преданіе, восходящее за нѣсколько тысячъ лѣтъ, считаютъ именно первое естественнымъ и разумнымъ, слѣдовательно - здоровымъ процессомъ, второе же — безумнымъ и противуестественнымъ, слѣдовательно — болѣзненнымъ процессомъ.—Мы принимаемъ за основаніе, что въ обществѣ, какъ въ отдѣльномъ организмѣ, можетъ быть названъ здоровымъ лишь тотъ процессъ, который доставляетъ наименѣе страданія и въ то же время поддерживаетъ болѣе продолжительное время связь организма какъ единаго. Принявъ это положеніе. мы желали-бы, чтобы наши противники рѣшились прямо отрицать: 1) что начало солидарности, инстинктивное, прочувствованное или сознанное не можетъ содѣйствовать увеличенію страданій въ обществѣ или непрочности общества; 2) что солидарность членовъ общества есть прямая цѣль всякаго общежитія; 3) что начала монополіи и конкурренціи противудѣйствуютъ началу солидарности и противудѣйствуютъ на столько, что общественную солидарность приходится отыскивать въ другихъ началахъ, ихъ нѣсколько сдерживающихъ.—Если наши противники этого отрицать не могутъ, то мы спросимъ ихъ: не признано ли почти всѣми серьезными публицистами даже изъ ихъ лагеря, что въ настоящее время эти другія начала (патріотизмъ, религія, уваженіе къ власти, національная связь и т. п.) совершенно безсильны въ борьбѣ съ энергическимъ разростаніемъ конкурренціи? Не ведетъ ли неизбѣжно эта конкурренція къ уменьшенію числа наслаждающихся, къ увеличенію числа страждущихъ, слѣдовательно, къ увеличенію вообще страданій въ обществѣ, что есть одинъ признакъ патологическаго общественнаго процесса? Не есть ли отсутствіе политическихъ и нравственныхъ убѣжденій среди господствующихъ классовъ, распространеніе между ними пессимистическихъ міросозерцаній—признанное явленіе современнаго общества? Не раздаются ли со всѣхъ сторонъ голоса Кассандры указывающія гибель обществу безъ убѣжденій, безъ надежды на будущее и съ растущимъ пролетаріатомъ, обреченнымъ на хроническое голоданіе и вырожденіе? Не есть ли это второй признакъ патологическаго общественнаго процесса? — Если же и это такъ, если конкурренція и монополія, въ своемъ разростаніи, фатально заглушаютъ солидарность и ведутъ къ смертельной болѣзни общества, то не имѣемъ ли мы права сказать: здоровое общежитіе требуетъ искорененія началъ монополіи и конкурренціи? — Но это невозможно; — говорятъ наши противники — безъ нихъ человѣчество жить не можетъ. — Ну, мы думаемъ что это можно и постараемся доказать вамъ это. — Но, во всякомъ случаѣ положеніе дѣлъ таково: медики консерватизма и либерализма, такъ долго обѣщавшіе современной цивилизаціи здоровье и долговѣчье, потеряли это убѣжденіе, впали въ пессимизмъ и не могутъ устранить гангрены пролетаріата. Мы, соціалисты, говоримъ, что должна умереть лишь нынѣшняя форма общества, самое же общество можетъ быть здорово и долговѣчно при другой гигіенѣ. Исторія, надѣемся, докажетъ, что мы правы. Но въ двухъ вещахъ уже теперь должны

Но между общими *естественными* потребностями, которымъ *должно* удовлетворить всякое общежитіе, и *патологическими* потребностями современнаго общества, которыя столь же несомнѣнно *должно* искоренить, какъ разрушающія общежитіе, мы встрѣчаемъ третью группу, *временныхъ* потребностей, историческихъ продуктовъ общественнаго развитія; потребностей, которыя могли и могутъ въ свое время быть законными, вслѣдствіе существующихъ обстоятельствъ, но для которыхъ надо найти оправданіе каждый разъ именно въ *этихъ* обстоятельствахъ. Объ нихъ нельзя сказать, какъ о монополіи и конкурренціи, что онѣ безусловно противуобщественны, но нельзя ихъ признать и элементами, присущими всякому общежитію, какъ потребность безопасности и экономическаго обезпеченія. Удовлетворить этимъ временнымъ потребностямъ приходится въ той мѣрѣ, въ какой ихъ цѣли входятъ въ данное время неизбѣжными элементами въ способы удовлетворенія естественнымъ потребностямъ общежитія, не болѣе, и потому для каждой формы общежитія слѣдуетъ поставить вопросъ: въ какой мѣрѣ въ этой формѣ общежитія необходимо участіе того элемента, который служитъ удовлетвореніемъ той или другой временной потребности?

Такой временной потребности удовлетворялъ въ первые періоды человѣческой исторіи общественный религіозный культъ, когда обычай не могъ уже связывать людей при развитіи эгоистическихъ влеченій, сознательная же солидарность, опирающаяся на пониманіе реальныхъ отношеній между предметами и между людьми, не выработалась еще по недостатку умственнаго развитія. Религіозное ученіе, грозившее людямъ неземною силою и карами, отъ которыхъ никто ускользнуть не могъ, было тогда единственною — хотя и крайне недостаточною — охраною общества отъ эгоистическаго влеченія единицъ; но, по непривычкѣ личности къ умственной работѣ, оно было-бы вполнѣ безсильно для этой цѣли, если бы оно не символизировало общественной связи, имъ охраняемой, въ формахъ обязательнаго общественнаго культа. Этотъ культъ создавалъ новый обычай, и при томъ обычай, сильный уже не *только* своею древностью, какъ въ предшествовавшій періодъ, но обычай, въ которомъ воображеніе человѣка видѣло общеніе съ божествомъ, исполненіе сверхъестественнаго закона.— Подобный культъ удовлетворялъ *временной* общественной потребности, но заключалъ въ себѣ и значительныя неудобства для того самого общества, которое нуждалось

согласиться съ нами и наши противники: 1) что ихъ общество больно и больно болѣзнью, которую они вылѣчить не умѣютъ, такъ какъ она прогрессируетъ; 2) что мы имѣемъ въ виду устройство здороваго общежитія, или, по крайней мѣрѣ, такого, въ которомъ отсутствуетъ основной источникъ болѣзни ихъ общества.

въ немъ: какъ всякій обычай, онъ былъ элементомъ застоя; какъ всякое отклоненіе человѣческой мысли отъ реальныхъ вопросовъ къ сверхъестественнымъ, онъ ослаблялъ и развращалъ мысль; какъ всякое общественное явленіе, въ которомъ *немногіе* выступали посредниками между сверхъестественными силами и массою, онъ велъ къ монополіи этого посредничества и къ ея эксплуатаціи во вредъ массамъ. По этому совершенно естественно на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія возникали сами собою вопросы: соотвѣтствуетъ-ли общественный культъ общественному міросозерцанію? въ какой мѣрѣ общество нуждается въ культѣ? — При этомъ, то вырабатывался культъ съ духовенствомъ, рѣзко отдѣленнымъ отъ міранъ по своимъ правамъ и преимуществамъ; то общество поднимало протестъ противъ этого отдѣленія во имя девиза: всѣ вѣрующіе — священники; то фанатическая секта вырабатывала самые уродливые обряды культа; то культъ ограничивался минимумомъ общественной молитвы. При извѣстномъ развитіи критической мысли и при выработкѣ реалистическаго міровоззрѣнія, совершенно просто, самъ собою, возникъ вопросъ: нуженъ ли какой либо культъ для общества, которое имѣетъ тысячи другихъ средствъ и символизировать и реально проявлять свою солидарность? — Современная мысль въ своихъ лучшихъ представителяхъ давно уже отвѣтила отрицательно, и прежде существовавшая *временная* потребность общественнаго культа, обратившагося уже теперь въ рутину и въ предметъ насмѣшекъ, не имѣетъ никакого шанса на какое нибудь удовлетвореніе въ будущемъ соціалистическомъ строѣ.

Слѣдовательно, и относительно государственнаго элемента, относительно элемента принудительной власти одной доли общества надъ другою, слѣдуетъ поставить вопросъ: на сколько этотъ элементъ можетъ быть необходимъ въ обществѣ, построенномъ по началамъ рабочаго соціализма, или по существу новаго общежитія, или временно, при разныхъ фазисахъ развитія новаго общества?

Боевой крикъ рабочаго соціализма заключается, какъ извѣстно, въ двухъ формулахъ:

Прекращеніе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.
Прекращеніе управленія человѣка человѣкомъ.

Въ послѣдней формулѣ, конечно, слово „управленіе" должно быть понято не въ смыслѣ *добровольнаго* подчиненія одной личности въ данномъ случаѣ руководству другой, но въ смыслѣ *принудительной власти* одной личности надъ другою.

Представляется вопросъ: *возможно-ли* достиженіе этой цѣли въ обществѣ, устроенномъ по требованію рабочаго соціализма? или этотъ боевой крикъ представляетъ утопію, неосуществимую

въ дѣйствительности? Замѣчу при этомъ, что неосуществимость второй формулы влечетъ за собою и неосуществимость первой, такъ какъ тамъ, гдѣ принудительная власть человѣка надъ человѣкомъ останется неизбѣжнымъ элементомъ общежитія, нѣтъ *никакой* возможности устранить случаи злоупотребленія этой властью въ виду удовлетворенія личныхъ влеченій людей, облеченныхъ властью (хотя бы временно), а подобное злоупотребленіе есть уже „эксплуатація человѣка человѣкомъ".

Въ настоящее время представители рабочаго соціализма какъ будто склоняются къ мнѣнію, что въ будущемъ обществѣ „прекращеніе управленія человѣка человѣкомъ" невозможно. Это особенно характерно высказалось въ отвѣтахъ, представленныхъ на Брюссельскій конгрессъ М. А. Р. въ 1874 году по вопросу: „Кто и какимъ образомъ будетъ отправлять общественную службу въ будущемъ обществѣ?" *)

Одинъ изъ этихъ отвѣтовъ поданъ былъ секціею, которая могла считаться представительницею самыхъ крайнихъ антигосударственныхъ стремленій соціализма. Въ началѣ встрѣчаемъ даже прямое заявленіе необходимости „упраздненія въ будущемъ правительственнаго дѣйствія" (стр. 76). Тѣмъ не менѣе, въ таблицѣ видовъ общественной службы, оказывается (стр. 78): „*Е. Общественная безопасность*: Полиція и правосудіе"; и ниже, при разсмотрѣніи этой рубрики, авторы выражаются такъ (84—85):

„Можно-ли однако оспаривать во всѣхъ отношеніяхъ полезность, приписываемую въ настоящее время тому, что называется правосудіемъ и полиціей? Не думаемъ.

Такъ какъ интересы личностей и группъ должны быть обезпечены и гарантированы, то намъ кажется, что вѣдомства, содѣйствующія этой гарантіи, составляютъ Общественную Службу.

Съ точки зрѣнія чисто мѣстной, полиція принадлежитъ лишь общинѣ, которая должна заботиться о безопасности своихъ членовъ. Община-же должна заботиться объ общественномъ здоровьѣ, наблюдать за обманами, могущими имѣть мѣсто на рынкахъ, а также наблюдать за исполненіемъ гигіеническихъ правилъ, касающихся мастерскихъ, заводовъ и фабрикъ всѣхъ родовъ, устроенныхъ въ районѣ ея дѣйствія.

Полиція станетъ федеральной каждый разъ, когда нужно обезпечить безопасность сношеній между личностями и сосѣдними общинами, или между самими общинами.

Полиція тогда.... станетъ службой въ интересахъ дѣйствительно общественныхъ и необходимыхъ."

Далѣе сказано о необходимости „третейскаго суда" при возможномъ „столкновеніи интересовъ", наконецъ о необходимости „обузданія преступленій противъ личности", какъ входящаго „въ

*) См. „Общественная служба въ будущемъ обществѣ", 1875. Въ послѣдующихъ цитатахъ указанія относятся къ страницамъ этой брошюры.

отправленіе медицинской службы", что не совсѣмъ ясно, но, по всей вѣроятности, должно быть понято въ смыслѣ *принудительнаго лѣченія* преступника.

Невозможно представить себѣ функціонированіе этихъ учрежденій, долженствующихъ охранять общественную безопасность, иначе, какъ въ формѣ *принудительной власти*; конечно, предполагается, что эта власть будетъ употреблена „въ интересахъ дѣйствительно общественныхъ и необходимыхъ", тѣмъ не менѣе она неизбѣжно допускаетъ и *злоупотребленіе* ею подъ вліяніемъ *личныхъ* и *случайныхъ* влеченій. И нынче нѣтъ деспотической и эксплуататорской мѣры, на которой не выставлялся бы ярлыкъ „интересовъ дѣйствительно общественныхъ и необходимыхъ"; весьма часто при этомъ нельзя отрицать у „руководителей судебъ народовъ" въ настоящемъ и въ минувшемъ искренняго убѣжденія, что они дѣйствуютъ именно въ этихъ интересахъ, но отъ этого нисколько не легче обществу. Если „интересы личностей и группъ" приходится гарантировать особымъ учрежденіемъ полиціи, если этой полиціи приходится „наблюдать за обманами на рынкахъ", если ей приходится „обезпечивать безопасность сношеній между личностями и сосѣдними общинами или между самими общинами", то неизбѣжно эта полиція должна обладать немаловажною *властью*, и не только исполнительною, но до извѣстной степени распорядительною: обманъ или насиліе, вообще всякое дѣйствіе, нарушающее безопасность или интересы личности или группы, приходится остановить сейчасъ, по собственному соображенію, что предъ лицомъ, облеченнымъ полицейскою обязанностію, совершается дѣйствительно обманъ, насиліе, мгновенное нарушеніе безопасности или интересовъ. Слѣдовательно, лицо, *заподозрѣнное* въ этихъ проступкахъ или преступленіяхъ, *немедленно* и *недобровольно* принуждено *подчиниться* соображеніямъ и распоряженіямъ другаго лица, облеченнаго властію. Послѣднее лицо, очевидно, облечено обществомъ правомъ, въ извѣстныхъ размѣрахъ, *управлять* другими лицами. *Управленіе человѣка человѣкомъ не прекратилось.*

Точно также и рѣшеніе третейскаго суда и медицинское „обузданіе преступленій противъ личности" предполагаютъ, съ одной стороны, въ извѣстной мѣрѣ *непроизвольное подчиненіе*; съ другой — лицъ, облеченныхъ правомъ, по своему соображенію, принуждать другихъ *подчиняться* ихъ соображеніямъ о виновности этого, о необходимости подвергнуть того принудительному лѣченію; слѣдовательно, предполагаютъ, опять таки, *непрекратившееся управленіе человѣка человѣкомъ.*

Еще опредѣлительнѣе выражается другая записка, представленная на тотъ-же конгрессъ, записка, авторъ которой занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ рядахъ современныхъ теоретиковъ соціализма.

Онъ, во первыхъ, считаетъ „государство" совершенно законною, даже „неизбѣжною" (стр. 48) формою общежитія въ будущемъ обществѣ, между общиною и человѣчествомъ или всемірною федераціею (стр. 30 и 24). Правда, онъ нѣсколько разъ возвращается къ мысли, что это государство будущаго рабочаго соціализма не будетъ имѣть „ровно ничего общаго" съ нынѣшнимъ (стр. 21). Онъ говоритъ (стр. 23): „Государство, какъ мы его понимаемъ и какъ мы хотимъ его видѣть, не есть въ точномъ смыслѣ власть, правительственная система... Мы можемъ совершенно ясно представить себѣ государство неавторитарное (мы чуть было не сказали: государство ан-архическое)..." Тѣмъ не менѣе, совершенно независимо отъ значенія, придаваемаго авторомъ этому термину, приходится признать, что элементъ *принудительной власти* разлитъ имъ въ весьма достаточныхъ размѣрахъ во всемъ общественномъ строѣ, какъ послѣдній представляется автору въ будущемъ, и авторъ этого нисколько не скрываетъ.

Этотъ элементъ заключается, по мнѣнію автора, въ самой сущности понятія объ общественной службѣ. Такъ онъ говоритъ (стр. 3—4):

„....Во первыхъ, тѣ общеполезныя работы составляютъ или должны составить общественную службу, которыя или вовсе не имѣли бы мѣста, будучи предоставлены частной иниціативѣ, или уклонились бы въ этомъ случаѣ отъ надлежащаго ихъ назначенія. Во вторыхъ, — тѣ, которыя было-бы опасно оставлять въ частныхъ рукахъ, чтобы онѣ не обратились въ монополію. Наконецъ, въ формѣ общественной службы отправляются еще тѣ работы, которыя требуютъ обширнаго совокупнаго труда, комбинированныхъ усилій большаго числа рабочихъ; эти производства нуждаются поэтому въ одномъ высшемъ руководствѣ, которое можетъ быть отдано лишь въ руки общественной администраціи."

И далѣе развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ:

„Врядъ ли нужно говорить, что было бы во всякомъ случаѣ опасно отдавать въ руки частныхъ компаній, хотя бы чисто рабочихъ, большую часть изъ тѣхъ родовъ общественной службы, которые въ сущности представляютъ монополію. Въ силу монопольнаго характера, компаніи эти всегда очутятся въ привилегированномъ положеніи, благопріятномъ для спекуляціи и эксплуатаціи общества."

„Нужно ли также говорить о томъ, что многіе виды общественной службы вовсе не отправлялись бы никѣмъ, если бы ихъ издержки не оплачивались обществомъ, т. е., еслибы государство или общество не брали ихъ на себя?.... Множество ученыхъ изысканій разнаго рода, ученыхъ экспедицій и т. п. вовсе не будутъ производиться или будутъ оставаться неоконченными, если государство или община не возьмутъ на себя вознагражденіе тѣхъ, кто посвящаетъ дѣлу свое время и свое знаніе, потому что никакая частная компанія не станетъ рисковать, вознаграждая научныя работы, которыя могутъ не привести ни къ какому болѣе или менѣе важному открытію, способному принести барышъ этой компаніи. Возможна-ли была-бы разсылка писемъ и газетъ въ мѣстности почти пустын-

ныя, въ отдаленныя поселенія, гдѣ сборъ не окупаетъ содержаніе персонала, если-бы государство не брало этой разсылки на себя." (14—15)

„Есть нѣкоторыя работы, очень грубыя, трудныя и непріятныя, которыя исполняются въ настоящее время людьми, принужденными своею бѣдностію исполнять ихъ. Но, если бѣдность исчезнетъ завтра, то никто не захочетъ исполнять эти работы. Только Фурье и его ученики могли воображать себѣ, какъ маленькія орды съ любовью предаются очисткѣ помойныхъ ямъ. Конечно, успѣхи механики поведутъ къ исполненію этихъ работъ при помощи машинъ; химія же можетъ современемъ доставить средства къ уничтоженію всего, что въ этихъ работахъ дѣйствуетъ непріятно на наши чувства. При всемъ томъ можетъ случиться, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ сохранятъ свой теперешній характеръ, что для нихъ не найдется исполнителей ни по склонности, ни по призванію, ни за особое вознагражденіе; а эти работы тѣмъ не менѣе могутъ быть необходимы. Не придется-ли тогда объявить ихъ общественною службою и привлечь всѣхъ къ поочередному участію въ нхъ исполненіи?" (60)

Отсюда уже совершенно понятно, что авторъ нисколько не останавливается предъ оставленіемъ въ будущемъ обществѣ, съ небольшими измѣненіями, разныхъ формъ государственной власти надъ личностью, существующихъ въ нынѣшнемъ обществѣ и долженствующихъ, по мнѣнію автора, совершенно законно войти въ будущій соціалистическій строй. Такъ, перечисляя виды общественной службы, авторъ говоритъ (стр. 5—6):

„Прежде всего назовемъ службу, гарантирующую безопасность; она обнимаетъ три обширныя области: законодательство, юстицію и полицію, цѣль которыхъ вообще охраненіе членовъ общества отъ насилія и обмана и обезпеченіе исполненія договоровъ."

Авторъ передаетъ лишь эти формы власти общинѣ (стр. 31). Далѣе находимъ систему наказаній въ будущемъ обществѣ, набросанную въ слѣдующихъ чертахъ (10):

„....Тамъ на преступниковъ нельзя будетъ смотрѣть иначе, какъ на больныхъ, которыхъ надо лѣчить, или какъ на людей, увлеченныхъ минутной страстью, которыхъ надо возвратить на истинный путь, хотя-бы удаляя на время изъ общества, въ виду опасности ихъ болѣзни или ихъ заблужденія. А для этого достаточно будетъ нѣсколькихъ пенитенціарныхъ колоній, гдѣ этимъ несчастнымъ будетъ дана возможность исправиться и зажить свое прошедшее, при помощи работы, соотвѣтствующей ихъ способностямъ."

Эти пенитенціарныя колоніи, по мнѣнію автора, должны входить въ сферу дѣятельности государства (стр. 38), цѣль котораго „заключается именно въ приведеніи въ дѣйствіе, при помощи администраціи, спеціально для этого назначенной, тѣхъ отраслей общественной службы, которыя составляютъ главную функцію государства" (стр. 21).

Здѣсь нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія. Передъ нами „спе-

ціальная администрація“, которая на трехъ ступеняхъ общественнаго союза — въ обществѣ, въ государствѣ и во всемірной федераціи — охватываетъ личности и группы личностей, принудительно назначаетъ ихъ на „общественную работу“, не способную безъ того привлечь работниковъ, или даже быть предпринятою какою либо группою; предъ нами спеціальная администрація, которая стоитъ въ формѣ полиціи на стражѣ противъ „обмана, насилія“, нарушенія „договоровъ“; наконецъ ссылаетъ нарушителей порядка въ принудительныя больницы или въ „пенитенціарныя колоніи“. Отнять у этой „спеціальной администраціи“ возможность дѣйствовать иногда по личнымъ влеченіямъ и, слѣдовательно, порою *злоупотреблять* своею властью — рѣшительно невозможно. *Управленіе человѣка человѣкомъ* здѣсь не только *не прекратилось*, но входитъ *существеннымъ* элементомъ въ строй общества, въ самое понятіе коллективной дѣятельности на общую пользу, т. е. солидарнаго общежитія.

Приведемъ еще цитату изъ писателя, принадлежащаго третьей соціалистической группѣ, гдѣ встрѣтимъ еще болѣе откровенное сознаніе («Volksstaat» 10 мая, 1873):

„Отвратительна и заслуживаетъ презрѣнія не власть (Gewalt) вообще, но безчеловѣчная форма, въ которой до сихъ поръ эта власть проявлялась. При извѣстныхъ обстоятельствахъ нѣкоторая доля власти будетъ всегда употреблена, потому что власть дана людямъ не для того лишь, чтобы они смотрѣли на нее, а для того, чтобы они ее употребляли. Не власть вообще можетъ быть отмѣнена для насъ, но лишь ея варварская форма. Съ нея будетъ сбита каска и ей будетъ приданъ человѣчный видъ.“

Дѣло идетъ, значитъ, лишь объ *очеловѣченіи* власти, объ *очеловѣченіи* „управленія человѣка человѣкомъ“, а не объ устраненіи этого управленія. Въ памяти рисуется уже старинное изрѣченіе о „желѣзной рукѣ въ бархатной перчаткѣ“.... Если оно такъ, то въ *этомъ* отношеніи будущее общество не очень далеко уйдетъ отъ современнаго строя.

Впрочемъ, при всѣхъ этихъ выраженіяхъ слѣдуетъ помнить одно. Цитируемые авторы слишкомъ часто не даютъ точныхъ указаній, говорятъ ли они объ общежитіи, которое долженъ выработать рабочій соціализмъ, когда онъ, побѣдивъ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, переработавъ старыя привычки и влеченія, вынесенныя изъ буржуазнаго міра его приверженцами, будетъ наконецъ имѣть возможность развиваться правильно и спокойно, на своихъ собственныхъ началахъ; или дѣло идетъ о той весьма трудной эпохѣ, которая наступитъ на другой день послѣ успѣшной соціальной революціи въ довольно обширной странѣ, когда рядомъ съ побѣдителями будутъ стоять побѣжденные, запуганные, безсильные, но враждебные элементы парази-

товъ разрушеннаго строя; когда за границею соціалистической страны будутъ государства съ буржуазнымъ строемъ; когда большинство самихъ борцовъ-побѣдителей, провозгласившихъ начала рабочаго соціализма, будетъ безсознательно хранить въ себѣ привычки и влеченія, унаслѣдованныя отъ строя, въ которомъ это большинство выросло, воспиталось и развилось. Цитируемые авторы очень часто не только не указываютъ читателямъ, о которомъ изъ этихъ двухъ моментовъ они говорятъ, но едва-ли не столь-же часто сами смѣшиваютъ эти весьма различныя эпохи, переносятъ на послѣдующую тѣ черты, которыя составляютъ неизбѣжную принадлежность предыдущей, и тѣмъ самымъ вызываютъ въ читателѣ невѣрное понятіе о ихъ собственныхъ требованіяхъ отъ будущаго общества. Это совершенно приложимо и къ авторамъ, изъ которыхъ взяты предшествующія цитаты, хотя я не имѣю возможности здѣсь доказывать это послѣднее положеніе, приводя новыя выписки. Во всякомъ случаѣ, допуская сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли представители рабочаго соціализма разныхъ группъ въ приведенныхъ выраженіяхъ характеризовали то общежитіе, которое они представляютъ себѣ какъ осуществляющее *окончательно* требованія рабочаго соціализма, я приступлю къ вопросу, выше поставленному, строго отличая это послѣднее общежитіе отъ того, которое можетъ имѣть мѣсто на другой день послѣ побѣды рабочаго пролетаріата надъ его врагами.

Я сказалъ выше, что существенная, неистребимая общественная потребность, которая вызвала существованіе государства, существованіе власти, была потребность *безопасности* для личностей и группъ, входящихъ въ составъ государства.

Если мы посмотримъ внимательно на тѣ поводы, которые выставлены авторами только что приведенныхъ цитатъ для удержанія „полиціи", „спеціальной администраціи" въ будущемъ обществѣ, для употребленія „принудительной власти (Gewalt)", то опять таки намъ станетъ очевиднымъ, что и тутъ имѣется въ виду у каждаго изъ приведенныхъ авторовъ *охраненіе безопасности* личностей и группъ, входящихъ въ составъ будущаго общества.

Говорится объ „охраненіи договоровъ", о предупрежденіи или наказаніи „насилія" надъ личностями, объ устраненіи „обмана" на рынкахъ, о безопасности сношеній между личностями, между группами и т. под. Подразумѣвается существованіе опасностей внѣшнихъ и внутреннихъ для цѣлаго общества и для его членовъ. *Государственная власть* является въ формѣ полиціи, администраціи и т. под., какъ само собою разумѣющееся, какъ *неизбѣжное* оружіе противъ этихъ опасностей.

И такъ, вопросъ заключается въ томъ: возможно-ли охранить

личности и группы отъ опасностей, имъ угрожающихъ въ будущемъ обществѣ, построенномъ по началамъ рабочаго соціализма, не употребляя для этого *власти*, *правительства*, *принужденія* со стороны спеціальныхъ лицъ, назначенныхъ именно для того, чтобы, въ случаѣ нужды, функціонировать какъ принудительная сила? Заключаетъ ли строй будущаго общества по своей сущности другія оружія для достиженія той же цѣли? — Если въ немъ опасности для личностей и группъ останутся тѣ же, а новаго оружія противъ нихъ нѣтъ, то, конечно, общественное самосохраненіе потребуетъ и въ немъ государственной власти. Если же условія общежитія должны быть иныя, то многія нынѣшнія опасности могутъ оказаться несуществующими, а противъ другихъ можетъ понадобиться совсѣмъ другое оружіе.

Слѣдуетъ удержать въ памяти, что дѣло идетъ теперь не объ общежитіи, которое придется устроивать на другой день послѣ побѣды пролетаріата, въ присутствіи многочисленныхъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, при участіи въ этомъ общежитіи значительнаго числа лицъ, ставшихъ подъ знамя рабочаго соціализма безъ вражды противъ него, но и безъ усвоенія его требованій, экономическихъ и нравственныхъ, въ формѣ понятаго убѣжденія, или въ формѣ аффективнаго влеченія, или хотя бы въ формѣ унаслѣдованной привычки. Дѣло идетъ объ общежитіи позднѣйшаго времени, когда рабочій соціализмъ станетъ *обычаемъ* и *привычкою* для большинства; когда его нравственныя требованія можно предположить такими же руководящими основами общежитія, каковы для *наиболѣе честныхъ* буржуа послѣдняго періода начала семьи и собственности, каковы были въ послѣдній періодъ *искренняго* либерализма начала *отечества*, *законности* и т. п. для лучшихъ политическихъ дѣятелей; когда можно будетъ считать внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ этого строя столь-же малочисленными и безсильными, каковы были приверженцы феодализма временъ крестовыхъ походовъ при Людовикѣ XV-мъ во Франціи, или каковы будутъ приверженцы крѣпостнаго права черезъ какіе нибудь четверть вѣка въ Россіи; когда воспитаніе, общежитіе, литература, искусство, общественная наука, практическая философія будутъ одинаково содѣйствовать упроченію рабочаго соціализма какъ группы привычныхъ представленій, возбужденію и идеализаціи соотвѣтственныхъ ему аффектовъ, разработкѣ и уясненію входящихъ въ него понятій какъ въ частности, такъ и въ систематическомъ цѣломъ. Лишь такое общежитіе можетъ считаться періодомъ утвержденія рабочаго соціализма, и если мы хотимъ ясно ставить вопросъ: на сколько съ рабочимъ соціализмомъ уживается государственный элементъ?— то должны его поставить относительно такого общежитія.

Но тогда сразу окажется, что нѣкоторыя опасности, существующія въ современномъ обществѣ и существовавшія въ длин-

ный рядъ предшествующихъ періодовъ, вовсе не могутъ имѣть мѣста въ будущемъ обществѣ. Было время, когда закону приходилось ограждать раба отъ варварства его господина, но съ уничтоженіемъ рабства эта опасность исчезла сама собою. Пока существуютъ монархіи, приходится охранять общества, живущія подъ этою формою правленія, отъ опасности войнъ между претендентами на престолы, и это достигается — весьма дурно, впрочемъ — рядомъ законовъ о престолонаслѣдіи или о порядкѣ избранія монарха; но если бы всѣ государства обратились въ республики съ отвѣтственными чиновниками во главѣ управленія, то опасность отъ споровъ за престолъ не существовала-бы. Точно также въ обществѣ, воплотившемъ въ своихъ формахъ начала рабочаго соціализма, сами собой изчезнутъ всѣ опасности, возникающія для личностей и группъ изъ того экономическаго строя, который будетъ отмѣненъ самымъ установленіемъ рабочаго соціализма.

Такимъ образомъ, огромное количество нынѣшнихъ преступленій „противъ собственности" исчезнетъ при отсутствіи частной собственности. Съ тѣмъ вмѣстѣ множество уголовныхъ дѣлъ и насилій, косвенно имѣющихъ въ виду захватъ „собственности", множество прямаго и косвеннаго вреда общественному строю, наносимаго въ виду той же цѣли, не будутъ имѣть мѣста по недостатку почвы, на которой эти дѣйствія могли бы развиться. Когда два три поколѣнія выростетъ при условіяхъ *общей* собственности, всеобщаго труда на общую пользу и достаточныхъ средствъ, предоставляемыхъ общественнымъ порядкомъ не только для существованія каждой личности, но и для ея развитія, какъ до общаго уровня образованности данной эпохи, такъ и въ томъ спеціальномъ направленіи, которое обусловлено физіологическими и психологическими особенностями этой личности — тогда желаніе *присвоить* себѣ что либо, находящееся въ общемъ пользованіи, станетъ совершенно уродливымъ, исключительнымъ, психопатическимъ явленіемъ и совершенно нелѣпо будетъ создавать спеціальную власть для наблюденія за „обманами на рынкахъ", создавать „общественную службу" въ виду отправленія работъ, не представляющихъ „барышей", разсуждать объ „оплатѣ услугъ" въ обществѣ, которое въ самое свое основаніе положило принципъ коллективности: отдавай всѣ свои силы обществу и получай отъ него лишь необходимое. При общей собственности, при усвоеніи обычаемъ принципа коллективности, при удовлетвореніи всѣхъ здоровыхъ потребностей личности безъ всякой необходимости для нея въ монопольномъ присвоеніи ею того или другаго элемента общественнаго богатства, будущее общество будетъ само-собою охранено отъ громаднаго числа поступковъ, которые теперь подавляются — и то лишь въ самыхъ мелкихъ и маловажныхъ своихъ проявленіяхъ и крайне недостаточно — полицейскою и судебною властью.

Болѣе затрудненій представляютъ, по видимому, преступленія „противъ личности“. Человѣка возбуждаютъ къ дѣятельности не только разсчетъ и корыстныя побужденія, но также аффекты, доростающіе до страсти, и въ этой формѣ способные весьма быстро дойти до явленій, которыя не только граничатъ съ помѣшательствомъ, но иногда и прямо переходятъ въ его область.

Отсюда цѣлая область „преступныхъ“ дѣйствій, которыя, по мнѣнію строгихъ юристовъ добраго стараго времени, требовали неизбѣжно палачей и тюремщиковъ, сыщиковъ и уголовныхъ судей; по мнѣнію филантропическихъ юристовъ новаго времени, требуютъ психіатріи, но при этомъ больницы обращаются въ тюрьмы, лазаретные сторожа играютъ роль тюремщиковъ, медику же приходится и произносить уголовный приговоръ и исполнять его.

Можно сказать, что при солидарномъ общежитіи, при общемъ трудѣ на общую пользу, при привычномъ направленіи мысли личности съ дѣтства на требованія коллективизма — въ такой же мѣрѣ какъ теперь она направлена на борьбу за существованіе, на борьбу за увеличеніе наслажденій, на конкурренцію изъ за наживы — аффекты и страсти *эгоистическаго* характера должны ослабѣть, между тѣмъ какъ аффекты и страсти *альтруистическаго* характера (употребляя терминологію Конта) должны усилиться и сдѣлаться основаніями отношеній общежитія. Можно сказать, что разумное воспитаніе — которымъ будутъ заниматься уже не съ отвращеніемъ, не по необходимости, не изъ за жалованья, не между прочимъ, какъ теперь, а исключительно по влеченію — выработаетъ поколѣнія съ аффектами, направленными на поддержку выводовъ спокойнаго размышленія, а не противъ нихъ, на поддержку общественной солидарности, а не на потрясеніе ея. Все это, конечно, весьма возможно и вѣроятно, даже — если дѣло идетъ лишь о значительномъ *уменьшеніи* „преступленій противъ личности“, совершаемыхъ подъ вліяніемъ страсти — почти неизбѣжно. Но современное состояніе психологіи все-таки не дозволяетъ поставить вполнѣ достовѣрное предсказаніе о роли аффектовъ и страстей въ будущемъ обществѣ, такъ какъ до сихъ поръ мы имѣемъ крайне недостаточное число фактовъ для опредѣленія измѣненія силы и направленія аффектовъ въ личностяхъ подъ вліяніемъ измѣненія характера общественной среды и подъ вліяніемъ воспитанія. Среда, въ которой развивались личности, была до сихъ поръ такъ наполнена вредными вліяніями, и воспитаніе было на столько подвержено случайностямъ въ своей практикѣ, что о степени вліянія болѣе здоровой среды и болѣе правильнаго воспитанія можно только догадываться.

Такимъ образомъ, приходится и въ будущемъ обществѣ готовить на всякій случай оружіе противъ оскорбленій и насилій, которымъ можетъ подвергаться одна личность, вслѣдствіе того,

что другая личность опьянена непобѣдимою или неодержанною страстью. Если же это оружіе можетъ быть найдено только въ специальной принудительной власти, то пришлось-бы примириться со включеніемъ въ строй будущаго общества этой власти въ той или другой формѣ.

Но солидарное общежитіе будущаго общества представляетъ другое оружіе въ этомъ случаѣ, и при томъ оружіе, дѣйствительность котораго вполнѣ испытана долгою практикою, начиная съ культуры дикихъ племенъ, до самоновѣйшей и утонченнѣйшей цивилизаціи. Обществу приходится сдерживать не такъ часто *непобѣдимую* страсть, какъ страсть, которую личность и *не старается* побѣдить. Между тѣмъ усиліе побѣдить аффектъ выходитъ чрезвычайно рѣдко изъ нравственнаго убѣжденія — умъ человѣка большею частью не затрудняется относительно софизмовъ для оправданія аффекта — не особенно вліятельно въ этомъ случаѣ и опасеніе кары закона — отъ нея можно ускользнуть, а иногда и гордо противупоставить легальному осужденію нравственное оправданіе. На подавленіе аффекта имѣетъ самое громадное вліяніе *общественное мнѣніе* того общественнаго слоя или того кружка, въ которомъ дѣйствуетъ личность, и та возможность, которую представляютъ формы общежитія для *утайки* совершаемыхъ дѣйствій. Большинство людей мирится со своею совѣстью при поступкѣ, который не встрѣчаетъ порицанія въ окружающей средѣ. Люди, искренно считающіе себя вполнѣ религіозными, скорѣе переступятъ всѣ заповѣди своего вѣрованія, чѣмъ нарушатъ обычный обрядъ, ни для кого, въ сущности, не обязательный, или даже общепринятое въ ихъ кружкѣ обыкновеніе. Люди, смѣло рискующіе подвергнуться самымъ тяжелымъ карамъ закона, содрогаются предъ мыслью, что отъ нихъ отвернутся не только ихъ друзья, но даже люди ихъ круга, которыхъ они не особенно уважаютъ. Нравственныя и легальныя преступленія далеко не такъ страшны личностямъ, какъ нарушенія обычая, общепринятаго правила, рутины того кружка, среди котораго люди обращаются. Можно было бы наполнить цѣлые томы историческими и житейскими примѣрами самомученій, которымъ подвергали себя люди на зло своему собственному пониманію и убѣжденію, на зло своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, на зло опасностямъ, грозящимъ со стороны закона, лишь бы исполнить то, что люди около нихъ стоявшіе — иногда обширная, но иногда весьма ничтожная группа — считали должнымъ или приличнымъ. И это подчиненіе общепринятому (для кружка), это подавленіе личныхъ аффектовъ, какъ личной мысли, изъ за служенія общественному мнѣнію—тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ менѣе для личности существуетъ возможность уклониться отъ контроля кружка, съ которымъ личность признаетъ себя солидарною, чѣмъ менѣе самыя формы общежитія пріучили личность къ обособленной,

уединенной жизни, и чѣмъ болѣе, напротивъ, развили привычки коопераціи. Моды въ одеждѣ именно потому тираничны, что онѣ находятся подъ контролемъ всѣхъ и каждаго. Англичане именно потому представляютъ болѣе эксцентричностей чѣмъ другія европейскія націи, что привыкли къ обособленной замкнутой жизни.

Именно *это* могучее орудіе должно оградить будущее общество отъ „преступленій противъ личности" несравненно-дѣйствительнѣе, чѣмъ всевозможныя „спеціальныя" полиціи, администраціи, суды и другія формы государственной принудительной власти. Если аффекты и страсти не ослабѣютъ, если даже ихъ направленіе не измѣнится настолько, какъ это было бы желательно, то нѣтъ причины ослабѣть и тому давленію, которое съ начала исторіи претерпѣвала каждая личность отъ общественнаго мнѣнія; нѣтъ причины ослабѣть той способности сдерживать свои аффекты и страсти въ предѣлахъ *общепринятаго*, которое усвоили люди въ своей долгой привычкѣ къ общежитію и къ подчиненію общественному мнѣнію. А въ будущемъ обществѣ это будетъ уже не мнѣніе обособленнаго сословія, эксцентричнаго кружка, фанатической секты, группы людей, раздраженныхъ противъ лицемѣрныхъ приличій и противъ несправедливаго закона, но мнѣніе цѣлой общины, мнѣніе солидарнаго союза равноправныхъ личностей, мнѣніе людей, умственное и нравственное развитіе которыхъ будетъ въ *общихъ* чертахъ довольно единообразно. Къ тому же, при устройствѣ общежитія на началахъ дѣйствительной солидарности, тѣ привычки обособленія и замкнутости жизни, которыя развились вслѣдствіе монопольнаго хозяйства частныхъ собственниковъ, вслѣдствіе монопольной и ревниво-замкнутой семьи, вслѣдствіе взаимнаго опасенія въ виду всеобщей борьбы за наживу— должны замѣниться привычками общежитія, въ которомъ, по всей вѣроятности, гораздо скорѣе можетъ возникнуть избытокъ общественнаго контроля, чѣмъ избытокъ личнаго обособленія. Солидарная община, въ которой интересы всѣхъ и каждаго связаны во всѣхъ общественныхъ отправленіяхъ, неизбѣжно вызоветъ формы общежитія, гдѣ для каждаго будетъ почти невозможно укрыть отъ другихъ сколько нибудь серьезныя явленія своей личной жизни. Свободные кооперативные союзы для всѣхъ общественныхъ функцій, при чемъ каждый членъ общества будетъ одновременно участвовать въ нѣсколькихъ разнообразныхъ союзахъ, предполагаютъ нравственную зависимость каждой личности отъ мнѣнія множества лицъ, входящихъ самымъ разнообразнымъ образомъ въ ея жизненную дѣятельность. Всѣ эти вліянія, вмѣстѣ взятыя, должны образовать такое сильное нравственное давленіе на личность, что, совершенно независимо отъ дѣйствительной переработки аффектовъ путемъ измѣненія условій общественной жизни и воспитанія, привычка сдерживать проявленіе аффектовъ,

противныхъ общественному мнѣнію, должна значительно усилиться для каждой особи, а потомъ сдѣлаться наслѣдственною. Извѣстно, до какой степени у американскихъ индіанцевъ, въ мусульманскихъ странахъ и у многихъ дикихъ племенъ пріобрѣтена привычка оставаться невозмутимымъ въ присутствіи чужихъ или даже при всякомъ постороннемъ лицѣ; извѣстно, какъ свѣтскія приличія выработываютъ умѣнье одавливать всякій личный аффектъ и выражать тотъ аффектъ, который, по условіямъ общежитія, *долженъ* быть выраженъ. Замѣтимъ, при этомъ, что подобное подавленіе аффектовъ во имя общественнаго мнѣнія племени, сословія или кружка мы наблюдаемъ въ такихъ обществахъ, гдѣ повелѣнія общественнаго мнѣнія находятся иногда въ прямомъ противурѣчіи съ закономъ, съ религіею, съ нравственнымъ убѣжденіемъ или съ пониманіемъ личности. Замѣтимъ, что въ будущемъ обществѣ подобныя противурѣчія или не должны вовсе существовать или должны быть доведены до минимума, слѣдовательно— вліяніе общественнаго мнѣнія должно еще усилиться. Все это побуждаетъ заключить, что эта громадная сила общественнаго мнѣнія, направленная въ будущемъ обществѣ противъ обнаруженія эгоистическихъ аффектовъ и страстей въ формѣ насилія, можетъ и должна быть вполнѣ достаточна для того, чтобы замѣнить всѣ нынѣшнія *спеціальныя* принудительныя формы государственной власти, имѣющія то же назначеніе, но совершенно безсильныя въ борьбѣ съ дѣйствіями, поддержанными общественнымъ мнѣніемъ (напр. съ дуэлями, съ разбойничествомъ въ южной Италіи, съ судомъ Линча въ Америкѣ, съ искалѣченіемъ или даже убійствомъ шпіоновъ въ неконституціонныхъ государствахъ, и т. под.).

Но допустимъ, что это могучее орудіе будетъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ недѣйствительно. Допустимъ, что общественное мнѣніе, поддержанное собственнымъ размышленіемъ личности и нравственнымъ убѣжденіемъ, поддержанное привычнымъ строемъ мысли и разумною системою воспитанія, окажется иногда безсильнымъ противъ мгновеннаго опьяненія страстью. И для этихъ исключительныхъ случаевъ едва ли необходима *спеціальная* полиція, *спеціальный* судъ. Какъ спасать утопающаго бросается *всякій*, кто умѣетъ плавать, какъ о пьяномъ или безчувственномъ долженъ позаботиться *всякій*, кто можетъ сдѣлать это, такъ и обязанность полиціи въ подобныхъ случахъ лежитъ на *всякомъ* членѣ *солидарнаго* общества. Никто не облеченъ *спеціальнымъ правомъ* быть властью и распоряжаться другими, но всѣмъ принадлежитъ *обязанность* взять на себя *отвѣтственность* принудительнаго дѣйствія надъ человѣкомъ, котораго непобѣдимый припадокъ страсти сдѣлалъ неспособнымъ разсуждать и руководить своими дѣйствіями сообразно собственнымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Эта форма принужденія, которая не-

избѣжна при многихъ болѣзняхъ, которая едва ли устранима въ старчествѣ и въ дѣтствѣ, совершенно приложима къ случаямъ неудержимыхъ проявленій страсти и она не заключаетъ государственнаго элемента, какъ не заключаетъ его спасеніе погибающихъ, уходъ за безсознательными больными и пьяными. Здѣсь нѣтъ обособленной группы лицъ, привыкающей распоряжаться другими противъ ихъ воли и которой всѣ пріучаются повиноваться: здѣсь *всѣ* наличные члены общества составляютъ въ данную минуту *фактически* власть для помощи нравственно-безсильному брату, съ которымъ ихъ связываетъ солидарность общей дѣятельности; всѣ они дѣйствуютъ относительно его, какъ онъ самъ былъ бы обязанъ дѣйствовать относительно каждаго изъ нихъ въ подобномъ случаѣ. Будущее общество не будетъ нуждаться въ спеціальной полиціи, охраняющей личную безопасность, потому что *всѣ* будутъ охранять ее.

Столь же мало, въ подобныхъ случаяхъ, можетъ понадобиться спеціальный судъ, если преступленіе не могло быть предупреждено. Если оно, дѣйствительно, совершено въ порывѣ непобѣдимой страсти и вызвало негодованіе общественнаго мнѣнія, которое есть и мнѣніе самого преступника въ трезвомъ состояніи, то онъ наказанъ и собственнымъ осужденіемъ и сознаніемъ, что его осудили всѣ окружающіе, съ которыми онъ связанъ тысячью разнообразныхъ нитей коопераціи. Надо думать, что въ огромномъ большинствѣ подобныхъ случаевъ — совершенно-исключительныхъ, какъ я уже говорилъ — эта кара будетъ на столько тяжела, что побудитъ преступника или *загладить* свой проступокъ всѣми силами, или даже выселиться изъ общества, въ которомъ извѣстенъ его проступокъ, чтобы продолжать свою дѣятельность въ другой мѣстности. Въ меньшинствѣ болѣе серьезныхъ случаевъ, при болѣе упорной натурѣ преступника, онъ можетъ подлежать приговору, не какихъ нибудь спеціальныхъ судовъ, но общихъ собраній тѣхъ самыхъ группъ, въ которыя онъ свободно вступилъ для общаго дѣла и для взаимнаго развитія. И тутъ *всѣ* — судьи того, съ кѣмъ они солидарны въ общежитіи; кооперація на общую пользу предполагаетъ взаимный контроль, который не во имя спеціальной власти, но естественно выростаетъ въ исключительномъ случаѣ и въ судъ всѣхъ надъ каждымъ. Общественное мнѣніе, присутствующее въ самой совѣсти преступника, давящее на него въ извѣстномъ ему негодованіи всѣхъ лицъ, ему близкихъ, наконецъ выражающееся въ коллективномъ приговорѣ всѣхъ тѣхъ, съ которымъ его связало общежитіе — вотъ единственный судъ, возможный въ солидарномъ обществѣ тружениковъ на общую пользу надъ братомъ, опьяненнымъ страстью. Для исполненія приговора не нужно никакой принудительной силы: самъ преступникъ исполнитъ его надъ собою, какъ бы онъ строгъ ни былъ.

То же самое оружіе общественнаго мнѣнія съ его подавляющимъ вліяніемъ должно служить и въ другихъ случаяхъ, наиболѣе трудныхъ изъ тѣхъ, которые приведены авторомъ брюссельской записки, какъ примѣры необходимости принудительной власти. Онъ говоритъ о работахъ, „которыя... вовсе не имѣли бы мѣста, будучи предоставлены частной инициативѣ“, которыя „вовсе не оплачивались бы (?) никѣмъ, если бы ихъ издержки (?) не оплачивались обществомъ“ и приводитъ въ примѣръ „ученыя изысканія“, „разсылку писемъ и газетъ въ мѣстности почти пустынныя“ и „нѣкоторыя работы, очень грубыя и непріятныя, которыя исполняются въ настоящее время людьми, принужденными своею бѣдностью исполнять ихъ“.

Я устраню немедленно мотивъ „оплаты“ работъ, такъ какъ онъ не можетъ имѣть мѣста въ будущемъ обществѣ по самому принципу общности имущества: плата, большая или малая, лишена всякаго значенія въ виду личности, которая и безъ того обезпечена въ своемъ существованіи и развитіи. Какимъ образомъ оплатить трудъ работника въ этомъ обществѣ? Онъ и безъ того нравственно обязанъ отдавать всѣ свои силы обществу, общество же и безъ того должно давать ему все необходимое изъ общаго имущества. Слѣдуетъ ли ему дать, въ этомъ случаѣ, кромѣ необходимаго, *избытокъ*? Но что онъ сдѣлаетъ со своимъ избыткомъ? Онъ не можетъ купить себѣ никакихъ добавочныхъ наслажденій. Или онъ будетъ предаваться праздности насчетъ другихъ? Но въ обществѣ, основанномъ на положительномъ экономическомъ началѣ всеобщаго труда, праздность вызываетъ всеобщее презрѣніе и негодованіе, не говоря уже о томъ, что онъ самъ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, привыкъ такъ на нее смотрѣть. Если бы даже ему захотѣлось полѣниться, то онъ также тщательно постарается побѣдить это влеченіе, какъ въ нынѣшнемъ свѣтскомъ обществѣ побѣждаютъ выраженіе скуки и зѣвоту, во имя „приличія“. Всякая форма оплаты труда по частямъ предполагаетъ частную собственность, покупныя наслажденія, неравенство долей въ участіи выгодами общежитія и трудъ, какъ зло, отъ котораго не уклоняются лишь по невозможности или по выгодамъ, имъ доставляемымъ. Но все это находится въ прямомъ противурѣчіи съ самыми основами рабочаго соціализма*)

Устраню также вопросъ объ ученыхъ изысканіяхъ. Наука представляетъ почву для самыхъ страстныхъ увлеченій мысли; по мѣрѣ обезпеченія личностямъ необходимаго, въ томъ числѣ и *необходимаго досуга*, можно ожидать весьма значительнаго увеличенія числа ея адептовъ, изъ которыхъ немногіе, конечно, бу-

*) См. вкратцѣ эти основы во „Впередъ“, №27, стр. 67: „Почва для соціальной революціи въ Россіи“.

дутъ замѣчательными *двигателями* науки, но огромно будетъ число ея *почитателей*, и почитателей несравненно лучше понимающихъ сущность ея задачъ, чѣмъ теперешніе „высоко-образованные“ люди; въ такомъ случаѣ всякій дѣйствительно-важный вопросъ науки не замедлитъ возбудить весьма обширное сочувствіе, а слѣдовательно и содѣйствіе (въ будущемъ обществѣ, надо надѣяться, повыведутся люди, *платонически*-сочувствующіе дѣлу); не только личности, но цѣлыя общины и федераціи общинъ вступятъ въ свободный союзъ для осуществленія ученаго изысканія; подъ руководствомъ избранныхъ союзомъ спеціалистовъ-ученыхъ будутъ начертаны планы нужныхъ инструментовъ и матеріаловъ для этихъ изысканій; спеціалисты-механики, принадлежащіе къ союзу, съ увлеченіемъ займутся выдѣлкою инструментовъ и обдумываніемъ ихъ улучшенія; другіе члены того же союза съ такою же готовностью будутъ участвовать въ отысканіи, выборѣ и доставкѣ матеріала; бюллетени о ходѣ работъ въ газетахъ встрѣтятъ столько же заинтересованныхъ читателей, сколько находятъ нынче скандальные анекдоты «Figaro»; они вызовутъ, въ случаѣ нужды, новыхъ членовъ для союза и новое содѣйствіе; когда работа приведетъ къ результату, хотя бы этотъ результатъ былъ чисто теоретическій и не имѣлъ никакого экономически-выгоднаго примѣненія въ данную минуту, всѣ участники союза будутъ видѣть въ немъ лестный для нихъ результатъ ихъ коллективнаго труда. — Въ этой картинѣ я не могу найти ничего утопическаго, невозможнаго, даже требующаго отъ человѣческой природы гораздо болѣе, чѣмъ она даетъ въ наше время. Оно-бы совершенно такъ могло быть и теперь вслѣдствіе привлекательности научныхъ занятій, *если-бы* борьба за существованіе и за обогащеніе давала теперь достаточно досуга людямъ, способнымъ полюбить научную истину; *если-бы* научное образованіе не играло такой непозволительно-жалкой роли въ современномъ обществѣ, особенно въ томъ классѣ его, для котораго существуетъ большинство „высшихъ“ школъ, и который такъ рѣшительно обзываетъ приверженцевъ рабочаго соціализма вандалами, собирающимися возвратить человѣчество къ варварскимъ формамъ цивилизаціи; *если-бы*, наконецъ, сами ученые не были, въ значительномъ числѣ, чиновниками и барышниками, и не конкуррировали-бы между собою какъ относительно droit de priorité (права перваго открытія), такъ относительно выгодныхъ обрывковъ государственнаго бюджета или относительно эксплуатаціи своихъ собственныхъ трудовъ преимущественно въ направленіи экономической выгодности. Такъ какъ всѣ эти отклоняющія силы будутъ подавлены въ будущемъ обществѣ, то можно спокойно утверждать, что никакихъ принудительныхъ распоряженій государственной власти не понадобится въ обществѣ, устроенномъ по началамъ рабочаго соціализма, для совершенія какихъ угодно

сложныхъ ученыхъ изысканій, лишь-бы эти изысканія касались *дѣйствительно-важнаго* вопроса науки. Мы уже теперь видимъ дорого-стоющія экспедиціи во внутренность Африки и раскопки въ Вавилонѣ, производимыя безо всякаго государственнаго содѣйствія, на частныя средства газетныхъ издателей, которые спекулируютъ на эти рекламы особаго рода. Нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, что въ будущемъ обществѣ, свободные союзы съ научною цѣлью, охватывая личности, общины и федераціи общинъ, будутъ совершать изысканія болѣе обширныя, чѣмъ тѣ, для которыхъ когда либо рѣшились бы министры-политики ввести крупную сумму въ государственный бюджетъ.

Серьезнѣе вопросъ о работахъ „неприятныхъ" по своей сущности (напр. вывозка нечистотъ) и о работахъ, съ одной стороны трудныхъ, а съ другой вовсе непривлекательныхъ для того, кто возьмется за ихъ исполненіе (напр. доставка корреспонденцій въ пустынныя мѣстности).

Можно надѣяться въ этихъ случаяхъ на развитіе альтруистическихъ влеченій, на самотверженіе въ пользу общества, выработанное и привычкою къ солидарному общежитію, и цѣлесообразнымъ воспитаніемъ. Я вовсе не отрицаю ни возможности, ни вѣроятности подобнаго вліянія, но, также какъ выше, не хочу вводить въ разсужденіе элементы, психологическіе законы которыхъ вовсе не изслѣдованы и реальное значеніе которыхъ можетъ быть въ настоящемъ положеніи науки лишь гадательно. Я предпочитаю ввести въ разсчетъ опять таки испытанный элементъ низшаго сорта, но дѣйствіе котораго засвидѣтельствовано исторіею.

Это все тотъ-же элементъ общепринятыхъ обычаевъ и рутины общежитія. Люди, знакомые, хотя бы только по книгамъ, съ образомъ жизни „сливокъ общества" въ послѣдніе два вѣка, могутъ припомнить сотни примѣровъ, гдѣ люди, вполнѣ обезпеченные и матеріально, и по своему общественному положенію, проводили день за днемъ въ произвольно-наложенныхъ на себя мученіяхъ неудобнаго костюма, душныхъ комнатъ, скучнѣйшихъ и безполезнѣйшихъ церемоній, даже прямо опасныхъ для здоровья и жизни дѣйствій, лишь бы исполнить *все*, что требовали общественныя приличія, и превзойти другъ друга въ точности исполненія этихъ требованій. Въ этомъ нелѣпомъ направленіи совершались геройскіе подвиги, подавлялись физическія и нравственныя страданія, приносилось въ жертву всякое личное влеченіе, приносилась въ жертву самая жизнь, и при этомъ, повторяю, самыми самоотверженными героями являлись люди во всѣхъ отношеніяхъ обезпеченные, не гнавшіеся ни за барышомъ, ни за политическимъ вліяніемъ, но совершавшіе свои подвиги въ продолженіе цѣлой жизни во имя *одного* идола — *одобренія* и *удивленія* со стороны того жалкаго кружка свѣтскихъ людей, съ которымъ они считали себя солидарными.

Можно ли надѣяться, что въ будущемъ обществѣ эта готовность на самомученіе въ виду общественнаго одобренія и удивленія будетъ играть достаточную роль, для того чтобы вызвать рядъ дѣйствій на общую пользу? Можно ли ожидать, что вліяніе общественнаго одобренія и удивленія въ этомъ случаѣ усилится, ослабѣетъ или поддержится на томъ же уровнѣ, какой мы видимъ въ настоящее время? и достаточенъ ли былъ бы нынѣшній *общій* уровень этого вліянія для того, чтобы, въ случаѣ сохраненія этаго уровня, оно могло вызвать въ обществѣ достаточное число личностей на добровольное обреченіе себя на „непріятныя" и „тяжелыя" работы?

Примѣры безусловнаго подчиненія обычаю, не смотря на самыя тяжелыя жертвы, имъ требуемыя, мы находимъ на низшихъ ступеняхъ культуры, тамъ, гдѣ обычай составляетъ единственное связующее начало общежитія. Затѣмъ, съ развитіемъ эгоистическихъ стремленій и борьбы родовъ и сословій за вліяніе въ обществѣ, за захватъ большей доли общественнаго имущества, мы находимъ, что обычай становится тѣмъ тираничнѣе въ данной группѣ, чѣмъ высшее положеніе она занимаетъ въ обществѣ, чѣмъ менѣе тяжела для нея борьба за существованіе, чѣмъ болѣе принятый въ этой группѣ обычай служитъ ей отличительнымъ признакомъ отъ низшихъ общественныхъ группъ, чѣмъ сильнѣе въ группѣ солидарность и чѣмъ важнѣе эта солидарность для поддержанія общественнаго вліянія группы. Другой мотивъ для самоотверженія въ пользу обычая есть мотивъ религіознаго фанатизма, въ случаѣ обычая, связаннаго съ сверхъестественнымъ вѣрованіемъ, но этотъ мотивъ, хотя и очень силенъ, за то и распространенъ гораздо менѣе, потому что условія мѣста и времени, при которыхъ религіозный фанатизмъ можетъ имѣть историческое вліяніе, встрѣчаются не очень часто. Въ народныхъ слояхъ, которые преимущественно несутъ на себѣ тяжесть борьбы за существованіе, и въ классахъ, представляющихъ главную почву *личной* борьбы за обогащеніе, при сильномъ развитіи индивидуализма и конкурренціи, при господствѣ борьбы противъ подавляющихъ привилегій и традиціонныхъ вліяній, обычай теряетъ свое господство, и вовсе не можетъ считаться сильнымъ орудіемъ для общественной дѣятельности. Онъ былъ могучъ въ родовой аристократіи, въ исключительныхъ придворныхъ кружкахъ добраго стараго времени; онъ былъ силенъ въ старой буржуазіи городскихъ патриціевъ, замкнутаго судебнаго сословія, въ старыхъ цехахъ и рабочихъ товариществахъ съ ихъ привилегіями, потому что всѣ эти группы вели коллективную борьбу между собою; члены ихъ крѣпко держались другъ друга, при чемъ каждая высшая группа находила въ обычаѣ символъ своего обособленія и своей солидарности. Вліяніе обычая ослабѣло прежде всего въ новой буржуазіи, которая потеряла свою солидарность какъ

сословія, развила въ своей средѣ безграничную личную конкурренцію, подняла знамя свободы и борьбы противъ высшихъ привилегированныхъ классовъ, объявила себя въ знаменитой фразѣ Сіеса „всѣмъ" и подорвала всякую общественную солидарность во имя безусловнаго эгоизма конкуррирующихъ собственниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ ослабѣло вліяніе обычая и въ рабочемъ классѣ, обратившемся въ рабочій пролетаріатъ, причемъ борьба за существованіе становится для него такъ тяжела, что значеніе „одобренія" и „удивленія" дѣлается для каждой личности въ ея средѣ все менѣе значительно. Остается небольшой слой „свѣтскаго общества", слой, въ наше время, заключающій людей, способныхъ жить въ свое удовольствіе, или прикидывающихся, что они могутъ жить такимъ образомъ. Лишь этотъ классъ остался въ значительной степени — хотя далеко менѣе прежняго — подчиненъ вліянію взаимнаго „одобренія" и „удивленія", обусловленнаго строгимъ, самоотверженнымъ, а въ иныхъ случаяхъ даже геройскимъ исполненіемъ того закона, который называется свѣтскими приличіями. Именно потому, что лишь богатство можетъ дать мѣсто въ этомъ кругу; потому, что лишь богатство доставляетъ значеніе въ современномъ обществѣ хищниковъ и эксплуататоровъ, а всѣ остальные признаки раздѣленія между группами исчезли — именно потому каждый членъ этаго круга сознательныхъ паразитовъ общества, гордящихся своимъ паразитизмомъ, старается доказать, хотя бы строгимъ соблюденіемъ законовъ свѣтскаго приличія, свою солидарность съ этимъ завѣтнымъ кругомъ, и готовъ геройствовать подъ тираніею этой фиктивной солидарности.

Отсюда совершенно ясно слѣдуетъ, что связующее начало общественнаго одобренія въ настоящее время стоитъ на крайне низкомъ уровнѣ: оно почти совершенно ничтожно для двухъ самыхъ многочисленныхъ классовъ — для рабочихъ и для большинства участниковъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ и въ бюрократическомъ государствѣ нашего времени; оно оказывается признакомъ нѣкоторой фиктивной солидарности лишь для самаго гнилого слоя нашего патологическаго общества. Если въ будущемъ обществѣ, построенномъ по основаніямъ рабочаго соціализма, нельзя было бы ожидать возвышенія уровня этого начала, то оно вовсе не могло бы быть принято въ разсчетъ при соображеніяхъ о будущемъ общественномъ строѣ, какъ начало вліятельное.

Но слабость этого начала въ настоящее время тѣсно связана съ отсутствіемъ солидарности между членами общества, отсутствіемъ, которое вызвано все усиливающеюся конкурренціею съ одной стороны, все увеличивающеюся трудностью существованія рабочаго большинства съ другой. Обезпеченіе всѣмъ и каждому всего необходимаго для существованія и для развитія устранитъ

одну изъ причинъ этой слабости. Устраненіе конкурренціи за обогащеніе, кооперативный трудъ во всѣхъ отрасляхъ и внесеніе начала коллективизма во всѣ привычки общежитія не могутъ не дѣйствовать прямо противуположно теперешнему порядку. Чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ входить въ привычки и въ общественное мнѣніе начало коллективизма, тѣмъ значительнѣе должно дѣлаться для большинства вліяніе общественнаго одобренія, и тѣмъ чаще будутъ выработываться въ обществѣ люди, которые изъ за этого одобренія совершенно искренно пойдутъ на всякую непріятную, тяжелую и опасную работу.

Если въ наше время борьбы за наживу является достаточное число лицъ, которыя, безо всякихъ научныхъ цѣлей, съ опасностью жизни и съ немалыми, совершенно непроизводительными расходами, лезутъ на вершину высочайшихъ горъ или, со страшными лишеніями, предпринимаютъ путешествія въ мѣстности пустынныя, или населенныя дикими племенами, изъ за того лишь, чтобы имъ удивлялись, какъ это они были тамъ, — то при окрашиваніи всѣхъ дѣйствій болѣе или менѣе ясно понятымъ принципомъ общей пользы, дѣйствія, вызывающія одобреніе, должны встрѣтить многочисленныхъ добровольныхъ исполнителей. Эти „охотники“ будутъ составлять точно такіе же свободные союзы для исполненія непріятныхъ, тяжелыхъ и опасныхъ работъ, безо всякаго вмѣшательства *принудительной* власти, какъ это должно имѣть мѣсто во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Конечно, это не есть еще вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе вопроса, такъ какъ вовсе не желательно, чтобы одни члены общества совершали, хотя бы добровольно, болѣе непріятныя, болѣе тяжелыя и болѣе опасныя работы, чѣмъ другіе; но надо надѣяться, что техника, до сихъ поръ преимущественно — если не исключительно — направляемая на *удешевленіе* производства, въ виду большей выгоды эксплуататоровъ, постарается, въ соціалистическомъ обществѣ всеобщаго труда, довести непріятности, трудности и опасности всякой работы до *минимума*. Можетъ быть, даже, она доведетъ этотъ минимумъ до такой незначительной величины, о которой мы теперь едва можемъ составить себѣ понятіе, но разсчитывать на подобные успѣхи было бы утопично и потому, ограничиваясь лишь испытанными способами дѣйствія страстей и влеченій, я устраняю соображеніе о гадательныхъ успѣхахъ будущей техники. При этомъ ограниченіи все таки можно утвердительно сказать, что усиленіе въ будущемъ обществѣ начала солидарности должно повлечь за собою настолько усиленіе вліянія общественнаго мнѣнія, общественнаго одобренія и порицанія въ средѣ мѣстныхъ и свободныхъ союзовъ, охватывающихъ всѣ отрасли дѣятельности личности, что можно съ увѣренностью разсчитывать на это вліяніе, какъ на силу, подавляющую порывы страсти, порицаемые общественнымъ мнѣніемъ, и какъ на силу,

вызывающую многочисленныя дѣйствія и даже подвиги во имя одного общественнаго одобренія. Спеціальная принудительная власть и здѣсь оказывается излишнею.

Мнѣ остается еще упомянуть о тѣхъ родахъ общественной службы, которые, будто бы по самой своей „сущности... составляютъ монополію" и, слѣдовательно, ставятъ группы лицъ, которымъ общество предоставило бы отправленіе этихъ службъ, „въ привилегированное положеніе, благопріятное для спекуляціи и эксплуатаціи общества", и о тѣхъ „работахъ, которыя требуютъ.... комбинированныхъ усилій большаго числа рабочихъ", и „нуждаются по этому въ одномъ высшемъ руководствѣ, которое" будто бы „можетъ быть отдано лишь въ руки общественной администраціи."

Какъ примѣръ общественной службы, которая была бы монополіей въ рукахъ частнаго общества, авторъ брюссельской записки приводитъ (стр. 13) желѣзныя дороги и копи. Посмотримъ внимательнѣе, могла ли бы, при отсутствіи частной собственности, возникнуть монополія въ подобныхъ случаяхъ, и можно-ли себѣ представить въ общихъ чертахъ постройку и эксплуатацію желѣзной дороги или разработку каменноугольной копи вполнѣ свободнымъ союзомъ безо всякой опасности для общества, конечно такого, которое основано на всеобщемъ трудѣ и въ своемъ строѣ осуществляетъ въ достаточной степени начала кооперація.

Само собою разумѣется, что здѣсь вполнѣ *точнаго* разбора дать невозможно, потому что будущее общество представитъ формы общежитія весьма отличныя отъ нынѣшнихъ и обусловленныя новыми общественными отношеніями, какъ всегда значительныя измѣненія въ условіяхъ жизни выражались весьма замѣтными измѣненіями въ формахъ общежитія.

Однимъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ этому можетъ служить въ прошедшемъ измѣненіе формъ городской и сельской жизни. Для западной Европы, напримѣръ, доказано, что общинное сельское хозяйство было въ началѣ общимъ типомъ общественной жизни. Изъ него развилась, съ одной стороны, усадебная жизнь, съ другой — городская; потомъ общинное хозяйство разрушилось почти безъ слѣда; наконецъ, въ самое послѣднее время, подъ вліяніемъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, государственной централизаціи и обширныхъ фабричныхъ производствъ, получаютъ громадное развитіе немногіе большіе города, а большинство малыхъ начинаетъ атрофироваться, точно также какъ сельская жизнь представляетъ не мелкіе самостоятельные центры, а, преимущественно, простое разселеніе сельскаго рабочаго класса и промышленниковъ, удовлетворяющихъ его простѣйшимъ потребностямъ. Въ Россіи противуположеніе городовъ селамъ никогда не было значительно; города, развившіеся (въ вѣчевой періодъ) въ довольно значительные центры земской жизни, были раздав-

лены политическою централизаціею столицъ, затѣмъ стали атрофироваться, и хотя въ самое послѣднее время, какъ будто, начинается—въ довольно жалкихъ формахъ, впрочемъ—возрожденіе мелкихъ городскихъ центровъ, тѣмъ не менѣе Россія представляетъ въ настоящую минуту, во первыхъ, многочисленные общинные сельскіе центры населенія, имѣющіе свои начала солидарности, во вторыхъ, менѣе полудюжины крупныхъ административныхъ центровъ, обусловливающихъ государственное единство страны, и, между этими двумя главными формами общежитія, усадьбы разбросанныхъ и *ничѣмъ* не связанныхъ другъ съ другомъ представителей частной поземельной собственности, далѣе жалкіе пункты мѣстныхъ рынковъ и мѣстной администраціи, называющіеся городами, но не имѣющіе никакой жизненности, наконецъ развивающіеся фабричные центры, довольно сходіе съ тѣмъ, что мы находимъ на западной Европѣ. Въ азіатскихъ странахъ измѣненіе формъ общежитія было опять иное, вслѣдствіе иныхъ фазисовъ политической и общественной исторіи. Конечно, и общество, долженствующее осуществить начала рабочаго соціализма, представитъ новыя формы общежитія, тѣмъ болѣе отличныя отъ настоящихъ и прошедшихъ формъ, чѣмъ рѣзче задачи всеобщаго кооперативнаго труда, охватывающаго населеніе, одинаково обезпеченное во всѣхъ своихъ группахъ, отличаются отъ современной экономической конкурренціи, все болѣе централизующей экономическія силы въ большихъ промышленныхъ предпріятіяхъ и на биржѣ, и отодвигающей все бóльшее число лицъ въ ряды вѣчно трудящагося, но нисколько не обезпеченнаго пролетаріата. Надо полагать, что нынѣшнее стремленіе населенія накопляться въ большихъ центрахъ замѣнится болѣе равномѣрнымъ разселеніемъ его, и что новый способъ разселенія вызоветъ типъ земской общины, отличающейся и отъ нынѣшняго небольшаго города, и отъ нынѣшней западной деревни, и отъ русскаго села; но каковъ будетъ этотъ типъ — сказать весьма трудно, а одинъ этотъ пунктъ — далеко не единственный — представляетъ весьма значительное затрудненіе точному обсужденію пріемовъ коопераціи для дѣла, требующаго значительнаго числа лицъ, или распространяющагося на значительное пространство.

Для упрощенія разсужденія въ этомъ случаѣ, я предположу разселеніе въ небольшихъ общинахъ, не особенно далеко отстоящихъ одна отъ другой и представляющихъ повсемѣстно удобные способы сообщенія. Но здѣсь, какъ и во всемъ послѣдующемъ, я вовсе не имѣю въ виду начертить картину, которая должна осуществиться, а укажу лишь, въ общихъ чертахъ, возможность вполнѣ свободной коопераціи силъ для общеполезнаго дѣла, безъ всякой опасности для населенія въ отношеніи возникновенія „монополіи“, „спекуляціи“ или „эксплуатаціи общества“.

Положимъ 100 общинъ, расположенныхъ въ данной мѣстности,

употребляли для топки частью каменный уголь, доставляемый съ довольно-дальняго разстоянія, частью дрова и торфъ, при чемъ поддерживались рощи для дровяного лѣса; опредѣленное пространство торфяниковъ назначалось для добыванія торфа; наконецъ, на перевозку всего нужнаго топлива, на расчистку и содержаніе рощъ для рубки дровъ, на самую рубку ихъ, на работу въ торфяникахъ употреблялось опредѣленное число часовъ работы всѣми, кто принималъ участіе въ этой работѣ. Въ собраніи одного геологическаго общества одинъ членъ читаетъ записку о томъ, что но такимъ-то и такимъ-то соображеніямъ, въ мѣстности довольно-центральной для этихъ ста общинъ, долженъ находиться каменный уголь хорошаго качества. Къ этому мнѣнію пристаютъ многіе изъ геологовъ и въ газетахъ всѣхъ ста общинъ эти мнѣнія передаются съ подробностями и съ комментаріями. Такъ какъ общая степень развитія даетъ полную возможность всему взрослому населенію заинтересованныхъ общинъ *понимать* аргументацію ученыхъ — хотя не многіе были бы способны, не будучи спеціалистами, самостоятельно продумать эти аргументы — то вопросъ становится вопросомъ дня. Статистическія общества мѣстности немедленно даютъ приблизительное вычисленіе, сколько часовъ работы было бы выиграно, если бы каменный уголь добывался на мѣстѣ. Въ разныхъ спеціальныхъ обществахъ составляются и подвергаются обсужденію на собраніяхъ и въ газетахъ проекты относительно того, что̀ можно было бы сдѣлать изъ пространствъ, занятыхъ торфяниками, и изъ рощъ, назначаемыхъ для дровъ. Если выигрышъ во времени очевиденъ, и то-же самое количество человѣческаго труда оказывается въ состояніи не только доставить нужное топливо для разсматриваемой мѣстности, но еще дать другой добавочный результатъ, то общественное мнѣніе начинаетъ вліять рѣшительно въ пользу приступа къ работѣ. Между тѣмъ чисто-научный интересъ, возбужденный въ разныхъ геологическихъ обществахъ, вызываетъ вербовку членовъ этихъ обществъ, для того чтобы на опытѣ рѣшить вопросъ, точно ли правы геологи, предполагающіе въ этой мѣстности большой слой угля хорошаго качества. Составляется небольшой свободный союзъ изслѣдователей, который выбираетъ руководителя развѣдочныхъ работъ, распредѣляетъ между членами трудъ изготовленія нужныхъ инструментовъ, развѣдочныя работы, разсчитывая при этомъ на подвижныя паровыя машины, находящіяся на мѣстѣ, на сочувствіе и на содѣйствіе заинтересованнаго населенія. Члены этого союза собираются въ данную мѣстность, вступаютъ по другимъ своимъ спеціальностямъ (столяровъ, портныхъ, медиковъ, лингвистовъ, педагоговъ и т. под.) въ соотвѣтственные мѣстные союзы, и употребляютъ опредѣленную часть времени на изслѣдованіе. Оно идетъ тѣмъ скорѣе, что населеніе мѣстности, возбужденное разсужденіями газетъ, вычисленіями

статистиковъ, спорами прожектеровъ, даетъ множество рукъ для ускоренія изслѣдованія. Результатъ полученъ удовлетворительный; каменный уголь найденъ въ достаточномъ количествѣ и хорошаго качества.

Подъ вліяніемъ всеобщаго интереса составляется немедленно свободный союзъ для разработки найденнаго каменноугольнаго слоя. Выбирается временный комитетъ для составленія плана и смѣты работъ. Составляется подробный разсчетъ, какія именно общины и въ какомъ количествѣ найдутъ выгоднымъ (т. е. при меньшемъ количествѣ труда и времени на доставку) получать топливо изъ новыхъ копей. Комитетъ общества разработки входитъ въ сношенія съ собраніями общинъ и заручается ихъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ опредѣляется количество угля, которое должно быть добываемо ежегодно изъ новой копи и количество часовъ работы углекоповъ, возчиковъ, механиковъ, сортировщиковъ, конторщиковъ, распорядителей, нужное для дѣла. Комитетъ публикуетъ разсчетъ и приглашаетъ всѣхъ желающихъ записываться членами въ общество для разработки. Общество приступаетъ къ работамъ лишь тогда, когда по всѣмъ спеціальностямъ нашлось довольно охотниковъ. При возбужденіи общественнаго мнѣнія едва ли въ этомъ встрѣтится затрудненіе. Полное собраніе членовъ выбираетъ постоянный комитетъ управленія копями и ихъ разработкою, иногда приглашаетъ въ него человѣка, незаписавшагося членомъ, потому что онъ отвлеченъ другими работами, но спеціальнымъ знаніямъ котораго особенно довѣряютъ. Ему не предлагаютъ какихъ либо особыхъ выгодъ, потому что такихъ выгодъ быть не можетъ, но давленіе общественнаго мнѣнія можетъ его заставить отказаться отъ какого либо другого дѣла и вступить въ комитетъ управленія новыми копями. Каждая спеціальная группа работниковъ выбираетъ точно также своего надсмотрщика за работами или даже приглашаетъ со стороны. Ходъ работъ подвергается общему обсужденію на собраніяхъ общества и члены комитетовъ, надсмотрщики смѣняются въ случаѣ надобности.

Должно помнить, что при этомъ не существуетъ ни обремененія работою, ни рѣзкаго различія мышечной и мозговой работы, ни какой либо матеріальной выгоды для лица, избраннаго на ту или другую должность. Положимъ, требуется работа 200 углекоповъ по 8 часовъ въ сутки: комплектъ членовъ-углекоповъ будетъ 800 въ минимумѣ, чтобы каждый работалъ въ копяхъ по два часа каждый день, или, если ихъ болѣе 800, даже не каждый день. Всѣ личности безъ исключенія, внѣ ранняго дѣтства и старческой дряхлости, участвуютъ въ союзахъ, какъ для мышечной, такъ и для мозговой работы. Гигіенисты указываютъ нормальное отношеніе мышечной работы къ мозговой по возрасту и по личнымъ особенностямъ каждаго. Общественное мнѣніе

препятствуетъ личности — вполнѣ свободной — отклониться значительно отъ этаго указанія. Положимъ, въ общество разработки копей вступитъ членъ, который принялъ для себя слѣдующее нормальное распредѣленіе занятій: 5 часовъ мышечной и 7 часовъ мозговой работы въ сутки. Онъ — членъ общества поддержки и ремонта плотинъ и каналовъ, которому даетъ по два часа ежедневно, членъ общества изготовленія оптическихъ инструментовъ (то же 2 часа), членъ общества содержанія улицъ данной общины въ чистотѣ (1 часъ ежедневно), членъ статистическаго бюро, общества переводчиковъ и работъ по высшей математикѣ, на что употребляетъ, вмѣстѣ, 7 часовъ, при чемъ, смотря по личнымъ особенностямъ, или мѣняетъ работу по днямъ, или ежедневно переходитъ отъ одной работы къ другой. Онъ вступаетъ въ общество разработки копей углекопомъ, отдавая черезъ день на это два часа, а въ обществѣ поддержки плотинъ и каналовъ заявляетъ, что будетъ работать тамъ черезъ день. Ни для него, ни для общества ничего не измѣнилось: онъ по прежнему отдаетъ *все* свое время на дѣло, оставаясь вполнѣ свободнымъ въ выборѣ занятій. Онъ простой углекопъ въ обществѣ разработки копей; онъ, можетъ быть, одинъ изъ руководителей работъ по изготовленію оптическихъ инструментовъ, можетъ быть — президентъ союза математиковъ-открывателей для цѣлой страны. Точно также избранный или даже приглашенный предсѣдатель комитета управленія копями и ихъ разработки, можетъ быть, одинъ изъ многочисленныхъ членовъ въ союзѣ сапожниковъ, одинъ изъ исполнителей чужихъ работъ въ союзѣ химиковъ, работаетъ рядомъ съ углекопомъ по содержанію улицъ въ чистотѣ, и замѣчателенъ только въ союзѣ горныхъ техниковъ, гдѣ былъ постоянно избираемъ для руководства трудными работами. И тотъ, и другой отдаетъ обществу всѣ свои силы. И тотъ, и другой получаетъ отъ общества лишь все необходимое для своего существованія и развитія.

Спрашивается, какимъ образомъ этотъ *вполнѣ свободный* союзъ для разработки угольной копи можетъ сдѣлаться „монополіею“? какія тутъ могутъ быть „спекуляціи“? или какъ комитетъ союза можетъ „эксплуатировать“ общество?

Конкуррировать союзу не съ кѣмъ и не для чего. Количество угля, нужное ежегодно, заранѣе опредѣлено; потребители извѣстны; отъ возрастанія или отъ убыванія количества добываемаго угля нѣтъ ни малѣйшей выгоды ни кому изъ членовъ комитета. При малѣйшемъ неудовольствіи или рабочихъ членовъ союза, или потребителей, всякое должностное лицо можетъ быть смѣнено. Предсѣдательствуя въ комитетѣ управленія копями, руководитель работъ не измѣняетъ ни на волосъ своего положенія во всѣхъ другихъ обществахъ, въ которыхъ онъ участвуетъ. Онъ можетъ лишь спекулировать на бо̀льшее одобреніе и уваженіе общества

за хорошее веденіе работъ, за безопасность и удобство рабочихъ и т. под. Но это едва ли опасная спекуляція.

Общество разработки дѣйствительно имѣетъ въ своемъ исключительномъ и безконтрольномъ владѣніи разработываемыя копи, но это не монополія, потому что ни кто у него не оспариваетъ эту работу, да и оспаривать не къ чему. Всякій, кому угодно, можетъ приступить къ обществу, и это выгодно для общества, такъ какъ всякая новая сила позволяетъ уменьшить работу другихъ лицъ, которыя употребятъ свой досугъ на другой общеполезный трудъ. Всякій членъ можетъ быть выбранъ на общемъ собраніи въ комитетъ управленія, можетъ быть даже выбранъ главнымъ руководителемъ работъ, если онъ придумалъ лучшую систему веденія этихъ работъ. При этомъ онъ можетъ выиграть опять таки только одобреніе, уваженіе, извѣстность и ничего болѣе.

Но общество — скажутъ мнѣ — можетъ захотѣть пріобрѣсти власть надъ сотней общинъ, которымъ оно *исключительно* доставляетъ топливо. Оно можетъ запереть свои склады и, подъ страхомъ остановки всѣхъ работъ, на которыя нужно топливо, принудить принять свои условія. — Это, очевидно, невозможно. Во первыхъ потому, что каждый членъ общества есть въ то же время членъ самыхъ разнообразныхъ союзовъ, изъ которыхъ онъ будетъ исключенъ за подобное дѣйствіе; во вторыхъ потому, что общество разработки не имѣетъ ни своего дома, ни своей пищи и будетъ выморено голодомъ прежде чѣмъ общины почувствуютъ недостатокъ въ топливѣ; въ третьихъ потому, что топливо было бы очень скоро подвезено изъ окрестныхъ мѣстностей съ небольшимъ увеличеніемъ труда для перевозки и размѣровъ разработки; въ четвертыхъ — и это главное — потому, что подобная мысль даже не можетъ возникнуть въ обществѣ, состоящемъ изъ людей, выросшихъ подъ вліяніемъ идеи общественной солидарности въ воспитаніи, въ обычаѣ, въ литературѣ, въ наукѣ, въ философіи.

Но для общаго руководства обширными работами нужна, говорятъ, власть, которая придавала бы имъ единство и цѣльность; которой подчинялись бы всѣ участники.—Эта власть существуетъ, но она — власть избранная тѣми самыми лицами, которые ей подчиняются; она — власть существующая лишь до той минуты, до которой ее считаютъ нужною для самаго дѣла; она рѣшительно не имѣетъ никакого значенія внѣ этаго дѣла. Слѣдовательно, въ ней нѣтъ слѣда государственного начала, нѣтъ слѣда *управленія* (недобровольнаго) *человѣка человѣкомъ*. Каждый членъ общества можетъ каждую минуту оставить копи, но пока онъ участвуетъ въ ихъ разработкѣ, онъ нравственно обязанъ безусловно подчиняться свободно-избраннымъ руководителямъ работъ. Общественное мнѣніе тяжело обрушилось бы на него и въ томъ случаѣ,

если бы онъ легкомысленно бросилъ работу на себя взятую, и если бы вздумалъ неподчиняться руководству лицъ, поставленныхъ въ управленіе работами тѣмъ самымъ союзомъ, къ которому онъ добровольно приступилъ.

Мнѣ кажется, что при подобномъ устройствѣ — а въ будущемъ устройство можетъ быть придумано несравненно совершеннѣе, чѣмъ мы въ состояніи вообразить его теперь — никакой „монополіи“ или „эксплуатаціи“ быть не можетъ и вмѣшательство какой либо государственной или общинной власти совершенно излишне.

Едва ли нужно входить въ подробности для поясненія, что и управленіе желѣзною дорогою, пролегающею на довольно-значительное разстояніе, не будетъ нуждаться ни въ какомъ правительственномъ руководствѣ, ни въ какой сдерживающей или направляющей государственной власти. Весьма легко представить себѣ это управленіе, какъ обширный союзъ личностей, состоящій частью изъ мѣстныхъ секцій (на каждой станціи), частью изъ болѣе спеціальныхъ союзовъ (телеграфистовъ, стрѣлочниковъ, сторожей, кондукторовъ и т. под.), при чемъ каждая мѣстная секція входитъ въ составъ мѣстнаго общиннаго цѣлаго, каждый спеціальный союзъ — въ составъ болѣе обширнаго союза рабочихъ той же спеціальности, и ни одинъ членъ, находящійся при эксплуатаціи дороги, не принадлежитъ ей *совсѣмъ*, но въ разнообразныхъ отрасляхъ другихъ своихъ занятій входитъ въ составъ такого же числа общественныхъ группъ, занятія которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ желѣзной дорогой. Эти многочисленныя нити, связывающія человѣка съ обществомъ, и существенно важныя для личнаго развитія человѣка, для расширенія его мысли и его способностей, составятъ и одно изъ важнѣйшихъ ручательствъ въ томъ, что ни одинъ человѣкъ не будетъ имѣть возможности на какой нибудь отдѣльной отрасли дѣятельности попытаться противупоставить свой личный интересъ интересу общему. При всякой подобной попыткѣ ему пришлось бы разорвать столько связей важныхъ для его жизни, что самый обыкновенный разсчетъ побудитъ его воздержаться отъ этого, если нравственное убѣжденіе окажется, въ разсматриваемомъ случаѣ, безсильнымъ. Затѣмъ, всякій элементъ монопольнаго хозяйства, эксплуатаціи желѣзной дороги въ пользу группы, которая взялась за ея управленіе, исчезнетъ вслѣдствіе того, что никакой особенной выгоды не можетъ доставить положеніе участника въ главномъ совѣтѣ управленія дорогою, такъ какъ выгоды жизненнаго положенія для всѣхъ одинаковы, а выдѣлять какое либо имущество въ свою исключительную выгоду не для чего, при отсутствіи всѣхъ формъ частной собственности, а слѣдовательно, всякаго покупнаго наслажденія.

Такимъ образомъ, я позволю себѣ заключить, что *обѣ* формулы,

заключающіяся въ боевомъ крикѣ рабочаго соціализма (стр. 50) *одинаково достижимы*; что общежитіе, устроенное по началамъ рабочаго соціализма, *можетъ* устранить *управленіе человѣка человѣкомъ*; что оно *можетъ* обойтись безъ спеціальной полиціи, спеціальнаго суда, спеціальной администраціи, охватывающей разнообразныя отрасли общественной жизни и тѣмъ обусловливающей образованіе нѣкоторой территоріальной единицы, которая противуполагалась бы другимъ подобнымъ же единицамъ и слѣдовательно — въ нѣкоторой степени конкуррировала бы съ ними. *Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ*, когда это общество вполнѣ проникнется началами рабочаго соціализма, можетъ не только дойти до извѣстнаго минимума, но *можетъ и совершенно исчезнуть*. Вовсе не будетъ существовать какой либо — меньшей и бо́льшей — доли общества, которая была бы поставлена въ возможность, при *каждомъ* случаѣ, навязать свою волю остальной долѣ общества, слѣдовательно — не будетъ класса управляющаго и класса управляемаго. Всѣ *существенныя* потребности личныя и общественныя, которымъ удовлетворяла въ разныя эпохи государственная власть, будутъ удовлетворены инымъ путемъ, а *временная* потребность въ государственной власти, неоспоримая въ давноминувшіе періоды, окажется несуществующею для общества, устроеннаго по началамъ рабочаго соціализма. Власть будетъ существовать въ обществѣ, какъ форма руководства всякой коллективной дѣятельности, но эта власть, которую неизбѣжно будутъ „употреблять“, не будетъ вовсе нуждаться въ томъ, чтобы съ нея „сбивали каску“, или чтобъ стремились ей придать „человѣчный видъ“. Она *не будетъ имѣть возможности* принять „безчеловѣчной формы“, такъ какъ не будетъ ни одного человѣка , который былъ бы *властью* во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни; самая крупная личность будетъ участвовать лишь въ нѣкоторыхъ формахъ власти и въ столь же значительной долѣ отраслей общественной жизни будетъ занимать подчиненныя должности. Для *каждаго* спеціальнаго дѣла будетъ существовать своя выборная власть, руководящая дѣломъ довольно неограниченно, однако подъ строгимъ контролемъ общественнаго мнѣнія, но при разнообразіи общественной жизни, такихъ разнообразныхъ властей будетъ весьма много и потому именно ни одна изъ нихъ не будетъ имѣть возможности унаслѣдовать функціи теперешней государственной власти.

Представимъ себѣ разнообразно - развитыя личности, сознающія, что ихъ существованіе, развитіе, — а, слѣдовательно, *все*, для нихъ необходимое, *все*, доставляющее имъ наслажденіе, — вполнѣ зависитъ отъ коллективной дѣятельности общества, въ которое эти личности входятъ элементами. Представимъ себѣ, съ другой стороны, человѣчество (или значительную долю его) связанное принципомъ всеобщей солидарности и какъ единствен-

наго коллективнаго собственника всѣхъ богатствъ земнаго шара (или значительной доли его). Представимъ себѣ, что эти личности, составляющія человѣчество, унаслѣдовали усвоенное и развитое нѣсколькими поколѣніями сознаніе истины, что *при отсутствіи монополіи*, благополучіе каждаго въ отдѣльности неразрывно связано съ увеличеніемъ благополучія коллективнаго цѣлаго, и, что, для содѣйствія этому послѣднему, — а, слѣдовательно, и собственному благополучію — *единственное* средство, это — отдавать всѣ свои силы на общее дѣло. Представимъ себѣ множество мѣстныхъ общинныхъ союзовъ, разселенныя въ которыхъ личности связаны между собою кооперативнымъ трудомъ, а самыя общины между собою — взаимнымъ содѣйствіемъ. Представимъ рядъ временныхъ или постоянныхъ свободныхъ союзовъ для опредѣленнаго дѣла, связывающихъ изъ за общей цѣли людей, живущихъ въ различныхъ общинахъ, иногда въ разныхъ частяхъ свѣта. Представимъ себѣ, вслѣдствіе этого, общежитіе, которое неизбѣжно втягиваетъ всякую личность въ продолженіе всей ея жизни въ кооперацію со множествомъ разнообразныхъ лицъ, сплетаетъ наслажденія и страданія каждой личности съ наслажденіями и страданіями множества другихъ людей, а тѣмъ самымъ ставитъ каждаго человѣка подъ вліяніе общественнаго мнѣнія въ такой сильной степени, до которой никогда не достигали тѣ группы, гдѣ, въ минувшіе періоды, это мнѣніе проявляло свое наибольшее дѣйствіе. Представимъ себѣ воспитаніе, развивающее *каждаго*, сообразно его личнымъ наклонностямъ, въ направленіи необходимости и обязательности коллективизма, и при этомъ воспитаніе, правила котораго не парализуются прямо-противуположными *правилами житейской ловкости*, какъ въ настоящее время. Представимъ себѣ литературу, искусство, ежедневныя сходки въ часы отдыха — воспитывающія взрослыхъ въ томъ же направленіи.—Какое тутъ мѣсто остается принудительной власти, всегда уступающей въ силѣ вліянію общественнаго мнѣнія, отъ котораго, при этой формѣ общежитія, никто никогда не укроется? Какая помѣха отдать всякую общественную работу, всякую „общественную службу", отъ самой мелкой до самой обширной, въ руки свободныхъ союзовъ, которые будутъ неизбѣжно находиться подъ внимательнымъ контролемъ *всѣхъ*?

И не слѣдуетъ думать, что общество, достигнувъ подобнаго строя, достигло до предѣла человѣческаго развитія, что человѣку при этомъ не представляются весьма трудныя задачи въ области физической, біологической, соціологической техники.

Въ настоящее время едва ли не такъ же трудно составить ясное представленіе о практическихъ и теоретическихъ задачахъ будущаго періода, какъ математикамъ XVI-го вѣка трудно было представить себѣ задачи интегральнаго исчисленія, какъ химикамъ до Лавуазье трудно было предвидѣть задачи современной

химии, какъ средневѣковымъ ростовщикамъ трудно было уяснить себѣ процессъ нынѣшнихъ биржевыхъ оборотовъ и спекуляцій. Тѣмъ не менѣе можно сказать, что нѣкоторые вопросы, теперь уже поставленные или предвидѣнные, должны найти свое рѣшеніе или вызвать теоретическія и практическія изслѣдованія въ обществѣ, которое будетъ избавлено рабочимъ соціализмомъ отъ многихъ подавляющихъ заботъ нашего времени.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ вопросъ гигіены и медицины. Лишь на почвѣ *здороваго* общежитія можетъ развиться общежитіе *безопасное, экономически-обезпеченное, справедливое.* Задача рабочаго соціализма *не можетъ* быть исполнена прежде, чѣмъ гигіеническія условія общественной жизни не будутъ въ значительной степени измѣнены. А это — весьма обширное требованіе. Это — систематическая перестройка всѣхъ жилищъ, которыя для огромнаго большинства составляютъ именно источникъ заболѣваній. Это — оздоровленіе обширныхъ мѣстностей. Это — обширные успѣхи техники въ направленіи къ устраненію нездоровыхъ, тяжелыхъ и непріятныхъ пріемовъ работы. И только тогда, когда гигіеническія условія для всего человѣчества (или для всей той доли его, которая войдетъ въ систему общежитія рабочаго соціализма) сдѣлаются удовлетворительными, — когда всѣ патологическія явленія, унаслѣдованныя живущими поколѣніями, вслѣдствіе гибельныхъ гигіеническихъ условій жизни отцовъ и дѣдовъ, будутъ доведены до минимума, — лишь тогда медицина будетъ надлежащимъ образомъ поставлена лицомъ къ лицу со своими *настоящими* вопросами: съ борьбою противъ болѣзней, возникающихъ независимо отъ обычно-вредныхъ гигіеническихъ условій, со средствами продлить жизнь, сократить періодъ дряхлости, облегчить физіологически-необходимые, но тѣмъ не менѣе болѣзненные процессы (прорѣзки зубовъ, беременности и родовъ, смерти).

Съ вопросами гигіены связаны самые трудные вопросы борьбы съ вредными климатическими вліяніями, а предъ будущимъ обществомъ уже теперь ученые соціалисты (Де Папъ, въ своемъ «Cours d'économie sociale» *) послѣ Гердера, Вольфа, Шварца и Фурье) ставятъ не только мелкія техническія задачи современной фабричной и сельско-хозяйственной техники, но великую задачу „измѣненія температуры и климата“ странъ.

Если эти задачи могутъ казаться слишкомъ отдаленными или даже утопическими, то едва ли кто усомнится въ настоятельности задачъ, которыя можно предвидѣть въ области соціологіи для общества, построеннаго на началахъ рабочаго соціализма. Я ограничусь лишь двумя. Это, во первыхъ, — созданіе системы

*) См. брюссельскій журналъ «L'Économie sociale» 19 февр. 1876 г. стр. 61.

воспитанія, которая вырабатывала-бы физически-крѣпкихъ, умственно-могучихъ и нравственно-твердыхъ людей для самаго разнообразнаго труда, не штампуя по однообразному шаблону тысячи посредственностей — какъ думаютъ, или прикидываются, будто думаютъ, нѣкоторые нелѣпые возражатели соціализму — но развивая всѣ обособляющія наклонности и способности личностей въ ихъ спеціальностяхъ, на общей почвѣ равной для всѣхъ образованности. Это, во вторыхъ, охраненіе самостоятельности личнаго характера подъ громаднымъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое, какъ указано выше, должно замѣнить и можетъ замѣнить, самыя разнообразныя современныя учрежденія, назначаемыя для охраненія безопасности личностя, для контроля ее страстныхъ увлеченій, для направленія ея силъ на общую пользу, и въ тѣхъ случаяхъ, когда это направленіе не можетъ быть, само по себѣ, пріятно личности. Бесспорно, что присутствіе подобной подавляющей силы можетъ быть опасно для правильнаго умственнаго и нравственнаго развитія личности, и чѣмъ важнѣе будетъ для общественнаго порядка именно эта сила, тѣмъ сложнѣе сдѣлается вопросъ объ охраненіи отъ нея самостоятельности личности. Если и найдутся въ самомъ развитіи строя будущаго общества нѣкоторыя силы, охраняющія личность отъ этой опасности (я сей часъ скажу объ одной изъ нихъ), то тѣмъ не менѣе эта опасность достаточно серьезна, чтобы потребовать отъ будущаго общества обдуманныхъ пріемовъ соціологической техники, и устраненіе ея можетъ быть лишь результатомъ упорнаго умственнаго и техническаго труда. Я вовсе еще не коснулся другихъ соціологическихъ вопросовъ будущаго, которые— какъ напр. приспособленіе личныхъ привязанностей и антипатій къ формамъ разнообразной кооперація — могутъ тоже представить немалыя трудности.

Но всѣ эти вопросы, на сколько можно теперь представить себѣ ихъ будущую постановку, и при своемъ теоретическомъ обсужденіи и при своихъ практическихъ рѣшеніяхъ едва ли могутъ вызвать необходимость какого либо спеціальнаго органа принудительной власти и потребовать чего либо, похожаго на нынѣшнія государственныя силы. Явятся новыя *временныя* потребности и создадутъ для себя новые *временные* органы въ общественномъ строѣ, но въ ихъ числѣ не найдетъ себѣ мѣста старая политическая сила, которая объединяла и противуполагала территоріи и ихъ населенія, отдѣляла господствующіе классы отъ ихъ подданныхъ.

Конечно, нельзя надѣяться, чтобы общество очень скоро дошло до того состоянія, когда воспитаніе, общественныя привычки и общественное мнѣніе будутъ достаточны для всѣхъ тѣхъ цѣлей, о которыхъ я говорилъ въ этой главѣ. Лишь мало по малу афекты и страсти перестанутъ вызывать безобразные поступки;

лишь через нѣсколько поколѣній перестанутъ быть обычными въ соціалистическомъ обществѣ явленія *переживанія* привычекъ личности, монополизаціи, эксплуатаціи другихъ въ виду эгоистической выгоды, вслѣдствіе непониманія истины, что, при строѣ, отрицающемъ частную собственность, эгоистическая выгода не существуетъ въ противуположеніи съ выгодою общею. Даже въ позднѣйшіе періоды, эти старыя болѣзни будутъ проявляться отъ времени до времени, какъ шестипалая рука или косой глазъ предка порою проявляется у потомка. Онѣ будутъ еще обычнѣе въ первые періоды жизни соціалистическаго общества послѣ полной побѣды его надъ врагами. Подавленіе подобныхъ явленій, и притомъ, почти неизбѣжно, подавленіе *насильственное*, будетъ вызвано необходимостью. Я уже говорилъ, что эта функція нынѣшней полиціи и нынѣшняго суда не должна создать спеціальныхъ органовъ государственной власти, но должна лежать на обязанности личностей и свободныхъ группъ, къ которымъ принадлежитъ преступникъ противъ солидарности общества (стр. 62 и слѣд.). Мнѣ кажется, что именно въ этой функціи старой государственной власти, функціи перешедшей къ каждой личности въ отдѣльности, за неимѣніемъ спеціальныхъ органовъ для соотвѣтственнаго отправленія, именно въ этомъ будетъ заключаться оружіе для нѣкотораго охраненія личности отъ той опасности, о которой сказано выше: отъ избытка подчиненія личности общественному мнѣнію. Не имѣя возможности прибѣгать къ полиціи, къ суду, къ правительству, и между тѣмъ неособенно рѣдко встрѣчаясь (покрайней мѣрѣ, въ первый періодъ жизни соціалистическаго общества послѣ рѣшительной побѣды) съ поступками, противъ которыхъ приходится дѣйствовать энергично, личности и свободныя группы должны на этихъ случаяхъ выработать въ себѣ рѣшимость принять на свою личную или коллективную отвѣтственность именно самыя рѣшительныя мѣры, за которыя придется строго отвѣчать предъ общественнымъ мнѣніемъ. Но до сихъ поръ опытъ показалъ, что самостоятельность характера всего лучше выработывается въ личности тогда, когда этой личности часто приходится дѣйствовать на свой страхъ, не имѣя возможности прибѣгать къ чужой помощи и не имѣя возможности уклониться отъ отвѣтственности за свои дѣйствія. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ ростущимъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія — главнаго замѣстителя нынѣшнихъ разныхъ формъ государственной власти — должна, именно вслѣдствіе отсутствія этой власти, выработываться въ личностяхъ и въ свободныхъ группахъ привычка дѣйствовать собственными силами съ полною отвѣтственностью за свои поступки, и, слѣдовательно, привычка самопомощи въ личности и въ группѣ; привычка, которая должна, до нѣкоторой степени, противудѣйствовать опасности подавленія самостоятельности личности и мелкой

группы общественнымъ мнѣніемъ обширнаго цѣлаго. Въ выработкѣ надлежащей гармоніи между этими двумя общественными силами: нивелирующей силою общественнаго мнѣнія и индивидуализирующей силою привычки къ самостоятельнымъ и энергическимъ рѣшеніямъ въ личности и въ небольшой свободной группѣ — будетъ заключаться, по всей вѣроятности, одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ общежитія будущаго строя рабочаго соціализма.

При этомъ надо имѣть въ виду, что упомянутая привычка къ самостоятельнымъ и энергическимъ рѣшеніямъ въ личности и въ небольшой свободной группѣ должна будетъ выработываться не въ позднѣйшій періодъ жизни соціалистическаго общества, даже не послѣ рѣшительной и окончательной побѣды рабочаго соціализма надъ внутренними и внѣшними врагами, но съ *первой же минуты*, когда побѣдоносный взрывъ пролетаріата подавитъ на столько противниковъ, что разрушительное дѣло соціальной революціи можно будетъ считать оконченнымъ и побѣдителямъ придется приступить къ построенію новаго общества на началахъ рабочаго соціализма, въ присутствіи немалочисленныхъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, хотя бы временно безсильныхъ, и съ сознаніемъ, что сами строители новаго общества переносятъ въ него съ собою множество старыхъ привычекъ и влеченій *).

---

*) Въ этой главѣ вовсе не имѣлось въ виду разобрать всѣ предложенія, сдѣланныя разными писателями о внесеніи государственнаго элемента, элемента власти, въ будущее общество. Подобная критика требовала бы размѣровъ, далеко превосходящихъ размѣры этого труда. Я остановился на предложеніяхъ, внесенныхъ на брюссельскій конгрессъ и на цитатѣ изъ «Volksstaat» лишь потому, что всѣ эти заявленія вышли изъ среды тѣхъ самыхъ рабочихъ ассоціацій, которыя составляютъ реальную почву для завоеванія будущности приверженцамъ рабочаго соціализма, и вышли изъ этой среды въ самое послѣднее время.

Въ произведеніяхъ, носящихъ болѣе личный характеръ, теперь рѣдко встрѣчаются попытки уяснить себѣ формы общежитія будущаго общества (я говорю, конечно, о литературѣ, заслуживающей сколько нибудь серьезнаго вниманія). Упомяну здѣсь лишь объ одномъ изъ новѣйшихъ указаній этого рода. Мы находимъ его у Дюринга въ его произведеніяхъ самаго послѣдняго времени. Такъ, во второмъ изданіи своего «Cursus der National und Socialökonomie» (1876) онъ посвятилъ цѣлую главу (Socialitäre Schemata etc., 319—360) плану соціалистическаго общества будущаго. Его основной элементъ—„экономическая община" (Wirthschaftscommune), устраняющая частную или, какъ авторъ ее

V. На другой день послѣ революціи.

Задача, которая представится соціалистамъ немедленно вслѣдъ за побѣдою, гораздо сложнѣе предыдущей, во первыхъ, — по сложности самихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, при которыхъ придется дѣйствовать новому обществу; во вторыхъ — по сложности задачи, которая будетъ тогда поставлена передъ этимъ обществомъ, и которую придется рѣшить немедленно.

называетъ „насильственную собственность“ (Gewalteigenthum) какъ относительно почвы, такъ относительно хозяйственныхъ учрежденій и жилищъ. Пользованіе опирается на договоръ. Общины могутъ быть частью земледѣльческія, частью промышленныя. Онѣ не могутъ устанавливать и какихъ либо мѣръ, исключающихъ лицъ, внѣ ихъ находящихся, такъ какъ между различными „экономическими общинами“ должно быть установлено право свободнаго перемѣщенія и обязательный пріемъ новыхъ членовъ „на основаніи опредѣленныхъ законовъ и административныхъ порядковъ“. Система „свободнаго экономическаго общества“, образованнаго этими общинами, „основывается на равенственномъ (gleichheitlichen) обмѣнѣ труда и составляетъ поэтому большое учрежденіе обмѣна (Tauscheinrichtung)“, при чемъ авторъ особенно напираетъ на необходимость металлической монеты для совершенія этого обмѣна, какъ на характеристическую черту своего плана. Перевозка всѣхъ товаровъ обращается въ общественное дѣло, въ родѣ нынѣшней почты. Трудъ обращается въ „сознательный законъ для человѣчества“ и „въ своемъ систематическомъ обобщеніи и развитіи“ становится „орудіемъ цивилизаціи“, ведущимъ къ „облагороженнымъ нравамъ“ и къ „лучшимъ формамъ жизненныхъ наслажденій“. Всеобщая военная обязанность должна служить къ охраненію общества отъ внѣшнихъ враговъ (при чемъ, впрочемъ, нельзя сказать съ увѣренностью, предполагаетъ ли авторъ это нужнымъ лишь для ближайшаго будущаго или и для отдаленной системы „экономическихъ общинъ“). Полная свобода союзовъ для опредѣленной цѣли обнимаетъ (или можетъ обнять) и полицейскій союзъ для охраненія порядка и безопасности внутри союзной группы. Всѣ культы, всякая духовная власть — устранены, и „въ теоретическомъ умозрѣніи допускается исключительно (ausschliesslich maassgebend) лишь раціональная наука“. Но именно политическая сторона новаго строя у Дюринга не совсѣмъ ясна: какъ мы видѣли выше, онъ говоритъ о „законахъ“ и объ „административныхъ порядкахъ“; наконецъ, онъ называетъ свои „экономическія общины“ — „членами политическаго цѣлаго“; правда, что онъ объясняетъ эти слова въ смыслѣ „свободнаго общества, организованнаго по общности происхожденія и языка“, но допускаетъ для него „общіе законы и общія рѣшенія“, степень обязательности которыхъ остается смутною; а далѣе смотритъ на эти комплексы общинъ, какъ на „политически-общественную территорію, при-

Соціалистамъ-побѣдителямъ придется взять въ соображеніе всѣ разнообразныя группы личностей, которыя войдутъ въ составъ общества на другой день послѣ революціи и сообразить принимаемыя мѣры съ крайнимъ разнообразіемъ отношеній этихъ группъ къ задачамъ рабочаго соціализма.

Имъ придется одновременно ограждать себя отъ наличныхъ опасностей, грозящихъ новорожденному обществу, и въ то же время придется остерегаться отъ мѣръ, которыя, при всемъ своемъ кажущемся удобствѣ для разрѣшенія наличныхъ затрудненій, могутъ имѣть самое гибельное вліяніе на дальнѣйшее будущее, вслѣдствіе того, что внесутъ въ общественный строй элементы, враждебные рабочему соціализму, или дадутъ возможность развиться подобнымъ элементамъ.

Къ этимъ не малымъ трудностямъ задачи по самымъ реальнымъ условіямъ ея, присоединяется, при обсужденіи ея заранѣе, еще то усложненіе, что она, въ своей конкретной постановкѣ, вовсе не допускаетъ общаго рѣшенія для разныхъ странъ, но потребуетъ различныхъ пріемовъ рѣшенія въ разныхъ мѣстностяхъ, сообразно пути, который приведетъ въ каждой мѣстности къ соціальному перевороту. Одна и та же цѣль — огражденіе отъ однородныхъ опасностей и стремленіе построить общество на одинаковыхъ началахъ рабочаго соціализма — обусловитъ различіе пріемовъ, смотря по условіямъ среды, въ которой совершился переворотъ.

Первое и самое важное различіе произошло бы въ томъ случаѣ, если бы можно было допустить, что соціальный переворотъ былъ бы въ однѣхъ странахъ совершенъ путемъ прямаго возстанія пролетаріата и насильственнаго ниспроверженія имъ существующихъ политическихъ властей, а въ другихъ странахъ —

надлежащія къ которой личности составляютъ объединенное юридическое лицо (Rechtssubject), и оно, какъ таковое, распоряжается всею почвою, всѣми жилищами и всѣми учрежденіями для производства". При этомъ степень самостоятельности отдѣльныхъ общинъ, свободныхъ союзовъ лицъ и самихъ лицъ становится уже довольно сомнительною, а самый строй во многомъ напоминаетъ еще „насильственное государство (Gewaltstaat)", которое Дюрингъ предполагаетъ разрушеннымъ. Я не стану распространяться на счетъ того, что обширная система „равенственнаго обмѣна" — для которой именно автору и понадобилась такъ металлическая монета — не особенно удобно удовлетворяетъ требованію соціалистической „справедливости", которую онъ называетъ „компасомъ соціалитарнаго (socialitäre) движенія". Вообще Дюрингъ довольно удачно заимствовалъ у своихъ предшественниковъ разныя частности своего плана, но этотъ планъ, въ его цѣлости, нельзя назвать ни глубоко, ни ясно продуманнымъ; въ отношеніи же вопроса, составляющаго предметъ этого труда, мнѣніе Дюринга даже менѣе ясно, чѣмъ въ другихъ отношеніяхъ.

путемъ легальнаго захвата власти рабочимъ классомъ и легальной установки началъ рабочаго соціализма, при чемъ господствовавшіе до тѣхъ поръ классы и защитники стараго порядка были бы поставлены въ необходимость поднять бунтъ противъ формально-легальныхъ дѣйствій соціалистовъ. — Я не думаю, чтобы это различіе встрѣтилось на самомъ дѣлѣ, такъ какъ, при постоянно-заостряющейся борьбѣ нынѣшнихъ правительствъ и буржуазіи противъ соціалистовъ, при все болѣе очевидной опасности для первыхъ отъ усиленія вторыхъ, едва ли можно сомнѣваться, что ни въ одной странѣ господствующіе классы не дозволятъ событіямъ развиваться безо всякаго вмѣшательства до той минуты, пока соціалисты будутъ имѣть возможность овладѣть легальной властью. Но подробный разборъ этого вопроса лежитъ совершенно внѣ программы этого труда, и безъ того достаточно обширнаго, а потому я не намѣренъ вовсе приступить къ его разбору; но это самое обязываетъ меня взять въ соображеніе здѣсь и такія формы переворота, въ возможность которыхъ я не вѣрю.

Во всякомъ случаѣ приходится предположить, что почти для каждой европейской страны соціальный переворотъ совершится при другихъ условіяхъ и при различномъ участіи элементовъ революціоннаго и легальнаго, если допустить, что каждая изъ этихъ странъ придетъ къ этому перевороту тѣмъ путемъ, которымъ она теперь къ нему приближается. Я скажу нѣсколько словъ о различныхъ условіяхъ, существующихъ въ этомъ отношеніи для Германіи, Англіи, Франціи и Бельгіи.

Въ Германіи ходъ развитія рабочаго пролетаріата съ 1863 г. весьма правиленъ; если допустить, со стороны правительства и буржуазіи, отсутствіе какихъ либо энергическихъ подавляющихъ мѣръ, и, со стороны внѣшнихъ историческихъ событій, отсутствіе побужденій, ускоряющихъ революціонный взрывъ, то можно чуть чуть не съ астрономической точностью предсказать эпоху, когда легальное право должно очутиться въ рукахъ рабочаго класса. Организація соціально-демократическихъ группъ все расширяется, охватывая все бо̀льшее число рабочихъ; съ совершившимся соединеніемъ двухъ рабочихъ партій, исчезла главная помѣха этому расширенію; оно должно рости съ каждымъ годомъ и въ непродолжительномъ времени охватить большинство рабочихъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ энергическая дѣятельность рабочихъ собраній, странствующихъ агитаторовъ и рабочей прессы, съ ея все возрастающимъ числомъ органовъ, должна все болѣе уяснять пролетаріату, примыкающему къ организаціи, начала рабочаго соціализма и устранять опасности, которыя могли бы возникнуть при переворотѣ отъ недостаточнаго усвоенія этихъ началъ. По видимому, проповѣдь соціализма распространяется уже въ Германіи

и на сельскихъ рабочихъ, такъ что оппозиція между земледѣльцами и рабочими фабрикъ, заводовъ, копей и т. под. не обѣщаетъ представить значительныхъ затрудненій при соціальномъ переворотѣ. При каждыхъ новыхъ выборахъ въ рейхстагъ число представителей рабочаго соціализма должно рости, и рости въ весьма быстрой прогрессіи. Наконецъ оно сдѣлается большинствомъ и, тѣмъ самымъ, легальнымъ законодателемъ страны, легальнымъ распорядителемъ государственныхъ силъ, съ помощью которыхъ можетъ поддерживать законы, изданные для осуществленія началъ рабочаго соціализма. Опираясь на обширные рабочіе союзы, на значительный городской и сельскій пролетаріатъ, хотя бы и стоящій внѣ этихъ союзовъ, но по самому своему положенію долженствующій примкнуть къ соціально-демократическому движенію, имѣя за себя легальную внѣшность закона, поддержанные большинствомъ рейхстага — соціаль-демократы Германіи, конечно, даже безъ особеннаго труда раздавятъ противниковъ, если бы эти противники, не подумавъ о легальномъ противудѣйствіи соціализму во время своей силы, вздумали возмутиться противъ соціально-демократическаго рейхстага въ послѣднюю минуту.

Фатальную неизбѣжность соціальнаго переворота, который долженъ быть произведенъ пролетаріатомъ, выработаннымъ капиталистическимъ хозяйствомъ и вступающимъ съ нимъ неизбѣжно въ борьбу, — высказали еще въ 1847 году авторы „Манифеста коммунистической партіи“ (нѣм. изд. 1872 г., стр. 13):

„Вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности, изъ подъ ногъ буржуазіи ускользаетъ самое основаніе, на которомъ опирается ея производство и присвоеніе ею продуктовъ. Прежде всего она производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея гибель и торжество пролетаріата одинаково неизбѣжны“.

Еще опредѣлительнѣе это развито въ „Капиталѣ“ (Karl Marx: «Le Capital», 1875*), стр. 342):

„Какъ только.... капиталистическій строй поддерживается самою экономическою силою вещей, дальнѣйшая соціализація труда... принимаетъ новую форму. Теперь дѣло идетъ уже объ экспропріаціи не независимаго работника, но капиталиста, предводителя арміи или отряда рабочихъ.

„Эта экспропріація совершается дѣйствіемъ законовъ, присущихъ капиталистическому производству, законовъ, которые приводятъ къ концентрированію капиталовъ... По мѣрѣ того, какъ уменьшается число державцевъ капитала, которые захватываютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого періода общественнаго развитія, — ростетъ нищенство,

---

*) Я цитирую по французскому переводу, потому что онъ, по дополненіямъ и развитіямъ нѣмецкаго текста, можетъ по справедливости считаться совершенно новымъ, 3-мъ изданіемъ.

притѣсненіе, рабство, униженіе, эксплуатація, но ростетъ также сопротивленіе рабочаго класса, все умножающагося и все болѣе дисциплинированнаго, соединеннаго и организованнаго самымъ механизмомъ капиталистическаго производства... Пробилъ часъ капиталистической собственности. Экспропріаторы сами подвергаются экспропріаціи....
„Для преобразованія частной и раздѣленной собственности,... въ собственность капиталистическую, понадобилось, конечно, болѣе времени, усилій и труда, чѣмъ потребуется для преобразованія капиталистической собственности... въ собственность общественную. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи массы нѣсколькими хищниками; здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи нѣсколькихъ хищниковъ массою“.

Авторъ не касается вопроса, произойдетъ ли этотъ процессъ экспропріаціи путемъ насильственнымъ или путемъ легальнымъ.

Весьма скромную и легальную форму побѣды нынѣшняго пролетаріата надъ врагами представляетъ себѣ Дюрингъ въ новѣйшихъ фазисахъ своей мысли (E. Dühring: Kritische Gesch. d. Natoinalökonomie u. d. Socialismus; 2-е изд. 1875 года. Сравн. также «Cursus» etc. 1876). Онъ отрицаетъ основную истину, господствующаго теперь между соціалистами ученія (Маркса), именно, что положеніе рабочаго класса неизбѣжно ухудшается при современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ и что именно это ухудшеніе должно привести къ организаціи рабочихъ силъ и къ торжеству соціальной демократіи. Онъ рисуетъ подготовленіе переворота такимъ образомъ («Krit. Gesch.» 588. и слѣд.):

„Возвышеніе буржуазіи надъ феодализмомъ должно было быть подготовлено возростаніемъ силъ и способностей буржуазіи. Можетъ ли быть иначе съ рабочимъ классомъ?... Не законъ доведенія заработной платы до наименьшей величины, необходимой для поддержанія рабочаго, дѣлаетъ положеніе рабочаго класса невыносимымъ, но зависимость рабочаго класса отъ заработной платы, связанное съ нею униженіе и неувѣренность въ своихъ силахъ должна была уяснить, что продолженіе этихъ отношеній въ ихъ цѣломъ нравственно недозволительно и что они должны быть устранены даже въ случаѣ лучшей оплаты... Мучительное заостреніе положенія можетъ имѣть значеніе, какъ возбужденіе противъ лѣности и противъ привычекъ подчиненія, навазанныхъ рабочему и обратившихся для него во вторую натуру. Но, къ счастью, вообще существуютъ группы, уровень жизни которыхъ поднимается, и ростетъ въ объемѣ не бѣдствіе, а лишь сознаніе этихъ бѣдствій. Ростутъ шансы эмансипаціи рабочаго не вслѣдствіе присвоеній, совершаемыхъ другими, а вслѣдствіе того, что рабочій можетъ удержать въ своихъ рукахъ, согласно законамъ новѣйшаго народнаго хозяйства, не смотря на эти присвоенія. Къ лучшему положенію не прокладаетъ пути грабежъ, который современемъ уравновѣсится противуположнымъ грабежемъ, но непрерывное расшатываніе и подрываніе способности грабить, существующей у противниковъ, въ соединеніи съ возростаніемъ силы для собственной иниціативы доставляетъ вѣрное и прочное средство къ пересозданію общественнаго строя“.

Сообразно этому авторъ полагаетъ, что цѣли рабочаго движенія

будутъ достигнуты довольно мирнымъ путемъ. Во первыхъ, рабочіе „съ точки зрѣнія мгновенной политики дѣйствительности" не будутъ пренебрегать содѣйствіемъ „самомалѣйшему толчку въ направленіи свободы" («Cursus», 346). Затѣмъ „союзы рабочихъ", побѣдивъ „легальныя препятствія прямыя и косвенныя" при помощи стачекъ (о чемъ см. особенно «Cursus», 332 и сл.) сдѣлаются „силою, опредѣляющею рабочія отношенія" («Krit. Gesch.», 593). Завоеванъ будетъ 8 часовой рабочій день (тамъ же). Рабочіе и собственники, сознавъ что они представляютъ двѣ воюющія стороны, условятся въ формахъ своихъ соглашеній («Cursus», 335 и сл.). Всѣ контракты между предпринимателями и рабочими будутъ совершаться лишь при посредствѣ органовъ рабочихъ союзовъ (тамъ же, 334 и сл., 357 и сл.). Самое широкое право свободной ассоціаціи разрушитъ разграниченность территорій и сдѣлается „исходною точкою новой постройки, которая поднялась бы среди распаденія старыхъ связей, сдержанныхъ насиліемъ" («Krit. Gesch.», 594; ср. «Cursus», 356). Международныя соглашенія рабочихъ будутъ препятствовать войнамъ (тамъ же, 351). Окончательно, эти разростающіеся союзы подорвутъ весь нынѣшній государственный, экономическій и семейный строй:

„Въ промежутки развалинообразныхъ остатковъ государства вмѣстился бы новый политическій міръ и образовалъ бы положительную поддержку для дальнѣйшихъ поколѣній, между тѣмъ какъ старыя учрежденія, имѣвшія своею окончательною основою насиліе, были бы осуждены на смерть. По крайней мѣрѣ, насильственное государство (Gewaltstaat) можетъ раздѣлить судьбу церкви, именно такъ, что болѣе могущественныя коллективныя силы достигнутъ самосознанія и пріобрѣтутъ организацію, сначала рядомъ съ нимъ, а затѣмъ перерастутъ его" („Krit. Gesch." 594 и сл.).

„Вмѣстѣ съ насильственною зависимостью человѣка отъ человѣка распались бы и остальныя принадлежности нынѣшнихъ правовыхъ и экономическихъ отношеній, и насильственное государство или насильственное общество замѣнилось бы строемъ болѣе свободнымъ и опирающимся на высшую справедливость" (тамъ же).

Какими судьбами нынѣшній политическій и экономическій міръ дозволитъ безпрепятственно рабочимъ ассоціаціямъ до такой степени подорвать себя, авторъ не объясняетъ.

Я считаю, какъ уже сказано выше, рѣшительно невозможнымъ, чтобы правительство Бисмарка или его преемниковъ осталось спокойнымъ зрителемъ растущей организаціи враговъ современнаго общественнаго строя. Оно, неизбѣжно, приметъ наконецъ энергическія мѣры противъ соціально-демократической агитаціи и противъ распространенія рабочихъ ассоціацій. Нѣмецкіе соціаль-демократы будутъ поставлены въ необходимость или прибѣгнуть немедленно къ насильственнымъ мѣрамъ противъ враговъ, или обратиться къ организаціи тайнаго соціалистическаго

заговора, или... признать себя безсильными въ борьбѣ за торжество рабочаго соціализма и выждать иниціативу другаго народа въ этомъ отношеніи. Едва ли, при настоящемъ развитіи рабочаго движенія въ Германіи, послѣдній случай возможенъ; но *какъ* поступятъ соціаль-демократы при подобныхъ обстоятельствахъ и какимъ путемъ, затѣмъ, будетъ подготовляться катастрофа — сказать трудно.

Относительно Англіи можно было бы даже усомниться, слѣдовало ли мнѣ здѣсь говорить о ней. Не смотря на громадность англійскаго рабочаго движенія по числу участниковъ, и на силу англійскихъ рабочихъ союзовъ, въ Англіи все рабочее движеніе ограничивается самыми мелкими вопросами. Задачи рабочаго соціализма, въ томъ видѣ, въ которомъ они поставлены предъ читателями, тамъ вовсе не ставятся никѣмъ. Все дѣло идетъ объ измѣненіи частнаго закона, о пріобрѣтеніи частнаго права, о петиціи въ парламентъ, объ агитаціи легальнымъ путемъ изъ за самаго скромнаго улучшенія быта рабочихъ, изъ за самаго небольшаго ограниченія самовольства ихъ эксплуататоровъ. Когда патроны соглашаются на третейскій судъ, рабочія газеты пишутъ, что не желаютъ ничего болѣе. Когда правительство соглашается на самый незначительный законъ въ пользу какой нибудь группы рабочихъ, къ нему являются благодарственныя депутаціи отъ рабочихъ союзовъ. Можно бы считать, слѣдовательно, что дѣло рабочаго соціализма не имѣетъ вовсе почвы въ Англіи. Но оно не совсѣмъ такъ. Первая половина нынѣшняго вѣка показала столько примѣровъ самыхъ рѣшительныхъ антилегальныхъ движеній среди англійскаго рабочаго народа, что странно было бы, ограничиваясь лишь событіями послѣднихъ десятилѣтій, считать англійскихъ рабочихъ по природѣ и по преданію скованными уваженіемъ къ закону. Широкое легальное право ассоціаціи и нѣкоторыя завоеванія, добытыя удачными стачками шестидесятыхъ годовъ, дали англійскимъ рабочимъ прочную легальную почву для укрѣпленія своей организаціи. Эта организація все разростается и усиливается, втягивая все бо́льшее число лицъ и ведя непрерывную малую войну съ капиталомъ во множествѣ мелкихъ стачекъ, которыя, съ одной стороны, увеличиваютъ по немногу заработную плату и сокращаютъ по немногу рабочій день во всѣхъ ремеслахъ, гдѣ борьба можетъ идти съ успѣхомъ; съ другой стороны, дисциплинируютъ рабочую массу для будущаго, можетъ быть неособенно отдаленнаго боя. Армія эта, въ самые послѣдніе годы, значительно усилилась начавшеюся успѣшною агитаціею въ средѣ сельскихъ рабочихъ. Но, пока, лица, наиболѣе вліятельныя въ средѣ союзовъ, находятъ невыгоднымъ (въ виду личныхъ или общественныхъ соображеній) вести эту армію въ рѣшительный бой съ существующимъ порядкомъ, или даже

начинать въ ней слишкомъ смѣлую пропаганду противъ *общихъ* началъ существующаго соціальнаго зла. Тѣмъ не менѣе признаки начинающейся борьбы въ болѣе широкихъ размѣрахъ становятся все болѣе замѣтны. Въ августѣ 1875 г., послѣ долгой подготовки, наиболѣе сильные рабочіе союзы составили планъ федераціи (въ которую, конечно, со временемъ, войдутъ и всѣ союзы, имѣющіе какое нибудь значеніе), потому что „для всѣхъ, внимательно наблюдавшихъ событія послѣднихъ двухъ лѣтъ, — говоритъ ливерпульскій циркуляръ — очевидно, что борьба между капиталомъ и трудомъ будетъ, вѣроятно, ведена въ будущемъ въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ мы видѣли до сихъ поръ... Въ присутствіи общей опасности обществамъ сопротивленія всей страны слѣдуетъ образовать одно соединенное цѣлое и комбинировать свои силы...“ („Впередъ“ годъ перв. № 16, стр. 512). Эта федерація окончательно устроится на митингѣ въ Бирмингемѣ 24 апрѣля 1876 г. На дняхъ (25 февр. 1876 г.) собрался въ Лондонѣ годовой митингъ національной федераціи работодателей, при чемъ въ отчетѣ ея исполнительнаго комитета указана, въ виду расширенія рабочихъ союзовъ и ихъ федерированія, крайняя необходимость, существующая для работодателей, также образовать крѣпкій союзъ для борьбы. „По временамъ — говоритъ отчетъ — можно замѣтить окончательныя политическія и соціальныя цѣли предводителей рабочихъ союзовъ. Нельзя не видѣть, что въ настоящее время рабочіе расположены смотрѣть на всякій вопросъ съ точки зрѣнія ихъ класса, и принимать за доказанное, что интересы рабочихъ противуположны интересамъ всѣхъ прочихъ отдѣловъ общества“. Въ то же самое время корреспондентъ одной нью-іоркской газеты («New York Irishman», цитировано въ «Reyn. Newsp.» 27 февр. 1876) вовсе не думаетъ исключать Великобританіи изъ своего очерка положенія дѣлъ въ Европѣ, очерка, въ которомъ онъ говоритъ: „Очевидно, что одна могучая идея работаетъ въ разныхъ группахъ людей составляющихъ населеніе Европы. *Тѣ, которые трудятся, отказываются спокойно поддерживать тѣхъ, которые праздны.* ...По всей Европѣ расширяется эта борьба. Приверженцы каждой стороны собираются въ компактныя массы. Для борьбы безразлично, какое названіе, или какую форму имѣетъ „правительство“, которое дозволяетъ богатому и праздному обирать бѣднаго и трудящагося — это правительство осуждено.“

При быстромъ заостреніи этой борьбы, при существованіи громадныхъ рабочихъ союзовъ, имѣющихъ возможность въ каждую данную минуту уже теперь, по рѣшенію комитетовъ, выставить въ поле болѣе взрослыхъ бойцовъ, закаленныхъ работою, чѣмъ имѣется войска во всѣхъ владѣніяхъ королевы Викторіи, вопросъ о насильственномъ переворотѣ современнаго порядка рабочими силами Великобританіи есть лишь вопросъ времени.

Какъ только событія доведутъ до такого спора между владѣющими классами и рабочими, въ которомъ ни первые, ни вторые не захотятъ идти на сдѣлку, какъ только среди руководителей рабочаго движенія явятся люди, которые убѣдятся въ выгодѣ насильственнаго дѣйствія для себя или для дѣла, въ нѣсколько мѣсяцевъ эта мирная и нѣсколько сонная организація англійскихъ рабочихъ союзовъ обратится въ непреодолимую силу, которая снесетъ разомъ всякое сопротивленіе. Правда, тогда именно можетъ выказаться, во всемъ ея значеніи, печальная ошибка нынѣшнихъ руководителей англійскаго рабочаго движенія, которые, сообразно привычкамъ англійской мысли во всѣхъ областяхъ, и здѣсь ограничиваются лишь частными, ближайшими вопросами, заботами дня, и совершенно пренебрегаютъ пропагандою основныхъ принциповъ. Англійскій пролетаріатъ, безъ труда свалившп противника, но не приготовленный къ теоретической установкѣ основаній, на которыхъ ему слѣдуетъ построить *свой* новый міръ, сильно рискуетъ впасть въ громадныя ошибки и создать въ новомъ обществѣ большія препятствія самому развитію этого общества по надлежащему пути. Но это уже вопросъ, лежащій внѣ настоящаго разсужденія, которое имѣетъ въ виду лишь установить для разныхъ націй вѣроятнѣйшій путь, который ихъ приведетъ къ перевороту и выказать, вмѣстѣ съ тѣмъ, то крайнее разнообразіе условій, которое приходится ожидать для разныхъ странъ на другой день послѣ революціи, совершенной пролетаріатомъ *).

Во Франціи легальная подготовка организаціи рабочаго класса на почвѣ экономической борьбы (какъ въ Германіи и въ Англіи) совсѣмъ не мыслима, точно также какъ мало вѣроятна пропаганда, ясно отличающая задачи соціальной революціи для установленія всеобщаго труда отъ задачъ политической революціи, передающей власть изъ однѣхъ рукъ въ другія. За то нигдѣ настолько, какъ во Франціи, нельзя ожидать образованія правительства, которое съ тупымъ и ребяческимъ упрямствомъ, не идя ни на какія уступки, быстро сдѣлается ненавистнымъ для общества, и, будучи неспособно приготовить силы, нужныя для собственнаго охраненія, съумѣетъ самымъ лучшимъ образомъ приготовить революцію *противъ себя*. Кромѣ того, исторія послѣдняго столѣтія подготовила во Франціи болѣе противуположенія между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Городской

*) Авторъ „Брюссельской записки", цитированной въ предыдущей главѣ, тоже говоритъ о рабочемъ классѣ въ Германіи и Англіи, что онъ идетъ къ своей цѣли „сегодня посредствомъ легальныхъ мѣръ, но завтра, можетъ быть, посредствомъ мѣръ революціонныхъ" („Обществ. служба въ буд. общ.", стр. 25).

пролетаріатъ, давнишнее орудіе всѣхъ мятежей и революцій *въ пользу другихъ*, можетъ быть во Франціи весьма быстро доведенъ до взрыва; объ немъ одномъ, кажется, дозволительно сказать, что онъ *всегда готовъ* къ революціи, лишь былъ бы случай къ ней. Коммуна 1871 г. дала ему въ прошедшемъ и практическій типъ, который онъ будетъ развивать въ будущемъ. По этому форму возможнаго переворота во Франціи не особенно трудно предсказать съ достаточною вѣроятностью. Какъ только нѣкоторое облегченіе легальныхъ условій позволитъ французскому пролетаріату отдохнуть отъ тяжелаго прошедшаго; какъ только явятся снова изъ его среды предводители, которые будутъ способны распространить тайную политическую организацію соціалистовъ въ достаточномъ числѣ городовъ Франціи; какъ только еще разъ правительство Франціи (какова бы ни была его форма) повторитъ за своими предшественниками отлично заученный урокъ возбужденія революціонныхъ страстей *противъ себя*; — тогда, при первомъ удобномъ случаѣ, Парижъ, Ліонъ, Марсель, а за ними и другіе города, гдѣ политическая организація будетъ подготовлена, будутъ имѣть возможность развернуть красное знамя коммуны, и пролетаріатъ городовъ можетъ составить федерацію городскихъ соціалистическихъ коммунъ, окруженныхъ сельскимъ населеніемъ, которое будетъ очень мало затронуто соціалистическою пропагандою, будетъ, большею частью, прямо враждебно городамъ, но не будетъ въ силахъ бороться противъ совершившагося переворота и по своей разсѣянности, и по отсутствію всякой солидарной жизни въ группахъ деревенскихъ жителей, и по традиціонному господству политики центральныхъ городовъ надъ ходомъ дѣлъ въ селахъ. Городскимъ соціалистамъ придется или взять на себя диктатуру и совершить соціалистическій переворотъ въ сельскомъ населеніи, или принять мѣры для того, чтобы какимъ нибудь иным путемъ привести это населеніе — вовсе не подготовленное къ перевороту и большею частью враждебное ему, — къ сознательному содѣйствію постройкѣ новаго общества. Это затрудненіе, какъ можно ожидать, будетъ одно изъ самыхъ страшныхъ затрудненій соціальной революціи во Франціи. Что касается до опасностей, которыя могутъ и должны возникнуть на другой день послѣ революціи, вслѣдствіе недостаточнаго уясненія въ средѣ революціонныхъ дѣятелей различія между цѣлями политической и цѣлями соціальной революціи, то можетъ быть эти опасности менѣе всѣхъ народовъ страшны именно для французскаго народа, такъ какъ живая воспріимчивость и подвижность мысли, выработанная въ немъ исторіею, позволяетъ надѣяться, что, покрайней мѣрѣ, часть его революціонныхъ дѣятелей быстро станетъ на ту точку зрѣнія, которая логически слѣдуетъ изъ революціи, произведенной рабочимъ пролетаріатомъ въ пользу рабочаго пролетаріата, и, ставъ однажды

на эту точку зрѣнія, не испугается никакихъ крайнихъ выводовъ рабочаго соціализма. Успѣхъ будетъ зависѣть лишь отъ того, какъ будетъ сильна и насколько будетъ практична эта передовая часть дѣятелей въ надлежащую минуту.

Кабинетныхъ плановъ перестройки общества въ соціалистическомъ смыслѣ было предложено много во Франціи, но останавливаться на нихъ совершенно не стоитъ. Мимоходомъ упомяну объ одномъ изъ нихъ, о планѣ, предложенномъ Луи Блапомъ, тѣмъ самымъ, который временно имѣлъ за собою чуть не весь французскій пролетаріатъ, оказался столь несостоятельнымъ въ 1848 году, въ минуту рѣшительнаго дѣйствія, еще лучше опредѣлилъ нравственное свое значеніе тѣмъ, что не только засѣдалъ въ версальскомъ собраніи во время майскихъ убійствъ 1871 г, но участвовалъ и въ оффиціальномъ привѣтствіи этимъ войскамъ, и тѣмъ не менѣе, въ ту минуту, когда я пишу это, все еще играетъ политическую роль среди самыхъ *крайнихъ* и *почетныхъ* дѣятелей Франціи.

Въ своей извѣстной „Организаціи труда“ (Organisation du travail, 1839, 9-е изд. 1850; я цитирую по этому изданію) онъ формулировалъ свой проектъ въ формѣ закона, что очень удобно, потому что позволяетъ цитировать въ самой сжатой формѣ. Вотъ основныя положенія этого закона: (стр. 119 и сл.)

§ 1. Создается министерство прогресса, миссія котораго — совершить соціальную революцію и привести постепенно, мирно, безъ потрясеній, къ уничтоженію пролетаріата.

§ 2. Для этого министерству прогресса поручается: 1-ое. Выкупить желѣзныя дороги и рудники... 2-ое. Преобразовать французскій банкъ въ государственный банкъ. 3-ье. Централизовать страхованіе..... 4-ое. Учредить, подъ руководствомъ отвѣтственныхъ чиновниковъ, обширные склады, куда производители и фабриканты будутъ имѣть возможность сдавать товары... 5-ое. Наконецъ открыть рынки, соотвѣтствующіе розничной торговлѣ, какъ склады соотвѣтствуютъ оптовой.

§ 3. Изъ выгодъ (получаемыхъ отъ всѣхъ этихъ операцій).... министерство прогресса образуетъ свой особенный бюджетъ: бюджетъ работниковъ.

§ 4. Изъ бюджета работниковъ выплачиваются проценты и погашеніе суммъ, нужныхъ на эту операцію. Остальное употребляется: 1-ое, на субсидіи рабочимъ ассоціаціямъ: 2-ое, на основаніе земледѣльческихъ колоній.

§ 5. Для того, чтобы промышленная или земледѣльческая ассоціація имѣла право на государственную субсидію, она должна быть основана на началѣ братской солидарности, чтобы, развиваясь, она имѣла возможность пріобрѣсти капиталъ коллективный, неотчуждаемый и постоянно возростающій.

Въ слѣдующихъ параграфахъ авторъ даетъ указаніе какъ, во первыхъ, установить „ассоціацію въ одной мастерской“; затѣмъ какъ „установить солидарность между всѣми мастерскими одного

и того же рода"; наконецъ, какъ „основать солидарность между всѣми различными промышленностями, между всѣми членами общества". Онъ кончаетъ свой проектъ закона слѣдующими словами:

„Государство достигнетъ осуществленія этого плана послѣдовательными мѣропріятіями. Не надо насиловать никого. Государство представитъ свой образецъ; рядомъ съ нимъ будутъ жить частныя ассоціаціи, нынѣшняя экономическая система. Но мы вѣримъ на столько въ упругость нашей системы, что въ короткое время — мы въ этомъ твердо убѣждены — она распространится на все общество, втягивая въ себя соперничествующія съ ней системы, вслѣдствіе непобѣдимой привлекательности ея могущества..."

Но, окончивъ это разсужденіе, автору (по крайней мѣрѣ, въ новомъ изданіи) приходитъ въ голову, что государство очень можетъ *не захотѣть* играть подобную роль, и онъ обращается къ народу съ воззваніемъ:

„Пусть рабочіе союзы согласятся между собою.

„Пусть они установятъ между собою драгоцѣнную связь, которая поддержитъ ихъ противъ давленія окружающей среды.

„Пусть устроится центральный комитетъ союзныхъ работниковъ.

„Пусть этотъ комитетъ организуетъ.... самую важную изъ всѣхъ подписокъ: подписку съ цѣлью уничтоженія пролетаріата.

„Этотъ комитетъ, — безо всякаго оффиціальнаго положенія — сдѣлается настоящимъ министерствомъ прогресса, а капиталъ, собранный по добровольной подпискѣ, во имя самоотверженія, сдѣлается бюджетомъ работниковъ.

Едва-ли теперь найдется достаточно наивный читатель, чтобы вѣрить, вмѣстѣ съ этимъ *государственнымъ человѣкомъ* прошедшаго и настоящаго періода, что соціальный переворотъ можетъ быть совершенъ путемъ подобнаго „министерства прогресса" съ его „постепенными и мирными" мѣропріятіями, или путемъ „подписки" на „бюджетъ работниковъ", собираемой съ этихъ самыхъ полуголодныхъ работниковъ.

Въ Бельгіи тоже революціонный путь въ настоящее время есть путь самый вѣроятный. Обширное волненіе въ каменноугольныхъ копяхъ, раздраженный и все возвышающійся тонъ рабочей прессы,вооруженіе рабочихъ, стѣснительныя и вызывающія мѣры со стороны правительства *), наконецъ давнишнее подготовленіе умовъ рабочихъ въ соціалистической прессѣ къ мысли, что имъ

*) Обо всемъ этомъ см. „Впередъ", годъ второй, № 25 и слѣдующіе: „Волненія рабочихъ въ Бельгіи", „Еще о волненіяхъ рабочихъ въ Бельгіи."

нечего ждать ни отъ одной политической партіи, и въ сознанію необходимости неумолимой борьбы между капиталомъ и трудомъ — все это указываетъ на неизбѣжность взрыва, *какъ только* онъ будетъ имѣть шансы восторжествовать. Но эти шансы для Бельгіи въ настоящее время меньше, чѣмъ для другихъ упомянутыхъ мною странъ, конечно, не вслѣдствіе силы самого бельгійскаго правительства, но вслѣдствіе того, что всякій взрывъ въ Бельгіи былъ бы немедленно подавленъ сосѣдями — Германіей или Франціей, смотря потому, кто въ данную минуту стоялъ-бы выше на политической сценѣ — давно уже жадными до бельгійской территоріи. Соціальный переворотъ въ Бельгіи можетъ совершиться лишь при условіи соціальныхъ волненій у обоихъ ея сосѣдей, но, при этомъ условіи, нѣтъ сомнѣнія, что онъ приметъ характеръ прямо-революціонный и немедленно подойдетъ ближе къ задачамъ рабочаго соціализма, чѣмъ въ Англіи или во Франціи. Причина этому — давнишняя пропаганда соціалистической прессы и пропаганда самаго рѣшительнаго характера.

Не мудрено, поэтому, что въ бельгійской прессѣ мы находимъ и весьма подробныя разсужденія о томъ, что̀ придется предпринять пролетаріату послѣ его побѣды, для немедленной замѣны стараго общественнаго строя новымъ во всѣхъ его подробностяхъ. Въ этомъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія „Записка брюссельской секціи", выше мною цитированная, и если мнѣ пришлось не разъ полемизировать противъ ея автора въ предыдущей главѣ, когда дѣло шло объ окончательно-выработанныхъ формахъ общежитія по началамъ рабочаго соціализма, то здѣсь, при разсмотрѣніи дѣйствій общества на другой день послѣ революціи, я имѣю гораздо менѣе поводовъ къ подобной полемикѣ.

Авторъ записки предвидитъ (стр. 56) необходимость „общественной ликвидаціи; ликвидаціи, для которой, правда, нельзя назначить точной эпохи, но которую нельзя не предвидѣть съ такою же увѣренностью, съ какою многіе мыслители уже въ половинѣ прошлаго столѣтія предвидѣли близость революціи третьяго сословія".

Для способа ея совершенія авторъ находитъ даже (стр. 26) вѣроятнымъ случай, что „обстоятельства принудятъ пролетаріатъ большихъ городовъ установить коллективную диктатуру надъ остальнымъ населеніемъ и сдѣлать это впродолженіе революціоннаго періода, достаточно долгаго для того, чтобы устранить всѣ препятствія, лежащія на пути къ освобожденію рабочаго класса."

При этихъ предположеніяхъ авторъ ставитъ вопросъ (стр. 19): „не очутятся-ли... эти общины пролетаріевъ, въ тотъ день, когда онѣ замѣнятъ нынѣшнія оффиціальныя или буржуазныя общины, не очутятся-ли онѣ, подобно этимъ послѣднимъ, лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми родами общественной службы, существованіе которыхъ необходимо для жизни общества?"

Авторъ признаетъ очевиднымъ (стр. 26), „что въ этомъ случаѣ одною изъ первыхъ мѣръ... будетъ захватъ всѣхъ видовъ крупной общественной службы, экспропріація въ интересахъ общей пользы всѣхъ компаній, владѣющихъ желѣзными дорогами и т. дал.... и объявленіе всего ихъ имущества... долею общественнаго имущества.“ Впрочемъ, онъ далекъ отъ мнѣнія, что только собственность этихъ крупныхъ общественныхъ эксплуататоровъ должна подвергнуться захвату. Онъ прямо заявляетъ (стран. 51), что „земля... должна быть коллективною собственностью государства или общины. Такою же коллективною собственностью должно быть все то, что связано съ землей: рудники, каменоломни, лѣса и т. дал....“ Изъ движимаго имущества онъ передаетъ въ коллективную собственность (стр. 52) „всѣ имущества прошлыхъ поколѣній“, при чемъ, впрочемъ, допускаетъ возможность, что въ будущемъ обществѣ (или, по крайней мѣрѣ, вслѣдъ за соціалистическимъ переворотомъ) будетъ сохранено право наслѣдства или завѣщанія. Относительно „орудій труда“ онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать ихъ въ иныхъ случаяхъ (тамъ-же) собственностью „государства или общины“, въ другихъ—собственностью „промышленныхъ группъ“, наконецъ даже „частною, индивидуальною собственностью“, приводя въ послѣднемъ случаѣ въ примѣръ „шило и ножъ сапожника, иголки, ножницы и даже швейную машину портнаго“ *).

Послѣ этого захвата и распредѣленія всѣхъ средствъ страны между территоріальными коллективностями (по автору, таковы будутъ *община* и *государство*) и свободными коллективностями („промышленныхъ группъ“), оставивъ кое что въ рукахъ частныхъ собственниковъ, авторъ останавливается на тѣхъ обязанностяхъ, которыя, вслѣдствіе этого самаго распредѣленія собственности, падутъ на образовавшіяся коллективности, преимущественно территоріальныя, и входитъ въ подробности относительно видовъ „общественной службы“, подлежащихъ вѣдѣнію

*) Авторъ считаетъ необходимымъ (стр. 53) обратить еще въ „частную собственность работника“ будущаго общества получаемую имъ „плату“ за трудъ и думаетъ, что потому должны обратиться въ частную собственность „предметы частнаго потребленія, напр. мебель, платье, съѣстные припасы, украшенія и проч“. — Я вовсе не имѣю здѣсь въ виду останавливаться на тѣхъ частныхъ мнѣніяхъ автора, которыя я считаю несообразными съ основами рабочаго соціализма (для чего предлагаю читателю обратиться къ примѣчаніямъ, сдѣланнымъ къ переводу „Общественной службы въ будущемъ обществѣ“, а частью къ тому, что будетъ изложено здѣсь на слѣдующихъ страницахъ), но буду указывать преимущественно (хотя не исключительно) на тѣ пункты, которые имѣютъ болѣе или менѣе возможность дѣйствительно быть принятыми въ соображеніе строителями новаго общества на другой день послѣ соціальной революціи.

общины или государства, а также способовъ отправленія этихъ видовъ „общественной службы“.

На долю общины авторъ относитъ (стр. 31 и слѣд.) все, что обезпечиваетъ безопасность личности, свидѣтельства о личности и мѣстную статистику, „общественное вспоможеніе, покровительство несовершеннолѣтнимъ и неспособнымъ, медицинскую службу и мѣстную гигіену“, содержаніе и поддержку мѣстныхъ средствъ сообщенія, „снабженіе водою“, содержаніе „скотобоенъ, прачешныхъ, бань“, удаленіе нечистотъ, освѣщеніе, спасительныя учрежденія, „надзоръ и содержаніе общественныхъ зданій, памятниковъ, общественныхъ гуляній и пр.“ На общину же онъ возлагаетъ заботу о жилищахъ и недвижимостяхъ, находящихся на общественной территоріи; администрацію общественныхъ земель тамъ, гдѣ „господствуетъ мелкое сельское хозяйство“; „роль главной посредницы между производствомъ и потребленіемъ“. Для послѣдней цѣли онъ рисуетъ цѣлую систему „торговыхъ агентствъ общины“, „рынковъ“, „общинныхъ базаровъ“ съ „росписками“, „свидѣтельствами“, „облигаціями обращенія“ и т. под.

Въ вѣдѣнье государства авторъ передаетъ (стр. 37 и слѣд.) большіе пути сообщенія, почты и телеграфы, обширныя сельскохозяйственныя работы, приморскія работы и заведенія, дома для умалишенныхъ, общественное обученіе, горную эксплуатацію, администрацію общественныхъ земель тамъ, „гдѣ господствуетъ крупное сельское хозяйство“.

При этомъ авторъ полагаетъ, что будутъ существовать работы или виды общественной службы, которыя будутъ отправляемы обязательно всѣми членами общины или государства поочередно. Сюда онъ относитъ (стр. 60) службу по общественной безопасности и „работы, очень грубыя, трудныя и непріятныя“.

Другіе виды общественной службы будутъ, по мнѣнію автора (стр. 61), отправляемы „общественною администраціею — членами ли ея или назначаемыми ею чиновниками“. Сюда онъ относитъ, напр. въ общинѣ — „службу по приготовленію и выдачѣ свидѣтельствъ о личности“; въ государствѣ — „почту, страхованіе, финансовое управленіе и проч.“ При этомъ онъ полагаетъ „возможнымъ и выгоднымъ“ ввести сюда „систему выборовъ“.

„...Разъ подобная машина пущена въ ходъ, врядъ ли явятся серьёзныя затрудненія устроить дѣло такъ, чтобы конторщики и писцы выбирали своихъ столоначальниковъ, столоначальники — начальниковъ отдѣленія, а эти послѣдніе — членовъ спеціальнаго управленія почтовой, страховой, финансовой частью и пр. При этомъ за національной (или областной или федераціонно-общинной) администраціей осталось бы лишь право назначать инспекторовъ, контролеровъ, ревизоровъ, т. е. весь наблюдательный персоналъ, который во всякомъ случаѣ долженъ быть независимъ отъ персонала, за которымъ онъ наблюдаетъ.“

Авторъ полагаетъ (стр. 62), что „на время“ могутъ получить

подобную же организацію службы по „эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ“ и по другимъ сюда подходящимъ отраслямъ работъ. Онъ раздѣляетъ „персоналъ“ подобныхъ эксплуатацій на двѣ категоріи, на „чиновниковъ“ и на „ремесленниковъ“. Только что указанный способъ организаціи онъ прилагаетъ безусловно къ первой категоріи.

„Что касается до второй категоріи, именно ремесленниковъ— говоритъ онъ — то она можетъ быть организована иначе“, именно „государство можетъ войти въ сношенія съ корпораціями“ ремесленниковъ по ихъ спеціальности. Эту „систему *предпринимательства* (entreprise) рабочими коллективностями“, составляющую третій способъ отправленія общественной службы, авторъ признаетъ „естественною необходимостью“ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (стр. 66—67):

„Таковы такъ называемыя публичныя работы: содержаніе дорогъ, очистка улицъ, эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, газовые заводы, освѣщеніе общественныхъ мѣстъ; а также тѣ производства, которыя мы назвали большими соціальными промышленностями: рудники, каменоломни, доменныя печи и металлургическіе заводы. Мы можемъ себѣ представить, что отправленіе этихъ отраслей об-й сл-ы можетъ совершенно раціонально слѣдовать системѣ, комбинированной слѣдующимъ образомъ: государство или община могутъ, слѣдуя указанному нами второму способу, отчасти исполнять службу при помощи своихъ же чиновниковъ; въ то-же время въ другой части службы можетъ имѣть мѣсто третій способъ, т. е. передача предпріятій по отдѣльнымъ работамъ въ руки рабочихъ коллективностей.“

Но относительно существованія прочныхъ рабочихъ коллективностей, предполагаемыхъ послѣднимъ способомъ отправленія работъ, авторъ приходитъ къ вопросу (стр. 27, 30):

„Всегда ли корпоративная группировка сохранитъ то значеніе, которое она имѣетъ въ настоящее время и которое еще долго за нею останется?

„Замѣтимъ прежде всего, что въ будущемъ обществѣ всестороннее обученіе, въ одно и то же время научное и техническое, теоретическое и практическое, разовьетъ въ человѣкѣ способности къ довольно значительному числу занятій, такъ что всякій будетъ безъ затрудненія участвовать во многихъ производствахъ, одновременно ли или послѣдовательно, но, во всякомъ случаѣ, въ довольно короткіе промежутки времени; такъ что одинъ и тотъ же человѣкъ будетъ членомъ нѣсколькихъ ремесленныхъ корпорацій, и потому группировка по ремесламъ сдѣлается менѣе опредѣленною, менѣе рѣзко выраженною, чѣмъ теперь...

„Такимъ образомъ всестороннее обученіе, раздѣленіе труда и расширеніе машиннаго производства, по видимому, должны всѣ вмѣстѣ содѣйствовать созданію въ будущемъ такого положенія, при которомъ рабочій не будетъ осужденъ на всю жизнь ограничиваться однимъ или двумя занятіями, но когда онъ будетъ имѣть возможность участвовать одновременно или послѣдовательно въ производствѣ по самымъ различнымъ ремесламъ. Но если такой порядокъ вещей когда нибудь осуществится, то очевидно, что классификація рабочихъ по различнымъ

между собою ремеслам, а следовательно и группировка их в ремесленныя общества — исчезнет; в таком случае общинная, областная или международная федерация, основанная на разделении производств, совершенно потеряет ту важность и то глубокое значение, которое они имеют теперь."

И так, в первую же минуту своего существования, социалистическая община и социалистическое государство, по мнению автора, должны проявить свою принудительную власть, во первых, захватывая некоторыя формы коллективной и личной собственности; во вторых, обязывая всех членов исполнять некоторые виды общественной службы; в третьих, назначая обязательную администрацию на другия отрасли этой службы, при чем к выборным должностям присоединяется „назначаемый" персонал наблюдателей; наконец, в четвертых, входя в контракты с выбранными государством „рабочими коллективностями" на правах предпринимателей. Но значение этих рабочих коллективностей, единственнаго элемента свободной группировки, составляющаго противувес господству территориальной (общинной или государственной) власти, должно быть, по мнению автора, тем слабее, чем разнообразнее развит член общества, чем менее он закован в одну *исключительную* ремесленную коллективность.

Переходим к положению дел в России.

В другом месте (см. передовыя статьи во „Вперед", год второй, №№ 26—29) я пытался указать вероятнейший путь, которым социальная революция может быть подготовлена на нашей родине. Не повторяя сказаннаго там, приведу лишь несколько строк (№ 29, стр. 129—131), резюмирующих то положение, в котором, по моему мнению, будут находиться социалисты-революционеры в минуту революции, и которое должно обусловить особенность их приемов при решении задачи построения новаго общества на другой день после революции.

„В среде общинных и артельных центров, уже существующих в русском народе, и представляющих готовые и традиционные элементы народной солидарности, должны быть образованы группы ясно понимающих задачи рабочаго социализма. Эти группы должны быть связаны между собою по всей стране (или, по крайней мере, в достаточном числе местностей) крепкою практическою организациею, позволяющею согласно и энергически направить наличныя революционныя силы в данную минуту на то именно, что всего удобнее сделать в эту самую минуту. Из этих групп, как местных центров, должна разливаться по мере возможности быстрее и энергичнее волна пропаганды, уясняющей начала рабочаго социализма, волна агитации, возбуждающей массы, неуверенныя в своих силах, против порядка, который обрек их на страдание и на гибель. Из этих групп, пока шансы победы недостаточны, должна постоянно выходить руководящая сила,

сдерживающая попытки преждевременных мѣстныхъ бунтовъ. Изъ этихъ группъ, въ надлежащую историческую минуту, по общему соглашенію, долженъ грянуть одновременно въ разныхъ углахъ Россіи призывъ къ соціальной революціи; призывъ, къ которому будутъ готовы всѣ группы, вошедшія въ организацію; къ которому сознательно примкнетъ всякій, кто болѣе или менѣе ясно усвоилъ задачи рабочаго соціализма; который увлечетъ толпы сочувствующихъ, взволнованныхъ агитаціею во имя практическихъ требованій соціальной революціи; который подниметъ массы во имя ихъ страданія и во имя ихъ довѣрія къ руководящимъ группамъ. Эти самыя группы, какъ естественные руководители всѣхъ раздѣляющихъ ихъ убѣжденія, всѣхъ сочувствующихъ ихъ цѣлямъ, наконецъ всѣхъ массъ, поднявшихся по ихъ призыву, составятъ основную народную федерацію русскихъ революціонныхъ общинъ и артелей; и эта федерація, выработавшаяся изъ среды самого народа, въ его естественныхъ, традиціонныхъ элементахъ, эта федерація народныхъ группъ, низвергнувъ старый общественный порядокъ, станетъ строителемъ новаго, по тѣмъ задачамъ рабочаго соціализма, которыя она усвоила, во имя того довѣрія, которое къ ней будутъ имѣть массы. Въ свои руки она возьметъ общественное достояніе, находившееся въ рукахъ государственныхъ и частныхъ хищниковъ, чтобы немедленно, по подготовленному плану, сдѣлать его народнымъ достояніемъ въ федеративной формѣ новаго строя, и какъ общее достояніе всего рабочаго люда. Подъ ея руководствомъ организуется всеобщій трудъ на общую пользу, какъ основаніе будущаго общественнаго развитія. Она организуетъ оборону новаго общества противъ всякихъ его внутреннихъ враговъ, побѣжденныхъ, запуганныхъ, временно-безсильныхъ, но далеко немалочисленныхъ; организуетъ оборону общества противъ внѣшнихъ враговъ, которые могутъ угрожать новому порядку вещей... Она станетъ, наконецъ, какъ федерація равноправныхъ группъ, на стражѣ противъ собственныхъ своихъ членовъ, которые захотѣли-бы внести въ новый строй привычки и влеченія стараго порядка."

Допустимъ, что взрывъ произошелъ. Правительство съ господствующими классами такъ тяжело давило на рабочій народъ, а элементы агитаціи, возбуждающіе волненія, были на столько дѣятельны, что рядъ мѣстныхъ бунтовъ вспыхнулъ, независимо отъ стремленія пропагандистовъ соціальной революціи сдержать эти бунты до болѣе солидарной связи между разными мѣстностями страны; онъ произошелъ преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе пропагандистовъ слабо, а число ихъ незначительно; это самое учащеніе бунтовъ указало членамъ революціонной организаціи, что „теченіе историческихъ событій" приближаетъ моментъ возможной побѣды революціи. При болѣе обширномъ и энергическомъ бунтѣ въ какой либо мѣстности революціонная организація перешла отъ агитаціи въ смыслѣ волненій къ агитаціи въ смыслѣ бунта во всѣхъ пунктахъ, гдѣ организація могла выказать вліяніе. Мѣстный бунтъ, вспыхнувшій въ достаточно значительныхъ размѣрахъ, поддержанъ бунтами, одновременно съ нимъ вызванными въ разныхъ пунктахъ. Войско, въ которомъ происходила своевременно пропаганда, оказалось недостаточно

надежнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Его неудача быстро разнесла пожаръ возстанія по обширной территоріи. Подъ руководствомъ организованныхъ членовъ соціально-революціоннаго союза (состоящаго въ огромномъ большинствѣ изъ крестьянства) группы *сочувствующихъ* цѣлямъ соціальной революціи явились въ селахъ съ вызовомъ захватить въ „общую, недѣленную землю" всѣ частныя владѣнія, слить въ единую „общую собственность всего рабочаго люда" всякую собственность. По этому вызову, поддержанному свѣдѣніями объ успѣхахъ возстанія въ другихъ мѣстностяхъ, поднялись на обширной территоріи батраки, младшіе члены семей, бѣдные хозяева, не имѣющіе возможности при существующихъ порядкахъ прокормиться круглый годъ, не смотря на самый усиленный трудъ, наконецъ большинство бѣднаго мѣщанства. Запуганные кулаки вмѣстѣ съ „культурными" собственниками и администраціею или погибли при народномъ взрывѣ, или рады спрятаться отъ поднявшейся бури. Члены соціально-революціоннаго союза въ столицахъ и другихъ центрахъ управленія (преимущественно изъ интеллигенціи), если не во всѣхъ, то во многихъ изъ этихъ мѣстностей, устранили и парализовали органы власти. Образовалась территорія довольно обширная (хотя, можетъ быть, не сплошная), на которой господствуетъ возставшій рабочій народъ; *большинство* его произвело революцію, при инициативѣ не малаго числа группъ, знакомыхъ съ практическими задачами соціальной революціи и горячо сочувствующихъ имъ, подъ руководствомъ *организованнаго меньшинства изъ народа* (съ небольшою долею интеллигенціи), которое сознательно стремится осуществить помощью этой революціи програму началъ рабочаго соціализма: *общую собственность, общій трудъ, федерацію трудящихся.*

Такимъ образомъ условія, при которыхъ приходится строить будущее общество на началахъ рабочаго соціализма на русской почвѣ, опредѣляются всѣмъ предыдущимъ ходомъ дѣлъ.

Организованныя народныя группы соціально-революціоннаго союза, сознательные представители программы рабочаго соціализма и руководители народнаго движенія, составляютъ естественное зерно новаго организма. Имъ нечего будетъ *создавать* что либо новое, искусственное. Они — члены существовавшихъ и народомъ исторически усвоенныхъ группъ общинъ и артелей. Эти группы продолжаютъ существовать, только на мірской сходкѣ умолкли голоса кулаковъ-богачей, которые держали общину въ экономическомъ рабствѣ; на сходъ не можетъ уже имѣть вліянія кабачникъ-ростовщикъ; близь деревни не раздастся колокольчикъ становаго; въ ней не остановится коляска посредника; въ артели нѣтъ мѣста подрядчику-предпринимателю; всѣ амбары съ ихъ добромъ, скотные дворы съ ихъ „животами" составляютъ достояніе всѣхъ, готовыхъ работать на общую пользу; вся земля,

на сколько видитъ глазъ, съ хуторами и рощами, стала „недѣленною“ землею рабочаго люда; на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ остались хозяевами рабочіе; всѣ орудія труда стали общею собственностью рабочихъ.

И на этомъ мірскомъ сходѣ, только что покончившемъ съ исчезнувшими или запуганными своими піявками, среди рабочихъ артелей, только что ставшихъ собственниками орудій труда, раздаются голоса людей, давно знакомыхъ мѣстному рабочему люду, съумѣвшихъ пріобрѣсти его личное уваженіе въ прежнее время, а въ послѣднія минуты борьбы выдвинувшихся впередъ своею энергіею, опредѣленностью и цѣльностью программы своихъ дѣйствій, своими связями съ разными возставшими мѣстностями, вѣрностью и быстротою получаемыхъ ими отовсюду извѣстій; эти голоса одновременно въ разныхъ пунктахъ возставшей территоріи проповѣдуютъ большинству, участвовавшему въ возстаніи и низвергнувшему своихъ притѣснителей, однѣ и тѣ же простыя, всѣмъ доступныя начала общественнаго союза:

Необходимость *общаго недѣленнаго имущества*, изъ котораго каждый рабочій бралъ бы нужныя ему орудія труда, каждая „живая душа“ черпала бы нужныя для нея средства существованія.

Необходимость *всеобщаго труда*, помощью котораго каждый отдавалъ бы всѣ свои силы на общее дѣло, зарабатывая себѣ тѣмъ равное для всѣхъ право на существованіе, на развитіе, на пользованіе общимъ недѣленнымъ имуществомъ, устраняя паразитство людей живущихъ чужимъ трудомъ.

Необходимость *солидарнаго союза всѣхъ рабочихъ*, приступившихъ къ новымъ общественнымъ началамъ, для того, чтобы собственными силами ввести въ каждой мѣстности новый порядокъ, собственными силами сдержать повсюду запуганныхъ, но не исчезнувшихъ враговъ; для того, чтобы соединенными силами помочь братьямъ рабочимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ побѣда рабочихъ еще не рѣшительна, соединенными силами отражать противниковъ новыхъ порядковъ на границѣ возставшей территоріи и расширять территорію *рабочей Россіи* на счетъ *Россіи императорской* или капиталистической; наконецъ, для того, чтобы взаимною помощью и взаимнымъ контролемъ, препятствовать установиться гдѣ бы то ни было на территоріи *рабочей Россіи* порядкамъ, противурѣчащимъ началамъ рабочаго соціализма: властямъ, которыя существовали бы трудомъ другихъ личностей; присвоенію нѣкоторыми личностями избытка сравнительно съ необходимымъ для каждаго; монопольной собственности для группъ и экономической конкурренціи между ними и т. под.

Едва ли можно представить себѣ, что эта проповѣдь, одновременно и энергически раздавшаяся среди возставшихъ массъ, выходящая отъ лицъ, которыхъ обстоятельства поставили въ чело

движенія, при томъ лицъ, принадлежащихъ народнымъ группамъ и заранѣе пріобрѣтшихъ вліяніе въ этихъ группахъ, проповѣдь, заключающая начала, которыя ласкаютъ воображеніе измученнаго рабочаго народа надеждою на лучшее будущее — едва ли можно представить себѣ, что эта проповѣдь вызоветъ значительное противудѣйствіе и что встрѣтятся неодолимыя внутреннія препятствія немедленному установленію общественнаго порядка согласно началамъ рабочаго соціализма на всемъ пространствѣ *рабочей Россіи*.

По этому, самое положеніе дѣлъ поставитъ первые шаги общественнаго строя, на другой день послѣ революціи, въ зависимость отъ соображенія и энергіи лицъ, составляющихъ группы соціально-революціоннаго союза. Онъ одинъ представитъ въ первую же минуту готовую и опредѣленную программу дѣйствій; онъ одинъ дастъ твердые принципы, на основаніи которыхъ можно будетъ обсудить планъ дѣятельности въ непредвидѣнныхъ случаяхъ; онъ одинъ представитъ и солидарную связь между различными мѣстностями территоріи *рабочей Россіи*. При общественныхъ движеніяхъ, когда исчезли старыя власти, волна революціи естественно выноситъ на поверхность общества тѣхъ, кто лучше подготовленъ къ неожиданному, кто внушаетъ другимъ довѣріе въ своемъ отчетливомъ пониманіи цѣлей и средствъ, для другихъ неясныхъ, и кто съ бо̀льшею энергіею указываетъ другимъ, что̀ именно слѣдуетъ сдѣлать въ данную минуту. По этому совершенно естественно соціально-революціонный союзъ, подготовившій успѣхъ революціи, долженъ будетъ сдѣлаться руководителемъ возставшихъ массъ и организаторомъ новаго общества въ первые моменты его развитія.

Тутъ *захвата власти* не будетъ, потому что соціально-революціонный союзъ (и это — его *необходимая характеристика*) состоитъ въ большинствѣ изъ самого народа и его вліяніе на массы опирается не на принужденіе, не на какую либо внѣшнюю силу, но на довѣріе къ нему народныхъ группъ, изъ среды которыхъ онъ вышелъ, на то обстоятельство, что его члены, *ясно понимающіе* задачу рабочаго соціализма, окружены группами, которыя *сочувствовали* ихъ *революціонной* дѣятельности и, во имя этого товарищества въ борьбѣ, готовы и теперь тоже поддержать ихъ дѣятельность *строительную*, и на то, что тѣ и другіе окружены массами, которыя однѣ могли *совершить* революцію, но которыя не могли *до нея* выработать себѣ программы дѣятельности при обстоятельствахъ, еще не наступившихъ.

Мало того: въ этомъ случаѣ руководство и починъ организаціи составляетъ *обязанность* убѣжденныхъ и организованныхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Если они не рѣшатся взять на себя этого почина, то онъ все таки не можетъ быть дѣломъ *всего* возставшаго и совершившаго революцію *большинства*, а станетъ дѣ-

момъ другихъ болѣе рѣшительныхъ людей. Возставшая масса, разорвавшая связь со вчерашнимъ рутиннымъ порядкомъ, не можетъ оставаться хаотическою массою. Она имѣетъ потребности и эти потребности должны быть удовлетворены; для ихъ удовлетворенія найдутся органы, и эти органы будутъ состоять изъ людей наиболѣе энергичныхъ или внушающихъ наиболѣе довѣрія массѣ. Но эти люди могутъ быть, при полной добросовѣстности, недостаточно подготовлены къ встрѣтившимся обстоятельствамъ; могутъ не ясно видѣть *настоящія* цѣли, *настоящія* средства для этихъ цѣлей и, вслѣдствіе своей слѣпоты, могутъ повести массы по ложному пути; могутъ подвергнуть революціонное движеніе, только что одержавшее побѣду, самымъ большимъ опасностямъ; могутъ затруднить или даже совсѣмъ затормозить развитіе началъ рабочаго соціализма въ новомъ обществѣ. Эти люди, наконецъ, могутъ быть даже разсчетливыми эгоистами и честолюбцами, которые постараются эксплуатировать новое движеніе въ свою пользу и измѣнять ему, какъ только извлекутъ изъ него все для нихъ нужное. Убѣжденнымъ соціалистамъ, *во имя ихъ убѣжденія*, обязательно устранить ненадежныхъ, предупредить разсчетливыхъ честолюбцевъ, стать впереди слѣпыхъ. Вопросъ въ этомъ случаѣ заключается не въ томъ, *большинству* или *меньшинству* будетъ принадлежать на другой день послѣ революціи руководство дѣлъ и закладка первыхъ, основныхъ камней новаго общественнаго зданія? вопросъ въ томъ, *какому* меньшинству будетъ принадлежать эта роль: *случайному* ли меньшинству наиболѣе рѣшительныхъ людей, или меньшинству, *подготовленному* къ этому дѣлу и своей организаціей, и довѣріемъ достаточной доли возставшихъ массъ, и собственною работою мысли надъ программами рабочаго соціализма?

Конечно, желательно, чтобы члены соціально-революціоннаго союза стали повсюду на мѣсто для нихъ *обязательное* на другой день послѣ революціи во имя своей личной энергіи и во имя довѣрія къ нимъ окружающихъ массъ, но такъ какъ это возможно будетъ для нихъ, въ самомъ выгодномъ случаѣ, лишь въ мѣстностяхъ ихъ дореволюціонной дѣятельности, между тѣмъ какъ территорія *рабочей Россіи* должна охватить и такія мѣстности, въ которыхъ они могли быть малочисленны, недостаточно вліятельны, или въ которыхъ они могли вовсе не присутствовать до момента возстанія, то они должны употребить всѣ свои усилія, чтобы это *обязательное* для нихъ мѣсто инниціаторовъ при основаніи новаго общества выпало имъ повсюду во имя ихъ *организаціи* и во имя ихъ большей *подготовленности* къ наступившему моменту, сравнительно со всѣмъ, что ихъ окружаетъ.

Но въ чемъ же будетъ состоять эта роль инниціаторовъ и организаторовъ *рабочей Россіи*? Какая доля въ этой роли будетъ

принадлежать *государственному элементу*? — Для разрѣшенія этого вопроса, хотя бы приблизительно — такъ какъ точное рѣшеніе историческаго вопроса во всѣхъ его подробностяхъ до самого событія есть дѣло невозможное, по разнообразію комбинацій обстоятельствъ — разсмотримъ, какимъ образомъ при данныхъ обстоятельствахъ возможно будетъ удовлетвореніе основныхъ личныхъ и общественныхъ потребностей, которыя въ прошедшей исторіи требовали болѣе или менѣе участія организованной власти — государственнаго элемента — а въ обществѣ, вполнѣ устроенномъ по началамъ рабочаго соціализма, могутъ, какъ я старался показать въ предъидущей главѣ, обойтись совсѣмъ безъ этого элемента.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ приходится сказать о потребности *безопасности*, источникѣ государственнаго элемента въ первобытномъ обществѣ. Кромѣ того, я остановлюсь на потребностяхъ *экономическаго обезпеченія*, *общественнаго развитія* и *общественныхъ сношеній*, въ той мѣрѣ, которая обусловливаетъ, или можетъ обусловить, введеніе въ способы ихъ удовлетворенія государственнаго элемента. Такъ какъ основной вопросъ соціальной революціи есть переворотъ *экономическій*, то мнѣ приходится начать съ задачи удовлетворенія потребностей *экономическаго обезпеченія*.

Каковы бы ни были другіе пріемы соціальной революціи, одно безспорно: она должна начаться *немедленнымъ* и *неуклоннымъ* обращеніемъ всякаго имущества частнаго, имущества группъ, имущества государственнаго въ имущество *общее*. Уступки тутъ невозможны. Существованіе рядомъ, даже временное, соціалистическаго строя и частной собственности представляетъ самую грозную опасность для новаго соціалистическаго строя, такъ какъ на другой же день послѣ революціи, проснутся старыя привычки и влеченія монополіи и хищничества и будутъ употреблены всевозможныя усилія, чтобы удержать за личностями все то, что у нихъ не будетъ взято въ первую же минуту. Говоря въ частности о русской крестьянской общинѣ — которая будетъ, неизбѣжно, главною почвою революціонной дѣятельности въ Россіи — само собою разумѣется, что революція, имѣющая въ виду не только устранить наличныхъ кулаковъ, но уничтожить кулачество вообще и сдѣлать его невозможнымъ въ будущемъ, должна устранить ту основную неравномѣрность распредѣленія крестьянскаго благосостоянія, которая опирается на различіе въ количествѣ движимаго имущества (скота, орудій труда, запасовъ, предметовъ жизненнаго обихода и мелкой торговли и т. под.), такъ какъ, при существованіи подобной неравномѣрности, экономическая зависимость однѣхъ личностей отъ другихъ составляетъ неизбѣжное слѣдствіе. Но если эта экономическая

революція неизбѣжна, то всѣ другія, — между прочимъ и обращеніе всѣхъ поземельныхъ угодій въ *общую, недѣлимую* собственность — представятъ несравненно менѣе затрудненій. Въ первую минуту революціи, когда съ одной стороны общее увлеченіе, съ другой стороны страхъ, заглушатъ проявленіе всѣхъ эгоистическихъ инстинктовъ, возможно разомъ сломать привычки стараго порядка, и люди, поставленные во главѣ движенія самымъ ходомъ дѣлъ, люди, подготовленные давно размышленіемъ къ этой минутѣ и дѣйствующіе согласно *всюду*, будутъ въ состояніи это сдѣлать. Если же они упустятъ эту *первую* минуту, пойдутъ на уступки и не вырвутъ у стараго порядка этой существеннѣйшей его основы — раздѣльной собственности, — то трудности задачи соціальной революціи возрастутъ на другой же день до самыхъ громадныхъ размѣровъ.

Если общность имущества составляетъ первую основу экономическаго обеспеченія всѣхъ въ новомъ порядкѣ съ первой же минуты его существованія, то столь-же неизбѣжно установить, точно также *съ первой минуты*, и вторую основу его: *всеобщій трудъ на общую пользу*.

Тутъ, конечно, не будетъ возможно полное осуществленіе принципа участія всѣхъ личностей въ разныхъ отросляхъ труда и смѣны занятій, какъ должно быть при полномъ развитіи устройства будущаго общества (ср. стр. 74). Если члены соціально-революціоннаго союза и нѣкоторая доля сочувствовавшихъ задачамъ революціи выработали въ себѣ заранѣе и способность къ нѣкоторымъ отраслямъ мышечнаго труда и способность къ работѣ мысли, то большинство членовъ новаго общества на другой день послѣ революціи будутъ такими, какими ихъ выработало старое общество, т. е. крайне-специализированными работниками, силы которыхъ придется употребить для будущаго общества въ томъ видѣ, въ какомъ эти силы даны. Не надо упускать изъ виду и то обстоятельство, что самую обязательность труда, составляющую одну изъ главныхъ нравственныхъ основъ новаго общества, нельзя вовсе признать аксіомою, для всѣхъ очевидною: она будетъ усвоена, опять таки, немногими наиболѣе развитыми личностями: можно допустить, что значительное число рабочаго люда, приступившаго къ новому порядку, приметъ трудъ и при новомъ порядкѣ, какъ само собою разумѣющееся для нихъ дѣло, по привычкѣ и по рутинѣ. Но и въ рядахъ трудящихся найдется не мало личностей, смотрѣвшихъ на всякій трудъ, какъ на тяжелую необходимость, отъ которой имъ хотѣлось бы *вовсе* избавиться; а въ рядахъ побѣжденныхъ эксплуататоровъ — трудъ которыхъ заключался до тѣхъ поръ въ наблюденіи за трудомъ другихъ, въ разъѣздахъ по рынкамъ, въ щелканіи на счетахъ да въ записываніи прихода и расхода — для всѣхъ почти поголовно *всякій* обязательный трудъ будетъ не только физическимъ му-

ченіемъ, но нравственною пыткою; будутъ изъ нихъ и такіе, которые окажутся совершенно неспособными ко всякому производительному труду, кромѣ развѣ содержанія въ чистотѣ домовъ и улицъ.

Всѣ эти затрудненія не будутъ существовать въ обществѣ рабочаго соціализма при полномъ его развитіи, такъ какъ они будутъ устранены системою воспитанія. Они не существуютъ *для общества* и теперь, такъ какъ современное общество, не будучи вовсе солидарнымъ, предоставляетъ каждому жить на счетъ другихъ (эксплуатируя ихъ, воруя или нищенствуя), или доставать себѣ свой хлѣбъ посильнымъ и непосильнымъ трудомъ, главная доля котораго идетъ на чужое обогащеніе, или, наконецъ, умирать съ голоду. Лишь для преступниковъ или для неспособныхъ существуетъ въ нѣкоторой долѣ обязательная работа или кое-какая система призрѣнія.

Для новаго общества, возникающаго послѣ соціальной революціи, затрудненія въ этомъ отношеніи будутъ велики, но не могутъ считаться непреодолимыми. Оно должно съ первой же минуты признать начало солидарности всѣхъ трудящихся; должно, съ первой же минуты, устранить всякую возможность кому бы то ни было не трудясь жить на счетъ труда другихъ; должно отнять у каждаго вполнѣ способнаго участвовать въ тяжеломъ трудѣ другихъ, возможность взять на себя произвольно болѣе легкій трудъ; должно окончательно устранить различіе болѣе почетнаго и легкаго труда отъ труда болѣе унизительнаго и тяжелаго; новое общежитіе должно обезпечить съ первой же минуты всѣмъ все необходимое для существованія и должно поставить высоко достоинство трудящагося, при чемъ *всякій* трудъ на общую пользу долженъ занимать совершенно одинаковое положеніе. При этомъ придется признать, что многіе способны на очень спеціализированный трудъ; придется признать нѣкоторыхъ почти вовсе неспособными къ полезному труду. Но придется, вѣроятно, для нѣкоторой доли, и признать отказъ отъ труда *преступленіемъ* и слѣдовательно употребить *принудительныя* мѣры для поддержанія начала, которое должно сдѣлаться основою общества.

Конечно, трудно дать съ нѣкоторою ясностью общій очеркъ пріемовъ, которыми это можетъ быть достигнуто, не внося въ новое общество элементовъ, которые могли бы разростись къ его вреду. Я считаю возможнымъ лишь указать приблизительно на немногія стороны этого вопроса, которыя могли бы способствовать къ его рѣшенію.

Прежде всего, такъ какъ самое положеніе дѣлъ должно поставить во главу движенія членовъ соціально-революціоннаго союза, то они, во имя своихъ принциповъ, должны будутъ немедленно показать на личномъ примѣрѣ, что руководители общественными дѣлами должны участвовать въ самыхъ тяжелыхъ производи-

тельныхъ работахъ наравнѣ съ другими работниками, способными только на это. Зная, большею частью, среду, въ которой они дѣйствуютъ, они безъ особеннаго труда выберутъ изъ рядовъ сочувствовавшихъ и содѣйствовавшихъ революціонному дѣлу, а также изъ массы, возставшей и совершившей революцію, лицъ, которыя наиболѣе способны раздѣлить съ ними трудъ распоряженія, обсужденія общихъ принимаемыхъ мѣръ, руководства общими дѣлами и общественнаго строительства, тѣмъ болѣе, что для этого нужны не какія либо особыя техническія знанія сложнаго законодательства или сложныхъ экономическихъ комбинацій въ средѣ конкуррирующихъ плутовъ, какъ въ нынѣшнемъ обществѣ, — но нужна лишь сообразительность и честная готовность подумать серьезно о потребностяхъ другихъ. Такимъ образомъ, трудъ распоряженія общими дѣлами будетъ раздѣленъ, уменьшенъ для каждаго, и люди, руководящіе общественнымъ движеніемъ, будутъ имѣть возможность давать долю своего времени на физическій трудъ производства средствъ существованія для общества, рядомъ со всѣми другими рабочими. Это болѣе важно, чѣмъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда, для того чтобы *сразу* въ новомъ обществѣ разрушилась привычная ассоціація представленій власти и устраненія отъ обыденнаго труда.

Затѣмъ въ общинѣ всѣ знаютъ другъ друга, слѣдовательно, знаютъ, на что̀ каждый способенъ, и чего онъ дѣлать не умѣетъ. Окажутся люди, способные на нѣсколько видовъ занятій, другіе — способные лишь на одинъ родъ работы. Всѣ рабочіе, примкнувшіе къ возстанію, по этому самому, *фактически*, составятъ *общій сходъ* самодержавной общины, рѣшающій всѣ дѣла ея. Этотъ сходъ, дѣйствуя подъ нравственнымъ руководствомъ членовъ соціально-революціоннаго союза, раздѣлитъ между всѣми своими членами необходимый трудъ охраненія наличнаго общаго имущества отъ гибели, порчи и безполезной растраты, трудъ производства новыхъ предметовъ потребленія, трудъ охраненія общества отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и сношенія съ другими общинами, трудъ заботы о неспособныхъ къ труду (дѣтяхъ, дряхлыхъ, больныхъ) и т. под. По общему рѣшенію схода, къ участію въ общемъ трудѣ и въ общемъ дѣлѣ, будутъ приглашены изъ непринявшихъ участіе въ возстаніи, тѣ, которымъ сходъ считаетъ возможнымъ довѣрять; будутъ приглашены къ производительному труду на общую пользу и всѣ способные трудиться изъ остальныхъ членовъ. При этомъ всякій, способный участвовать въ нѣсколькихъ родахъ занятій, долженъ быть по возможности привлеченъ ко всѣмъ имъ, такъ какъ привычка къ специализаціи личности въ *одномъ* занятіи вызываетъ невольное противуположеніе занятій, замкнутость ихъ въ цеховыя спеціальности, ихъ конкурренцію, и ослабляетъ общественную солидарность. Это дѣло должно быть въ значительной степени об-

легчено примѣромъ членовъ соціально-революціоннаго союза, которые, будучи большею частью рабочими изъ среды общины, въ то же время стоятъ руководителями общаго дѣла и при этихъ распорядительныхъ занятіяхъ остаются участниками всѣхъ работъ. Будутъ, конечно, работы, на которыя всѣ способны, и въ которыхъ, поэтому, всѣ будутъ приглашены участвовать.

Но будетъ въ общинѣ, какъ я сказалъ, доля личностей, которыя не будутъ или не захотятъ участвовать въ общемъ трудѣ; однѣ не будутъ участвовать потому, что не могутъ или не умѣютъ за него взяться; другія не захотятъ потому, что смотрятъ на трудъ, какъ на мученіе или какъ на униженіе. Какъ поступить соціально-революціонной общинѣ относительно ихъ?

Я вовсе не говорю о дѣтяхъ, о дряхлыхъ старикахъ и больныхъ, потому что относительно ихъ не только само собою разумѣется, что они не въ состояніи участвовать въ общемъ трудѣ, но само собою разумѣется, что община должна отдѣлять долю общаго труда на уходъ за ними. Но побѣжденные классы, жившіе чужимъ трудомъ, дадутъ въ новое общество особый разрядъ *неспособныхъ къ труду*, потому что ихъ развитіе сдѣлало ихъ такими. Положимъ, напримѣръ, что чиновникъ какого нибудь департамента, или учитель латинскаго языка въ гимназіи удалился отъ дѣлъ и сталъ управляющимъ на хуторѣ богатаго помѣщика; у него жена, которая умѣетъ заказать платье, но не умѣетъ скроить его, умѣетъ заказать кушанье, но не умѣетъ сварить его; у него сыновья — офицеры или чиновники; дочери, которыя читаютъ романы, играютъ на фортепіано, вышиваютъ по канвѣ и разсчитываютъ жить на счетъ работы мужа. У отца сколоченъ изъ жалованья, изъ „постороннихъ“ доходовъ и изъ маленькихъ спекуляцій небольшой капиталъ, достаточный для *приличной* жизни сыновей-офицеровъ, пока они сами не найдутъ средствъ поживиться на службѣ, или выгодно жениться, достаточный и для кое-какого приданаго дочерямъ. Все это гнѣздо общественныхъ паразитовъ — люди безобидные, не враждовавшіе съ новыми идеями, но и не участвовавшіе въ какомъ нибудь движеніи мысли, такъ какъ всѣ они жили рутиною и никогда не подумали серьезно о томъ, что̀ есть и что̀ должно быть. Теперь ихъ настигаетъ катастрофа. Хуторъ и частное имущество перешло въ общее достояніе; жалованья и сколоченнаго капитала не оказалось; старое войско распущено; умѣнье заказывать, командовать на ученьи, играть на фортепіано и толковать Саллюстія ни къ чему не нужно. Вотъ вамъ цѣлая семья взрослыхъ неспособныхъ, которые, собственно, *лично* не виноваты въ старомъ строѣ, но которые съ ужасомъ посмотрятъ на участіе въ производительныхъ работахъ общины, да и не съумѣютъ приняться за нихъ.

Что дѣлать новому обществу съ этими рутинными паразитами

вчерашняго дня и полными неспособностями сегодняшняго? Оставить ихъ доживать свое время обособленнымъ кускомъ собственниковъ нельзя: я сказалъ уже, что малѣйшая уступка привычкамъ монополіи можетъ подорвать все движеніе. Что же дѣлать? Завести ли рабочіе дома и каторжныя команды новаго рода, гдѣ, подъ надзоромъ соціалистовъ, неспособные остатки стараго міра будутъ *принуждены* работать? Или надо поставить передъ ними ту дилемму, которую теперешнее общество ставитъ передъ массами пролетаріевъ: иди работать на господствующіе классы или умирай съ голоду? Или новое общество, причисливъ ихъ къ *своимъ* неспособнымъ (по ребячеству, по дряхлости, по болѣзни), дастъ имъ своимъ трудомъ необходимое: кровъ, пищу, одежду? — Мнѣ кажется, что первое рѣшеніе слишкомъ вредно для *самого* общества, чтобы оно на немъ остановилось, но я буду еще имѣть случай разобрать это нѣсколько ниже въ связи со многими иными случаями. Можетъ быть, иные читатели найдутъ *справедливѣйшимъ* второе рѣшеніе, и довольно вѣроятно, что многія общины остановятся на немъ. Но, по моему мнѣнію, единственное *благоразумное* рѣшеніе, въ виду скорѣйшаго устройства новаго порядка и удобнѣйшаго направленія его силъ на его *настоящихъ* и *опасныхъ* враговъ, заключается въ послѣднемъ пріемѣ для всѣхъ неспособныхъ, которыхъ не унесла *совсѣмъ* первая волна революціи.

Нѣсколько иное отношеніе придется принять новой рабочей общинѣ относительно тѣхъ, которые, какъ извѣстно ея членамъ, и способны работать и умѣли бы взяться за дѣло, но не *хотятъ* работать на *общую* пользу. Какъ преступники противъ основнаго начала новаго общества, они — враги его, они подвергаютъ *опасности* его существованіе и развитіе. Противъ нихъ, слѣдовательно, приходится принять мѣры *безопасности* во имя основной и невыдѣлимой общественной потребности — *потребности безопасности*. По этому я вернусь къ этому случаю, говоря ниже о тѣхъ средствахъ, которыми новое общество, въ первые моменты своего развитія, должно будетъ оградить свою безопасность, не рискуя внести въ свой строй элементы, которые, укрѣпляясь и разростаясь, могли бы подорвать самыя начала рабочаго соціализма.

Рядомъ съ послѣдовательнымъ проведеніемъ этихъ двухъ главныхъ основаній новаго строя: *общности имущества и всеобщаго труда*, организаторамъ этого строя придется заняться, въ виду экономическаго обезпеченія всѣхъ членовъ новаго строя, рядомъ распоряженій, которыя, хотя имѣютъ въ виду лишь вопросъ данной минуты, но вслѣдствіе того самаго, принадлежатъ къ наиболѣе настоятельнымъ задачамъ, обусловятъ болѣе другихъ довольство или недовольство въ рядахъ большинства, примкнувшаго къ знамени соціальной революціи и совершившаго

ее, обусловятъ болѣе другихъ довѣріе этого большинства къ руководителямъ движенія и, слѣдовательно, сдѣлаютъ ихъ трудную задачу болѣе или менѣе трудною.

Для экономическаго обезпеченія данной общины можно имѣть въ виду существующіе запасы, жилища и угодья, но необходимо и безостановочное производство предметовъ обиходнаго потребленія. Такъ какъ члены соціально-революціоннаго союза тѣмъ только и отличаются отъ окружающихъ ихъ группъ, сочувствовавшихъ революціонному взрыву, и отъ массы, совершившей революцію по ихъ призыву, что первые обдумали цѣли и средства соціальной революціи, готовились къ ней, и въ этомъ лишь заключается ихъ право руководить движеніемъ и первыми шагами организаціи новаго общества — то на ихъ прямой обязанности лежитъ *знать*, какія средства существуютъ для обезпеченія массы на другой день послѣ революціи, и откуда придется черпать новыя средства въ новой, рабочей общинѣ.

Революція не можетъ упасть на общество какъ снѣгъ на голову, совершенно неожиданно. За недѣли и за мѣсяцы до того внимательные наблюдатели, разсѣянные по Россіи и находящіеся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, должны предвидѣть ея наступленіе. Въ такомъ случаѣ члены соціально-революціоннаго союза данной территоріи (напримѣръ, уѣзда) должны знать состояніе и размѣщеніе запасовъ (въ мукѣ, въ зернѣ, въ скотѣ на убой и въ рабочемъ скотѣ, въ орудіяхъ труда, въ основныхъ предметахъ потребленія и т. под.), жилищъ и угодій всякаго рода на территоріи, на которой они работаютъ. Они должны, *по возможности*, собрать вѣрныя свѣдѣнія по этимъ предметамъ и относительно ближайшихъ территорій, на которыхъ нѣтъ ихъ товарищей, но относительно которыхъ существуетъ вѣроятность, что онѣ поднимутся по примѣру сосѣдей подъ вліяніемъ общаго движенія. Точно также членамъ союза должна быть извѣстна съ достаточной точностью численность и размѣщеніе населенія, которому должны быть обезпечены средства существованія при новомъ порядкѣ, и обезпечены не въ проголодь, но настолько лучше прежняго, чтобы огромное большинство этого населенія немедленно *почувствовало* улучшеніе своего положенія.

По этому всѣ усилія руководителей движенія должны быть направлены на то, чтобы, при революціонномъ захватѣ наличныхъ запасовъ въ общую народную собственность, возможно менѣе предметовъ погибло безполезно. Немедленно должны быть устроены центральные склады, куда будетъ свезенъ хлѣбъ въ мукѣ и зернѣ; должны быть организованы общія стада и табуны подъ наблюденіемъ выборныхъ людей; должны быть образованы склады одежды, склады рабочихъ орудій; долженъ быть составленъ списокъ всѣхъ помѣщеній для того, чтобы, по рѣшенію общиннаго рабочаго схода (при участіи всѣхъ приступившихъ къ револю-

ціонному движенію), или по жребію, рабочее населеніе размѣстилось въ удобнѣйшихъ изъ нихъ; должна быть организована раздача изъ складовъ всего необходимаго для потребленія, раздача орудій труда и рабочаго скота для пользованія. При этомъ весьма важно будетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что количество запасовъ въ разныхъ сосѣднихъ другъ другу общинахъ можетъ находиться въ обратномъ отношеніи къ потребностямъ ихъ населенія и что, по этому, для правильнаго обезпеченія потребностей населенія, придется немедленно перевезти, напримѣръ, хлѣбъ изъ амбаровъ кулаковъ и хлѣбныхъ спекуляторовъ въ амбары полуголодныхъ сельскихъ общинъ; скотъ, скопленный на хуторахъ помѣщиковъ для торговли имъ, придется раздѣлить по стадамъ этихъ общинъ; одежду въ лавкахъ городовъ придется распредѣлить по сельскимъ складамъ и т. под. Эти распоряженія потому именно особенно важны, что ими въ самомъ началѣ устранится раздѣльность собственности въ разныхъ общинахъ и закрѣпится солидарность не только меньшихъ группъ но довольно обширныхъ территорій.

Второй родъ распоряженій долженъ касаться учрежденія общественныхъ работъ. Такъ какъ всякая работа для *продажи*, для *спекуляціи* не можетъ имѣть мѣста въ новомъ обществѣ, то часть совершаемыхъ работъ можетъ прекратиться. Немедленно должны быть запаханы всѣ межи и уничтожены всякіе межевые знаки. Если революція совершилась лѣтомъ, въ рабочее время, до жатвы, то, конечно, придется снять всю жатву, но при новыхъ запашкахъ поля, теперь уже *общаго*, *недѣленнаго*, надо будетъ разсчесть, какая запашка необходима для обезпеченія населенія (мѣстнаго и сосѣдняго) и ограничить запашку общаго поля (конечно—лучшихъ нивъ) лишь этимъ количествомъ земли. При этомъ, какъ кажется, всѣ работы удобнѣе производить тѣми пріемами, которые уже теперь употребительны при *помочи* (или *толокъ*). Точно такъ же постройка новыхъ болѣе удобныхъ помѣщеній для центральныхъ амбаровъ и складовъ, для общихъ стадъ, наконецъ для части рабочаго населенія тамъ, гдѣ нѣтъ возможности ему вполнѣ размѣститься удобно въ наличныхъ жильяхъ, должна быть произведена общимъ трудомъ по разсчету потребностей. Изготовленіе одежды (которое, можетъ быть, удобнѣе будетъ концентрировать въ городахъ) должно быть тоже соображено съ потребностью, такъ какъ накопленіе ее въ складахъ безполезно, а часть потребности будетъ немедлено удовлетворена изъ наличныхъ рыночныхъ складовъ. Производство на фабрикахъ предметовъ роскоши можетъ быть немедленно остановлено до упроченія новаго строя. Производство на фабрикахъ предметовъ общаго потребленія остановиться не можетъ, такъ какъ, напротивъ, для сколько нибудь удобной жизни рабочаго населенія, послѣднее должно обладать гораздо-бо́льшимъ количествомъ

предметовъ обиходной жизни (особенно орудій труда), чѣмъ обладаетъ теперь. Число участвующихъ въ этихъ фабричныхъ работахъ должно увеличиться, чтобы трудъ каждаго былъ менѣе продолжителенъ; всѣ участвующіе должны немедленно составить артель для обсужденія пріемовъ, помощью которыхъ работа стала бы легче и безопаснѣе, не уменьшая количество производимыхъ предметовъ, но, въ случаѣ нужды, даже увеличивая его.

Особенное вниманіе придется обратить съ первой же минуты на работу по перевозкѣ грузовъ и людей. Въ настоящую минуту предметы первой потребности (прежде всего хлѣбъ и скотъ) существуютъ въ достаточномъ количествѣ для нуждъ населенія, но ихъ распредѣленіе, на основаніи монопольнаго хозяйства, таково, что рядомъ съ громадными складами хлѣба въ рукахъ спекуляторовъ, невдалекѣ отъ многочисленныхъ стадъ, принадлежащихъ помѣщикамъ-скотоводамъ и крупнымъ торговцамъ скотомъ, десятки тысячъ народа лишены необходимаго. Лишь перераспредѣленіе этихъ предметовъ первой потребности, орудій труда и т. под., перераспредѣленіе, совершенное съ знаніемъ положенія дѣла, мѣстныхъ потребностей, мѣстныхъ средствъ, и притомъ совершенное энергично, можетъ явиться дѣйствительною помощью большинству населенія. Къ этой перевозкѣ грузовъ для удовлетворенія первыхъ потребностей населенія должна присоединиться необходимость дѣятельныхъ сообщеній между разными частями территоріи *рабочей Россіи* для взаимной помощи противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, для согласнаго дѣйствія по внутреннимъ дѣламъ, необходимость перевозки людей въ видахъ удовлетворенія потребности общей безопасности. По этому, съ первой же минуты распоряженіе перевозочными средствами и увеличеніе удобствъ сообщеній должно сдѣлаться одною изъ главныхъ заботъ организаторовъ. Само собою разумѣется, что желѣзныя дороги, телеграфы, почты, всѣ лошади, безъ которыхъ можетъ обойтись населеніе при удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей, будутъ находиться въ рукахъ возставшаго народа. Но именно распоряженіе *этими* средствами сообщенія, которыя выходятъ изъ за горизонта дѣятельности отдѣльной общины, должно быть въ рукахъ тѣхъ группъ, которыя представляютъ элементъ солидарности *всей территоріи рабочей Россіи*. Еще невозможно составлять самостоятельную артель изъ лицъ, участвующихъ въ работѣ по этимъ отраслямъ занятій, такъ какъ значительное число этихъ лицъ, по необходимости, не ознакомилось еще съ новымъ порядкомъ вещей, и можетъ поставить въ опасное положеніе новое рабочее общество въ самыя первыя минуты его существованія. Кромѣ того, эти средства сообщенія находились большею частью въ рукахъ государства, или большихъ компаній. Что касается до общинъ и артелей, занимавшихся извозомъ, то на нихъ придется соціально-

революціонному союзу обратить самое большое вниманіе предъ революціей, чтобы эти артели и общины заключали въ своей средѣ членовъ союза или, по крайней мѣрѣ, лицъ сочувствующихъ его дѣятельности, и въ минуту революціи, добровольно отдали бы свои силы въ распоряженіе революціонныхъ группъ.

Я не стану входить въ большія подробности относительно самого механизма образованія народныхъ складовъ для существующихъ припасовъ, распредѣленія припасовъ по этимъ складамъ, устройства работъ для производства предметовъ насущной необходимости, наконецъ устройства перевозки и поддержанія всѣхъ перевозочныхъ средствъ. Полагаю, что всѣ эти пріемы могутъ быть достаточно разнообразны, смотря по мѣстности, по комбинаціи условій общественной жизни, по количеству и распредѣленію существующихъ запасовъ и рабочихъ силъ, на которыя будетъ имѣть возможность разсчитывать новое общество. Всѣ эти условія опредѣлятъ въ каждомъ частномъ случаѣ пріемы, которые придется употребить для удовлетворенія потребности населенія въ *экономическомъ обезпеченіи* и для надлежащаго руководства перевозочными средствами, необходимыми для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ потребностей. Единообразія пріемовъ при этомъ ожидать нельзя. Необходимо лишь, чтобы группы лицъ, неизбѣжно поставленныя событіями на мѣсто распорядителей этими отраслями общественной жизни, постоянно имѣли въ виду, что при всѣхъ распоряженіяхъ не можетъ быть допущено *никакихъ уступокъ* отъ общихъ началъ рабочаго соціализма, а также и то обстоятельство, что населеніе, по отношенію къ новому порядку, раздѣляется на нѣсколько весьма различныхъ категорій.

Оно состоитъ, во первыхъ, изъ лицъ, уже *подготовившихъ* себя заранѣе къ наступленію новаго порядка; во вторыхъ, изъ лицъ, *примкнувшихъ* къ революціонному движенію на разныхъ ступеняхъ его и при весьма различной степени пониманія условій новаго порядка; въ третьихъ, изъ массы рабочаго населенія, которая, по самой сущности положенія, есть *самая прочная почва* для новаго порядка, хотя въ значительной долѣ своей, вовсе не знакома съ его основными условіями и вынесла изъ стараго строя многія привычки, противурѣчащія его требованіямъ; въ четвертыхъ, изъ части прежняго паразитнаго населенія, которая вела паразитную жизнь гораздо болѣе по рутинѣ, чѣмъ по разсчету и влеченію, заключаетъ въ своей средѣ не мало *возможныхъ союзниковъ* и приверженцевъ новаго порядка, лишь только эти паразиты освоятся съ новымъ положеніемъ дѣлъ, и убѣдятся, что оно не будетъ ниспровергнуто ни сегодня, ни завтра, но представляетъ нѣчто прочное, къ чему приходится приспособиться; наконецъ, въ пятыхъ, изъ группъ лицъ, которыя безусловно *враждебны* новому порядку, по всѣмъ своимъ пріобре-

тейнымъ инстинктамъ, по всѣмъ своимъ интересамъ, разрушеннымъ революціею; изъ лицъ, которыя выработали въ себѣ и сметку и достаточную хитрость въ прежней гоньбѣ за наживою и немедленно употребятъ эту сметку и эту хитрость противъ новаго порядка, какъ только будутъ имѣть на это малѣйшую возможность безъ прямой опасности для себя. — Въ виду теоретическихъ условій и условій среды, распорядители средствами для экономическаго обезпеченія населенія должны еще ясно представить себѣ, что мѣры для этого обезпеченія *должны* быть *немедленно* приняты; что эти мѣры заключаются въ распредѣленіи запасовъ, въ устройствѣ насущныхъ работъ, въ правильномъ руководствѣ перевозочными средствами. Они должны подготовиться *заранѣе* къ принятію этихъ мѣръ, сообразно особенностямъ мѣстности, гдѣ приходится дѣйствовать. Дальнѣйшія частности этой дѣятельности, какъ зависящія отъ случайной комбинаціи условій среды, опредѣлены *вообще* быть не могутъ.

Почти всѣ пункты этихъ требованій указываютъ на необходимость внесенія въ способы экономическаг? обезпеченія населенія не малой доли *государственнаго элемента*, т. е. власти, которая должна будетъ находиться въ это время въ рукахъ группъ, входящихъ въ составъ соціально-революціоннаго союза, и представляющихъ, на основаніи организаціи этого союза, единственный связующій элементъ для всей территоріи *рабочей Россіи* въ минуту побѣды революціи. Но не должно забывать, что самое первое изъ этихъ требованій, именно требованіе проведенія въ общественную жизнь началъ рабочаго соціализма, предполагаетъ и подготовленіе будущаго строя, вполнѣ осуществляющаго эти начала, слѣдовательно, замѣняющаго во всѣхъ общественныхъ сферахъ элементъ государственной власти элементомъ свободной федераціи личностей и группъ для каждаго отдѣльнаго дѣла. Не должно забывать, что самъ соціально-революціонный союзъ долженъ быть союзомъ лицъ, усвоившихъ начала рабочаго соціализма, и убѣжденныхъ, не только въ теоретической истинѣ, но и въ нравственной обязательности этихъ началъ. По этому онъ, во первыхъ, не можетъ допустить *въ своей средѣ* существованія государстеннаго элемента, подавляющаго самостоятельную дѣятельность группъ; во вторыхъ, онъ можетъ допустить этотъ элементъ въ новомъ строѣ, состоящемъ изъ разнообразныхъ слоевъ, лишь на столько, на сколько онъ *крайне* необходимъ; въ третьихъ, во имя своихъ убѣжденій, онъ предполагаетъ самый строгій взаимный контроль относительно возможныхъ попытокъ кого либо изъ членовъ союза, или какой либо изъ группъ его, присвоить себѣ въ данной мѣстности власть, выходящую за предѣлы крайне необходимаго. Этотъ взаимный контроль группъ, составляющихъ союзъ, и невозможность въ данномъ случаѣ для лица или для группы удержаться внѣ поддержки союза, я составятъ *глав-*

ное ручательство противъ присвоенія власти и злоупотребленія ею на другой день послѣ соціальной революціи въ сферѣ дѣятельности по экономическому обезпеченію населенія.

Не входя въ излишнія подробности, которыя обусловятся частными обстоятельствами, можно, мнѣ кажется, съ нѣкоторымъ основаніемъ, представить себѣ, что организація этой сферы дѣятельности могла бы быть, въ общихъ чертахъ, такова:

Часть членовъ соціально-революціоннаго союза на данной территоріи (не должно ни на минуту забывать, что они, въ *значительномъ большинствѣ*, должны принадлежать рабочему мѣстному населенію общинъ и артелей, безъ чего вся ихъ дѣятельность стала бы и безсмысленною, и возмутительно-своевольною, да была бы и *невозможна*) составитъ то, что я назову *комитетомъ работъ и продовольствія*; т. е. они заранѣе назначаются на то, чтобы, на другой день послѣ революціи, посвятить всю свою дѣятельность экономическому обезпеченію населенія этой территоріи и распоряженію перевозочными ея средствами. У нихъ скопляются всѣ свѣдѣнія, для того нужныя, и о которыхъ сказано выше (стр. 111). Они раздѣляются на *земскій союзъ* и на надлежащее число *мѣстныхъ группъ*. Первый завѣдуетъ предметами, относящимися до всей территоріи (перевозкой, путями сообщеній, распредѣленіемъ предметовъ по складамъ и по общинамъ); послѣднія — мѣстными дѣлами.

Земскій союзъ пополняется заранѣе совершенными выборами изъ наиболѣе надежныхъ лицъ всей территоріи, хотя-бы эти лица не входили прежде въ соціально-революціонный союзъ, но принадлежали къ сочувствующимъ или даже къ лицамъ, стоявшимъ вовсе внѣ движенія, если только союзъ считаетъ ихъ заслуживающими довѣрія, честными, умными, распорядительными и знающими тѣ отрасли дѣла, которыми имъ придется заняться (извозъ, распоряженіе на станціяхъ желѣзной дороги и на поѣздахъ, работа на телеграфныхъ станціяхъ, ремонтъ и улучшеніе путей сообщенія и т. под.). Земскій союзъ самъ подраздѣляется на нѣсколько секцій, которыя связаны между собою *распорядительнымъ совѣтомъ*, каждая изъ которыхъ завѣдуетъ своимъ спеціальнымъ дѣломъ (желѣзными дорогами и телеграфами, перевозочными лошадьми и телѣгами, мостами и дорогами, и т. под.), имѣетъ своихъ представителей въ распорядительномъ совѣтѣ и группируетъ около себя сколько ей нужно наиболѣе надежныхъ лицъ изъ остальнаго рабочаго населенія территоріи. Сначала придется распредѣленіе должностей земскаго союза, вѣроятно, сдѣлать такъ: члены соціально-революціоннаго союза, находящіеся на данной территоріи, выберутъ изъ своей среды *комитетъ работъ и продовольствія*, а онъ выберетъ изъ своей среды *распорядительный совѣтъ*, который самъ пригласитъ себѣ помощниковъ, т. е. составитъ *земскій союзъ*, предоставляя остальнымъ членамъ комитета раздѣ-

литься на *местныя группы*. При выборѣ комитета работъ и продовольствія будутъ предложены къ участію въ земскомъ союзѣ и разныя лица, стоящія внѣ союза, но на отвѣтственности распорядительнаго совѣта будетъ ихъ дѣйствительное приглашеніе къ участію въ дѣлахъ. Эти выборы должны быть совершены заранѣе, чтобы члены земскаго союза, въ особенности же члены распорядительнаго совѣта, могли хорошо ознакомиться со средствами территоріи и съ ихъ распредѣленіемъ. Какъ только взрывъ произошелъ, хотя бы на одной части территоріи, распорядительный совѣтъ и земскій союзъ вступаютъ въ дѣйствіе, именно распорядительный совѣтъ назначаетъ членовъ союза для распоряженія перевозочными средствами и путями сообщенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя приступили къ *рабочей Россіи*, и приглашаетъ заранѣе выбранныхъ лицъ изъ остального населенія на опредѣленныя должности. Чрезъ опредѣленный срокъ (например̃ъ, три мѣсяца) въ собраніи представителей соціально-революціоннаго союза рѣшается, слѣдуетъ ли удержать распорядительный совѣтъ или только измѣнить его, или можно уже приступить къ болѣе правильнымъ общественнымъ формамъ для экономическаго обезпеченія населенія; если приходится удержать существующее устройство, то чрезъ опредѣленные сроки (примѣрно, такой же продолжительности) вопросъ этотъ ставится снова и снова, пока переходъ къ болѣе правильнымъ общественнымъ формамъ будетъ дѣйствительно признанъ возможнымъ. Это будетъ имѣть мѣсто, когда новый порядокъ устроится довольно прочно, территорія *рабочей Россіи* расширится и округлится, а рабочее населеніе территоріи болѣе сознательно приступитъ къ новому строю. Вмѣстѣ съ тѣмъ *комитетъ работъ и продовольствія* охватитъ мало по малу большинство рабочаго населенія. Тогда взаимное отношеніе *земскаго союза*, *распорядительнаго совѣта* и *комитета работъ и продовольствія* получитъ существенное измѣненіе. Революціонная власть *распорядительнаго совѣта*, которая есть власть меньшинства, переходитъ въ раціональное самоуправленіе большинства рабочаго населенія, составляющаго *комитетъ работъ и продовольствія*; онъ выдѣляетъ изъ своей среды *земскій союзъ* путемъ выбора для завѣдыванія *общими* дѣлами территоріи по экономическому обезпеченію населенія (именно составляя земскій союзъ изъ лицъ, болѣе спеціально знакомыхъ съ дѣломъ перевозки, съ работами по путямъ сообщенія и т. под.; изъ лицъ, по собственному желанію и по согласію товарищей идущихъ на эти занятія); земскій же союзъ, члены котораго до сихъ поръ были приглашаемы распорядительнымъ совѣтомъ, теперь выбираетъ этотъ *распорядительный совѣтъ* изъ своей среды, для болѣе удобнаго веденія дѣлъ, и можетъ смѣнять его членовъ смотря по надобности. Въ то же время и спеціализація *комитет работъ и продов.* мало по малу исчезаетъ. Когда

соціально-революціонный союзъ охватитъ самъ большинство населенія и, слѣдовательно, мало по малу потеряетъ свою обособленность, само собою разумѣется и члены *комитета работъ и продовольствія* не будутъ спеціально заниматься вопросомъ объ экономическомъ обезпеченіи населенія, но раздѣлятъ свое время между разными занятіями. Тогда, собственно, ни соціально-революціоннаго союза, ни комитета работъ и продовольствія съ его подраздѣленіями существовать уже не будетъ, а будетъ существовать среди населенія *рабочей Россіи*, сознательно поддерживающаго новые порядки, съ одной стороны, все менѣе значительное меньшинство, которому, по общему мнѣнію мѣстнаго населенія, не можетъ быть довѣрено участіе въ общихъ дѣлахъ, съ другой стороны, все болѣе свободные союзы лицъ, которые, между другими занятіями, посвящаютъ долю времени работамъ на удовлетвореніе потребностямъ общества въ средствахъ и въ путяхъ сообщенія, выбираютъ изъ своей среды комитеты распорядителей по каждой спеціальной работѣ (при чемъ члены распорядительныхъ комитетовъ этого рода могутъ быть въ то-же время совершенно рядовыми участниками въ другихъ работахъ); эти комитеты по разнымъ спеціальностямъ сносятся между собою для общаго дѣла и распоряжаются подъ общимъ контролемъ всего населенія, примкнувшаго къ новымъ порядкамъ. Пройдетъ поколѣніе; меньшинство, враждебное новымъ порядкамъ, обратится въ единицы; всякое *назначеніе* и *приглашеніе* на должности станетъ излишнимъ; свободный выборъ занятій, свободный выборъ распорядителей дѣла самими участниками, установится мало по малу во всѣхъ отрасляхъ работъ по экономическому обезпеченію населенія; и незамѣтно, изъ соціально-революціоннаго строя, организованнаго на другой день послѣ революціи съ немалою долею власти въ распорядительныхъ совѣтахъ, изгладится эта доля власти въ виду полнѣйшаго осуществленія *федеративнаго* начала рабочаго соціализма.

Подобный же процессъ можетъ совершиться еще удобнѣе въ *мѣстныхъ группахъ*. Члены соціально-революціоннаго союза, вошедшіе въ составъ *комитета работъ и продовольствія*, но не выбранные въ *распорядительный совѣтъ* или въ *земскій союзъ*, должны, какъ я уже сказалъ, *заранѣе* хорошо ознакомиться съ распредѣленіемъ средствъ и населенія въ мѣстностяхъ гдѣ они находятся, и *мѣстныя группы* должны разграничить между собою территоріальные участки, на которыхъ они имѣютъ въ виду дѣйствовать (отдѣльныя села или группы селъ, части и кварталы большихъ городовъ, округа разселенія заводскихъ рабочихъ и т. под.), при чемъ величина участковъ зависитъ конечно отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, отъ числа мѣстныхъ членовъ соціально-революціоннаго союза и т. под. Если взрывъ удался, то, какъ сказано выше (стр. 101 и слѣд.), немедленно вся земля, всѣ

существующіе склады и частное имущество объявляются общей собственностью; это рѣшеніе принимается и исполняется въ первую же минуту членами соціально-революціоннаго союза и лицами примкнувшими къ нимъ, какъ *фактическою властью* (состоящею, какъ слѣдуетъ помнить, въ *каждой* мѣстности изъ лицъ, огромное большинство которыхъ принадлежитъ къ *мѣстному рабочему населенію*) и эта же власть немедленно назначаетъ заранѣе выбранныхъ членовъ мѣстныхъ группъ *комитета работъ и продовольствія* распорядителями общественнымъ имуществомъ. Само собою разумѣется, что они, обладая готовымъ уже планомъ дѣйствія и немедленно принимая энергическія мѣры, становятся руководителями дѣла настолько-же вслѣдствіе этой самой умственной и нравственной подготовки, насколько и вслѣдствіе революціонныхъ силъ, ихъ поддерживающихъ. Тутъ главное для нихъ — не терять ни минуты и совершить захватъ и распредѣленіе всей главной массы общественнаго имущества прежде чѣмъ очнутся, застигнутыя событіями въ расплохъ и запуганныя ими лица, которыя могли бы стать за старый порядокъ во имя рутины. Но распорядители въ этомъ случаѣ должны помнить, что, какъ бы ни была энергична ихъ дѣятельность въ первую минуту, они, во первыхъ, не имѣютъ *нравственнаго права* удерживать свою диктатуру на минуту долѣе, чѣмъ это необходимо, а, во вторыхъ, распоряженія по экономическому обезпеченію населенія при соціалистическомъ строѣ совершенно *невозможны* для небольшаго числа лицъ безъ поддержки большинства населенія, которое, по самой сущности дѣла, должно участвовать и въ регулированіи прихода и расхода существующихъ запасовъ и, особенно, въ организаціи работъ, нужныхъ сейчасъ же для экономическаго обезпеченія. Экономическая диктатура членовъ мѣстныхъ группъ комитета работъ и продовольствія должна ограничиться самымъ процессомъ передачи имущества частныхъ лицъ и группъ въ общее владѣніе и заботою о наименьшей тратѣ и порчѣ этого *общаго* имущества подъ вліяніемъ разгула революціонныхъ страстей. Какъ только этотъ главный первоначальный процессъ совершился для главной массы недвижимаго имущества и для большинства движимыхъ запасовъ, *революціонная власть* мѣстныхъ группъ комит. работ. и продов., должна быть сейчасъ же передана другому органу общественной солидарности, и весь соціально-революціонный союзъ обязанъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы нигдѣ эти мѣстныя группы не удержали слишкомъ долго своего исключительнаго положенія, такъ какъ оно не только безнравственно внѣ крайней необходимости, но прямо-опасно для установленія новаго порядка.

Новый органъ общественной солидарности, который возникнетъ изъ самого хода событій, и которому, какъ сказано выше (стр. 108) „фактически“ будетъ принадлежать „рѣшеніе“ всѣхъ дѣлъ общины,

есть собственно весьма старый, традиціонный, историческій органъ общественной жизни русскаго народа. Это есть *мірской сходъ*, но получающій теперь совсѣмъ иное значеніе. Онъ обращается въ „общій сходъ самодержавной общины“, состоящій изъ „всѣхъ рабочихъ, примкнувшихъ къ возстанію“. Въ него войдутъ *немедленно* первыя двѣ изъ тѣхъ пяти категорій лицъ, составляющихъ населеніе общины, которыя указаны мною выше (стр. 114). Но въ него должно сейчасъ же пригласить *какъ можно болѣе* и лицъ третьей категоріи (изъ массы рабочаго населенія); даже полезно было бы немедленно ввести въ него небольшое число четвертой категоріи (возможныхъ союзниковъ), конечно — при внимательномъ выборѣ. Именно это приглашеніе въ „общій сходъ самодержавной общины“ тѣхъ или другихъ изъ лицъ третьей и четвертой категоріи должно быть послѣднимъ актомъ революціонной власти лицъ соціально-революціоннаго союза. За тѣмъ вліяніе мѣстныхъ группъ ком. раб. и продов. на общинныя дѣла должно зависѣть *только* отъ ихъ большей подготовленности къ насущнымъ вопросамъ, отъ ихъ лучшаго пониманія задачъ рабочаго соціализма, отъ ихъ большей энергіи, отъ ихъ преданности новому порядку. На основаніи *этихъ* преимуществъ они должны руководить рѣшеніями схода, но регулированіе прихода и расхода въ складахъ, распредѣленіе необходимыхъ работъ, сообщенія съ другими общинами, съ распорядительнымъ совѣтомъ, съ земскимъ союзомъ и т. под. должны быть опредѣлены постановленіями общиннаго схода. Члены революціоннаго союза, въ немъ находящіеся, должны употреблять всѣ усилія, чтобы мало по малу ввести въ этотъ сходъ *всѣхъ рабочихъ* и уменьшить по возможности четвертую категорію лицъ (возможныхъ союзниковъ) вовлекая ихъ большею частію, въ рабочую жизнь общины (слѣдовательно, переводя въ участниковъ общаго схода) и выбрасывая остальную долю въ ряды пятой категоріи (признанныхъ враговъ новаго порядка), которая обречена на постепенное стѣсненіе и вымираніе.

Какъ только „общій сходъ самодержавной общины“ охватилъ все населеніе ея, кромѣ признанныхъ враговъ новаго порядка, государственный элементъ въ распоряженіяхъ по экономическому обезпеченію населенія можетъ быть уже доведенъ до весьма небольшаго минимума: всѣ участвуютъ въ распоряженіяхъ работами и запасами; всякій подчиняется лишь рѣшенію, въ которомъ свободно участвовалъ; преобладаніе одного надъ другимъ на сходѣ зависитъ лишь отъ умственнаго и нравственнаго превосходства, а не отъ какого либо экономическаго давленія, и даже злоупотребленіе этого преобладанія устраняется строгимъ взаимнымъ контролемъ наиболѣе развитыхъ членовъ общинъ (о чемъ ниже).

Сначала большинство членовъ общинъ будетъ участвовать лишь въ общинныхъ дѣлахъ, дѣла же общія будутъ въ рукахъ земскаго союза, какъ сказано выше. За тѣмъ мало по малу значительное

число лицъ будетъ принимать участіе и въ тѣхъ и другихъ, употребляя долю своего времени на работы экономическаго обезпеченія мѣстнаго населенія, другую долю на работы связывающія разныя мѣстности (перевозку и пути сообщенія). Тогда экономическая солидарность обширной территоріи, осуществленная сначала лишь *теоретически* въ соціально-революціонномъ союзѣ, осуществляемая за тѣмъ *революціонно* исключительною дѣятельностію земскаго союза, будетъ наконецъ осуществляться *раціонально* свободнымъ участіемъ всего населенія территоріи какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ общихъ работахъ по своему экономическому обезпеченію. Съ постепеннымъ уясненіемъ для всего населенія началъ рабочаго соціализма, съ переходомъ ихъ въ обычный строй мысли и въ обычный порядокъ жизни, всякое принудительное рѣшеніе „схода самодержавной общины“ станетъ излишнимъ; вся экономическая дѣятельность, какъ мѣстная, такъ и связующая разныя мѣстности, станетъ свободною; и небольшой минимумъ государственнаго элемента, остававшійся за общиннымъ сходомъ, будетъ мало по малу совсѣмъ устраненъ, точно такъ же, какъ временная экономическая диктатура мѣстныхъ группъ комитета работъ и продовольствія должна будетъ исчезнуть еще ранѣе предъ самодержавіемъ общиннаго схода, сначала болѣе тѣснаго, но за тѣмъ распространившагося на все рабочее населеніе.

Ограничиваюсь сказаннымъ относительно участія государственнаго элемента въ способахъ экономическаго обезпеченія населенія на другой день послѣ революціи и относительно постепеннаго измѣненія этого элемента — въ количествѣ и въ качествѣ — при переходѣ отъ соціально-революціонныхъ порядковъ къ положенію дѣлъ, воплощающему начала рабочаго соціализма.

Можно было бы подумать, что удовлетвореніе потребности *общественной безопасности* въ строѣ, который возникнетъ на другой день послѣ соціальной революціи, потребуетъ бо́льшей доли элемента государственной власти, чѣмъ удовлетвореніе потребности экономическаго обезпеченія, но едва ли это можно допустить; напротивъ, не отвергая что и здѣсь придется удѣлить ему нѣкоторую долю, я полагаю, что, для прочнаго установленія въ будущемъ обществѣ началъ рабочаго соціализма, ни въ одной отрасли общественной жизни послѣ революціи нельзя допустить и половины той диктаторіальной власти, которою по неволѣ приходится облечь, въ экономическомъ отношеніи, соціально-революціонный союзъ,—состоящій въ большинствѣ изъ рабочаго народа, какъ я уже нѣсколько разъ напоминалъ, — вслѣдствіе того, что привычка и влеченіе вплели такъ сильно частную собственность во всѣ проявленія жизни большинства населенія и что тутъ разрывъ съ прошлымъ долженъ быть совершенъ *разомъ*.

При обезпеченіи безопасности на территоріи *рабочей Россіи* на

другой день послѣ революціи, приходится имѣть въ виду слѣдующія опасности, которыя существуютъ для новаго строя:

1) Прежде всего, въ немъ присутствуютъ остатки паразитовъ стараго общества, которые, по самому своему положенію, враждебны новому порядку.

2) Огромное большинство лицъ, составляющихъ новое общество, (именно всѣ категоріи лицъ, кромѣ первой, перечисленныя на стр. 114) вовсе не усвоило себѣ началъ рабочаго соціализма; кромѣ того всѣ участники новаго строя выросли въ старомъ, и перенесли изъ него въ новый строй привычки и влеченія прежняго времени; слѣдовательно, неясное пониманіе, привычки и страсти могутъ безпрестанно вызывать членовъ новаго строя къ дѣйствіямъ, опаснымъ для новаго порядка.

3) Лица соціально-революціоннаго союза, которыя, вслѣдствіе хода революціи, стали властію въ общинахъ и на болѣе обширныхъ территоріяхъ, могутъ поддаться развращающему вліянію своего положенія и злоупотребить своею революціонною властію, или присвоить ее себѣ въ ненадлежащихъ размѣрахъ, (или удержать ее долѣе, чѣмъ это необходимо.

4) Наконецъ *рабочей Россіи* вообще грозитъ непрерывная опасность извнѣ, изъ императорской и капиталистической Россіи, и изъ другихъ сосѣднихъ государствъ, гдѣ, къ этому времени, не совершился еще соціальный переворотъ.

Относительно первыхъ двухъ опасностей можетъ показаться съ перваго взгляда, что всего удобнѣе устранить ихъ привычными пріемами стараго общества: составить кодексъ соціалистическихъ законовъ съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ „о наказаніяхъ"; выбрать изъ среды наиболѣе надежныхъ лицъ (преимущественно изъ членовъ соціально-революціоннаго союза, конечно) коммиссію „общественной безопасности" для суда и расправы; организовать корпусъ общинной и территоріальной полиціи изъ сыщиковъ, разнюхивающихъ нарушенія закона, и изъ охранителей благочинія, наблюдающихъ за „порядкомъ"; подчинить людей „завѣдомо опасныхъ" соціалистическому полицейскому надзору; устроить надлежащее количество тюремъ а, вѣроятно, и висѣлицъ, съ соотвѣтственнымъ персоналомъ соціалистическихъ тюремщиковъ и палачей; и за тѣмъ, для осуществленія *соціалистической легальной справедливости*, пустить въ ходъ всю эту обновленную машину стараго времени во имя началъ *рабочаго соціализма*.

Не знаю, какъ это можетъ показаться иному читателю, но я нахожу, что подобный „удобный" (какъ все привычное и рутинное) пріемъ представляетъ болѣе опасности для общества, имѣющаго въ виду организоваться по началамъ рабочаго соціализма, чѣмъ всевозможные враги внутренніе и внѣшніе, всевозможныя увлеченія личной страсти и всевозможные безпорядки.

Онъ опасенъ особенно въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ,

потому что онъ развращаетъ мысль членовъ новаго общества, соединяя въ ней понятіе о справедливости (нравственной цѣли новаго общества) съ явленіями, не заключающими въ себѣ и слѣда какого либо нравственнаго побужденія; во вторыхъ, потому что онъ съ самаго начала новаго строя пріучаетъ считать цѣлесообразными такіе пріемы, изъ которыхъ выросло большинство вредныхъ элементовъ стараго общества и изъ которыхъ такъ же можетъ вырости едвали искоренимое зло и въ новомъ строѣ.

Человѣчество, какъ все сущее, участвуетъ въ борьбѣ за существованіе, и въ эту борьбу входятъ всѣ способы огражденія безопасности; но оно, вмѣстѣ со многими высшими животными, ведетъ еще борьбу за увеличеніе своихъ наслажденій, наконецъ небольшое меньшинство его борется за развитіе (свое и чужое), за воплощеніе въ жизнь своихъ убѣжденій. *Справедлива* только послѣдняя борьба; вторая — *эгоистична* и совершается подъ вліяніемъ *аффектовъ*; борьба же за существованіе *фатальна* и происходитъ исключительно подъ давленіемъ *необходимости*. Всѣ средства, употребляемыя личностями и обществами для огражденія своей безопасности могутъ опираться *только* на аргументъ *необходимости*. Тѣмъ не менѣе старое общество надѣло на нихъ маску справедливости, увѣрило себя, что они суть именно воплощенія спрведливости, и тѣмъ самымъ сдѣлало невозможнымъ для большинства своихъ членовъ пониманіе *дѣйствительной* справедливости и воплощенія ея въ общественныя формы. Если новое общество хочетъ на самомъ дѣлѣ воспроизвести въ своихъ формахъ справедливость, то оно должно прежде всего, устранить эту двусмысленность и прямо сознаться, что такія то дѣйствія оно совершаетъ въ виду *безопасности* лицъ, группъ и всего общественнаго цѣлаго, не ставя себѣ при этомъ никакой *нравственной* цѣли (развитія личнаго и общественнаго), но лишь по *необходимости*, и стремясь придать этимъ дѣйствіямъ возможно бо́льшую *цѣлесообразность*, какъ *единственное* условіе ихъ опредѣляющее. Затѣмъ останутся другія дѣйствія, имѣющія въ виду *развитіе* личное и общественное, и къ нимъ однимъ можетъ уже прикладываться критерій *справедливаго*.

Становясь на эту точку зрѣнія приходится признать, что кодексы, система наказаній и формы судопроизводства, полиція сыщиковъ и полиція благочинія, тюрьмы и палачи, словомъ всѣ формы и проявленія *легальной* обороны общества отъ его враговъ и отъ его непокорныхъ членовъ, входятъ *исключительно* въ сферу дѣятельности, совершающейся въ виду личной и общественной безопасности, въ сферу борьбы за существованіе и потому могутъ быть оцѣнены исключительно по степени своей *цѣлесообразности*. Если тѣ же цѣли безопасности могутъ быть достигнуты при меньшемъ расходѣ общественныхъ силъ, и пріемами, незаключающими въ себѣ элементовъ столь враждебныхъ соціа-

лизму какъ старыя формы *легальности*, то нѣтъ причины удерживать эти формы и не замѣнить ихъ другими, болѣе простыми пріемами. Приписывать же этимъ формамъ какую либо долю *нравственнаго* достоинства, какой либо *присущій* имъ элементъ *справедливости*, это — упрочивать заблужденіе о *дѣйствительномъ* смыслѣ справедливости, слѣдовательно, подвергать опасности ея осуществленіе въ будущемъ обществѣ.

Эта опасность теоретическаго извращенія понятія о справедливости, при рутинномъ смѣшеніи ея съ легальными формами, сопровождается и опасностью укорененія въ общественномъ строѣ привычекъ, противудѣйствующихъ развитію именно тѣхъ сторонъ жизни, которыя совершенно необходимы въ новомъ строѣ. Установленіе *спеціальныхъ* занятій судебною и полицейскою практикою неизбѣжно вызываетъ, съ одной стороны, образованіе меньшинства, которое вырабатываетъ въ себѣ особенную склонность къ юридическому формализму и къ стѣсненію воли другихъ; меньшинства, которое мало по малу присвоиваетъ себѣ эти функціи и становится центромъ *привычной* государственной дѣятельности, какъ подобныя же функціи въ первые періоды исторіи послужили основою развитія государственнаго элемента (ср. стр. 20 и слѣд.). Эта спеціализація вызываетъ, съ другой стороны, въ большинствѣ личностей стремленіе смотрѣть на общественную безопасность, какъ на дѣло *чужое*, о которомъ заботятся спеціально назначенные на это люди, между тѣмъ какъ все общество, стоящее внѣ этой спеціальности, можетъ предаваться лишь дѣламъ болѣе близко связаннымъ съ непосредственнымъ интересомъ личности. Но именно это настроеніе духа всего сильнѣе подрываетъ чувство общественной солидарности, которое *одно* можетъ служить основою будущему строю. Оно точно также противудѣйствуетъ выработкѣ личной энергіи, рѣшимости осуществлять свою мысль собственною дѣятельностью и принимать въ каждую минуту на себя отвѣтственность за свои дѣйствія, тогда какъ свободныя федераціи, на которыхъ долженъ опираться *весь* строй будущаго общества, требуютъ отъ личности именно этихъ качествъ. Я уже говорилъ выше (стр. 82) что „привычка къ самостоятельнымъ и энергическимъ рѣшеніямъ въ личности и въ небольшой свободной группѣ должна будетъ вырабатываться... съ *первой же минуты* когда... придется приступить къ построенію новаго общества на началахъ рабочаго соціализма.“ Точно также съ первой же минуты должно вырабатываться и укрѣпляться въ личностяхъ чувство общественной солидарности, вслѣдствіе котораго, *каждый* долженъ смотрѣть на общественную безопасность, какъ на *свое* личное, самое близкое ему дѣло, и долженъ быть въ *каждую* минуту готовъ отдать свое время и свои силы на это дѣло, быстро обдумывая цѣлесообразность своихъ дѣйствій на общую пользу и принимая на себя полную отвѣтственность за свои дѣйствія.

Если приходится совсѣмъ устранить вопросъ о *справедливости* тѣхъ или другихъ общественныхъ формъ и дѣйствій при обезпеченіи безопасности лица и общества; если мѣры, при этомъ принимаемыя, должны быть прежде всего *цѣлесообразны*; если установленіе старыхъ легальныхъ формъ суда, наказанія и полиціи оказывается *безусловно вреднымъ* для общества въ смыслѣ развитія въ немъ началъ рабочаго соціализма; если важно для этого самаго развитія вызвать въ каждой личности, участвующей въ новомъ строѣ, возможно болѣе заботливости объ общемъ дѣлѣ и возможно болѣе энергіи въ принятіи самостоятельныхъ рѣшеній при этой заботливости — то для удовлетворенія потребности общественной безопасности, какъ я думаю, могутъ быть употреблены способы, вполнѣ соотвѣтствующіе этимъ условіямъ.

Сѣверная Америка, гдѣ личная энергія наиболѣе выработалась въ наше время, и гдѣ личная самостоятельность наименѣе подавлена государственнымъ элементомъ, даетъ намъ нѣкоторыя указанія на эти способы. Тамъ очень часто составляются внѣлегальныя ассоціаціи для противодѣйствія какому нибудь закону на свою отвѣтственность, для быстраго удаленія опасности (дѣйствительной или воображаемой), противъ которой законъ не даетъ оружія или даетъ оружіе слишкомъ медленное и т. под. Конечно, въ *современномъ* обществѣ, преслѣдующемъ интересы личнаго обогащенія, охраненія монополій, или возбужденнаго весьма-отсталыми вѣрованіями — эта энергическая самодѣятельность проявляется и должна проявляться въ весьма отвратительныхъ формахъ: судъ Линча вѣшаетъ вора или разбойника; лица, живущія не по установленной рутинѣ, подвергаются оскорбленіямъ, истязаніямъ, раззоренію; секта, возмущающая своими вѣрованіями большинство, преданное столь же нелѣпымъ, но *инымъ* вѣрованіямъ, изгоняется изъ данной мѣстности и т. подоб. Но дѣло не въ этомъ: при данныхъ противуобщественныхъ принципахъ (экономической и семейной монополіи, религіозной нетерпимости и т. под.), господствующихъ въ данной мѣстности, всевозможныя формы жизни будутъ вызывать гибель опредѣленнаго числа жертвъ и совершеніе безнравственныхъ, возмутительныхъ дѣйствій; можно доказать, что существующія юридическія формы приносятъ Молоху легальнаго права не менѣе жертвъ, прославляютъ его не менѣе безнравственнымъ и возмутительнымъ культомъ, чѣмъ судъ Линча и всѣ безобразія *нелегальной* народной расправы. Зло послѣдней въ настоящее время коренится не въ ея формахъ, а въ сущности принциповъ современнаго строя.

И при господствѣ новаго соціально-революціоннаго строя — періодъ котораго можно считать съ минуты побѣды пролетаріата до полнаго огражденія новаго строя отъ главныхъ опасностей, ему грозящихъ — отстаиваніе общественной безопасности вызоветъ жертвы, страданія лицъ, которыя будутъ считаться опас-

ными, вызоветъ явленія, которыя могутъ быть подведены только подъ рубрику *необходимости*, но никакъ не подъ рубрику *нравственности* и *справедливости*. Количество ненужнаго зла, которое при этомъ произойдетъ для лицъ, будетъ зависѣть всего болѣе отъ *общаго* нравственнаго развитія господствующихъ группъ и лишь въ незначительной степени отъ формъ, въ которыхъ будетъ нанесено это зло. Но для развитія общества по началамъ рабочаго соціализма весьма существенно, чтобы формы общественной жизни не вносили въ новый міръ элементовъ, противурѣчащихъ этимъ началамъ, но вносили въ него элементы имъ содѣйствующіе. Слѣдовательно, едва ли не лучше заботу о безопасности общества и личностей, какъ отъ присутствующихъ въ обществѣ враждебныхъ элементовъ, такъ и отъ проявленій въ средѣ лицъ, примкнувшихъ къ новому порядку, старыхъ влеченій и привычекъ, предоставить не какому либо *спеціальному учрежденію*, но *свободной иниціативѣ* группъ, входящихъ въ составъ новаго строя, — прямой *народной расправѣ*.

Забота о безопасности отъ враговъ настолько присуща каждому, что во всѣхъ случаяхъ, когда человѣку невозможно разсчитывать на чужую опеку въ этомъ отношеніи, онъ непремѣнно самъ подумаетъ о принятіи надлежащихъ мѣръ для своего обезпеченія. По этому полицейскій надзоръ за предполагаемыми или дѣйствительными враждебными элементами на территоріи будетъ весьма дѣйствителенъ, если онъ будетъ дѣломъ самого побѣдившаго населенія. Лишенные всѣхъ своихъ экономическихъ средствъ, не имѣя въ рукахъ оружія, не имѣя участія въ дѣлахъ общины или территоріи, существуя лишь при помощи благотворительности побѣдителей (если общество приметъ относительно новыхъ *неспособныхъ* то рѣшеніе, которое выше — на стр. 110 — названо „благоразумнѣйшимъ“), находясь подъ гнетомъ общественнаго подозрѣнія, элементы, враждебные новому порядку, имѣютъ мало вѣроятности сдѣлаться опасными общественному строю даже при слабомъ надзорѣ, но всѣ примѣры политическихъ революціонныхъ движеній скорѣе ведутъ къ мысли, что надзоръ *общества* за ними будетъ несравненно строже, чѣмъ надзоръ какой угодно спеціальной полиціи.

Огражденіе безопасности личностей и группъ отъ проявленія привычекъ и влеченій стараго общества въ членахъ новаго строя, будетъ, конечно, труднѣе. Старое общество, со своими кодексами, судами, полиціею и системою наказаній, не развило въ личностяхъ обязанности взаимнаго контроля, а та сила *общественнаго мнѣнія*, которая должна сдерживать подобныя проявленія при дальнѣйшемъ фазисѣ развитія соціалистическаго строя, (см. стр. 60 и слѣд.) еще не образовалась. На бывшихъ членахъ соціально-революціоннаго союза, какъ на личностяхъ, наиболѣе ясно понимающихъ требованія рабочаго соціализма, слѣдовательно наиболѣе

чуткихъ къ поступкамъ, которые подрываютъ общественную солидарность, высказываютъ склонность къ монополіи, къ эгоистической эксплуатаціи другихъ, къ установленію неравенства — на нихъ, какъ на людяхъ, которымъ должно быть наиболѣе дорого осуществленіе принциповъ за которые они боролись — лежитъ обязанность побѣдить эту трудность. Добровольно подчиняясь самому строгому взаимному контролю (о чемъ ниже), они должны — не какъ особое учрежденіе, но какъ частныя лица — взять на себя обязанность постоянно будить въ общинѣ чуткость къ поступкамъ опаснымъ для общественной связи и для общественнаго развитія. Они должны составлять *собственной инниціативой* группы, которыя будутъ сдерживать порывы страсти и эгоистическихъ влеченій въ личностяхъ, группы, которыя будутъ стоять на стражѣ развитія общественной солидарности, группы, которыя будутъ физическою силою принуждать увлекающихся соблюдать общественныя начала, ими признанныя; въ случаѣ-же поступка, который предупредить будетъ невозможно, но который возбудитъ общественное негодованіе, эти самыя группы, опять таки по собственной иниціативѣ, примутъ относительно общественнаго преступника тѣ мѣры, которыя они найдутъ въ данномъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразными.

Конечно, при этой общественной *самодѣятельности* въ отношеніи мѣръ общей безопасности, можно предвидѣть не столько невниманіе къ враждебнымъ элементамъ, сколько ненужную жестокость въ отношеніи къ нимъ; не столько снисхожденіе къ проступкамъ противъ новыхъ началъ, сколько излишнюю суровость и страстность въ преслѣдованіи этихъ проступковъ. Это, дѣйствительно, одна изъ большихъ опасностей всякаго революціоннаго движенія. Оно возбуждаетъ страсти и при этомъ теряется чувство мѣры; оно ставитъ на алтарь принципы, и при этомъ легко упустить изъ виду неизбѣжныя слабости личностей. Ни одна серьезная революція не можетъ совершиться безъ пролитія крови, частью ненужнаго; невозможно будетъ вполнѣ сдержать пролетаріатъ, раздраженный въ продолженіи длиннаго періода безсовѣстною эксплуатаціею и варварскими притѣсненіями, отъ нѣкоторыхъ проявленій мести въ первую-же минуту. Но всякій, серьезно желающій, чтобы соціальная революція повела какъ можно скорѣе къ прочному основанію солидарнаго общежитія, долженъ употребить всѣ свои усилія, чтобы проявленія народнаго возмездія, каковы бы они ни были *въ самую минуту* революціи, прекратились *на другой же день* послѣ побѣды пролетаріата. Всякая *ненужная* жестокость къ врагамъ, на другой день послѣ побѣды, только подрываетъ нравственное значеніе общежитія, которое должно сдѣлаться воплощеніемъ справедливости, и потому должно дать *наименьшую возможную долю* необходимости. Всякая *ненужная* суровость къ преступнику противъ началъ, которыя

онъ не успѣлъ вполнѣ усвоить, подрываетъ солидарность новаго общества. Поэтому одна изъ важныхъ нравственныхъ обязанностей, лежащихъ на членахъ соціально-революціоннаго союза, вслѣдствіе лучшаго усвоенія ими началъ рабочаго соціализма и вслѣдствіе того руководства событіями, которое имъ усвоиваетъ ихъ бо́льшая подготовленность къ этимъ событіямъ, заключается тоже въ ихъ обязанности оградить новый строй отъ подрыва его нравственнаго значенія, отъ подрыва его солидарности *ненужными* увлеченіями общества въ борьбѣ за свою безопасность противъ внутреннихъ враговъ и противъ неизбѣжной отрыжки старыхъ привычекъ и влеченій.

Такимъ образомъ, члены соціально-революціоннаго союза, не въ видѣ особой легальной власти, но какъ самостоятельныя и равноправныя личности, должны собственною иниціативою устроить общественный надзоръ въ виду личной и общественной безопасности; должны, во первыхъ, употребить свое нравственное вліяніе на организацію тѣхъ общественныхъ мѣръ, выходящихъ изъ свободной иниціативы личности, которыя предупреждаютъ дѣйствія, опасныя для лицъ или для общества, или воплощаютъ въ себѣ общественное негодованіе за эти дѣйствія; во вторыхъ, и одновременно съ первымъ, это-же самое нравственное вліяніе должно сдерживать всякую ненужную жестокость и суровость внутри самаго общества. Люди, которымъ досталась на долю завидная историческая роль окончательныхъ подготовителей новаго строя, несутъ на себѣ отвѣтственность и за охраненіе его какъ отъ небрежнаго отношенія къ его началамъ, такъ и отъ всякихъ излишествъ. Внимательное исполненіе ими своихъ разнообразныхъ обязанностей въ эту самую критическую для рабочаго соціализма эпоху, которая наступитъ на другой день послѣ побѣды пролетаріата, можетъ быть поддержано лишь самымъ строгимъ взаимнымъ контролемъ, который они должны *добровольно* признать необходимымъ въ своей средѣ.

Онъ тѣмъ болѣе необходимъ, что члены соціально-революціоннаго союза, какъ я уже нѣсколько разъ сказалъ, фактически образуютъ *власть* въ минуту революціи и на другой день послѣ нея, а сдѣлавшись властью, весьма могутъ злоупотребить ею сознательно или безсознательно. Они составятъ распорядительные совѣты и вліятельное меньшинство въ земскихъ союзахъ, на общинныхъ сходахъ, большинство мѣстныхъ группъ комитета работъ и продовольствія (см. выше, стр. 116). Они, какъ я только что сказалъ, примутъ на себя иниціативу всѣхъ мѣръ безопасности. Мы увидимъ ниже, что на нихъ же, большею частью, будетъ лежать забота о мѣрахъ по общественному развитію. Въ ихъ рукахъ будутъ общественныя сношенія. Конечно, они не составятъ ни касты, ни бюрократической группы, во первыхъ, потому, что они, въ большинствѣ, принадлежатъ традиціоннымъ

народнымъ группамъ; ихъ вліяніе зависитъ только отъ ихъ связи съ этими группами; во вторыхъ, потому, что разнообразныя общественныя функціи, упадающія на ихъ долю, не составляютъ исключительнаго ихъ дѣла, но, прежде всего, эти руководители общества остаются работниками среди работниковъ, и осуществляютъ на практикѣ начало равнаго достоинства всѣхъ родовъ труда мышечнаго и головнаго, начало обязанности для *всѣхъ*, по возможности, участвовать въ томъ и въ другомъ; въ третьихъ, и потому, что въ бо́льшей части ихъ общественныхъ функцій, ихъ вліяніе зависитъ не отъ обособленнаго положенія *распорядителей*, но только отъ ихъ нравственнаго и умственнаго превосходства, происходящаго отъ ихъ большей подготовленности къ событіямъ, отъ ихъ болѣе ясваго пониманія задачъ рабочаго соціализма и ихъ бо́льшей преданности дѣлу соціальной революціи. Все это такъ, и только эти условія дѣлаютъ возможнымъ для нихъ сколько нибудь удовлетворительное выполненіе ихъ разнообразныхъ и трудныхъ обязанностей; но тѣмъ не менѣе всѣ эти люди выросли въ *старомъ* обществѣ, неизбѣжно несутъ на себѣ неизгладимые слѣды старыхъ условій жизни, и потому лишь строгій взаимный контроль можетъ оградить ихъ отъ вольныхъ и невольныхъ увлеченій, которыя могутъ выразиться тою опасностью для общества, которую я выше (стр. 122) обозначилъ номеромъ третьимъ.

Отъ нравственнаго достоинства и отъ нравственной состоятельности этихъ людей зависитъ, въ значительной долѣ, болѣе или менѣе правильное развитіе новаго строя. Они должны это понимать, если они понимаютъ важность наступающей минуты и важность своей роли въ этихъ событіяхъ. Предъ *этимъ* дѣломъ вопросъ о личной независимости, о самолюбіи, даже о личной безопасности долженъ для людей убѣжденныхъ отступить на второй планъ. По этому мнѣ кажется, что наканунѣ революціи они должны *добровольно* подчиниться строгому взаимному контролю. Его можно было бы устроить слѣдующимъ образомъ:

Допустимъ, что союзъ заранѣе былъ раздѣленъ на секціи, группированныя въ федераціи, которыя сами входили въ составъ союза съ тою или другою организаціею конгрессовъ, федеральныхъ съѣздовъ, центральныхъ и федеральныхъ комитетовъ и т. подобн. (объ этомъ въ слѣдующей главѣ). Какова бы ни была самостоятельность или подчиненность секцій въ отношеніи къ высшимъ группамъ, и отдѣльныхъ членовъ въ отношеніи къ секціямъ въ продолженіе *подготовленія* революціи, но при ея *наступленіи* опасность увлеченія со стороны личностей или группъ, въ смыслѣ, подрывающемъ начала рабочаго соціализма, настолько серьезна, что должна бы заглушить всѣ прочія соображенія. Секціи должны получить безусловную власть—или предупредить своего члена, отступающаго отъ началъ, которыя онъ

написалъ на своемъ знамени, или даже просто исключить его изъ своей среды и отнять у него право на участвованіе въ какой либо руководящей общественной группѣ, и онъ долженъ заранѣе обязаться *подчиняться* этому приговору. Въ случаѣ неисполненія этого обязательства, на себя *добровольно* принятаго, онъ долженъ быть *устраненъ* тѣмъ или другимъ способомъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ. Конечно, подчинившись приговору секціи, членъ можетъ протестовать противъ него, при чемъ въ предвидѣніи подобныхъ случаевъ, можетъ быть установленъ въ союзѣ особенной пріемъ созыва апеляціоннаго разбирательства между осужденнымъ и секціей, его осудившей. Должны быть приняты мѣры и на случай, когда секція, вслѣдствіе вліянія на нее одного изъ ея членовъ, или будетъ снисходительна къ нарушенію имъ своей обязанности охраненія началъ рабочаго соціализма, или въ цѣломъ своемъ составѣ дозволитъ себѣ нарушеніе этихъ началъ. Подробное развитіе этихъ мѣръ, пріемовъ взаимнаго контроля, рѣшеній, которыя должны быть при этомъ приняты, и способовъ ихъ исполненія, было бы неумѣстно, такъ какъ все это обусловливается частными обстоятельствами мѣстности, распредѣленія личностей, нравственнаго значенія проступка и степенью опасности имъ вызванной. Дѣло не въ формализмѣ, а въ серьезномъ пониманіи задачъ рабочаго соціализма и подрывающихъ его дѣйствій, дѣло — въ энергической рѣшимости осуществить эти начала. Всякій позывъ къ монополіи общественной собственности, къ присвоенію за предѣлами необходимости, всякая попытка къ уклоненію отъ общаго труда, отъ службы обществу *всѣми* своими силами, всякое злоупотребленіе своею властью будетъ *преступленіемъ* въ рядахъ тѣхъ, которые яснымъ пониманіемъ подготовились къ великой минутѣ соціальной революціи, долженствующей осуществить начала рабочаго соціализма. Всякая небрежность въ заботѣ объ общественной безопасности, или въ предупрежденіи *ненужной* жестокости, подрывающей нравственное значеніе новаго строя и общественную солидарность, будетъ болѣе или менѣе важнымъ *проступкомъ* для лица, болѣе другихъ подготовленнаго къ событіямъ и къ пониманію ихъ значенія въ развитіи будущаго общества. Чѣмъ болѣе должны остерегаться ненужной жестокости строители новаго порядка въ отношеніи къ безсильнымъ остаткамъ стараго міра, которые не по своей винѣ находились въ другомъ лагерѣ и которыхъ жизнь въ новой средѣ можетъ переработать въ полезный элементъ новаго общества; чѣмъ снисходительнѣе они могутъ быть къ лицамъ, примкнувшимъ къ новому порядку при недостаточной подготовкѣ къ нему и невольно поддающимся привычкамъ стараго міра; тѣмъ строже и неумолимѣе должны быть одинъ къ другому тѣ, которые сознательно и съ достаточною подготовкою стали въ ряды борцовъ за новый порядокъ. Сознательные борцы

за начала рабочаго соціализма составляютъ неизбѣжно *власть* въ новомъ обществѣ, но *потому именно* не могутъ ни желать ни ожидать для себя *никакого снисхожденія* отъ своихъ товарищей при нарушеніи этихъ началъ. Какъ только они оказываются несостоятельны въ своей важной роли, они должны быть отъ нея удалены; какъ только они измѣняютъ ей и становятся опасны для рабочаго соціализма, для нихъ нѣтъ болѣе мѣста въ новомъ мірѣ. Эту тяжелую отвѣтственность за свою дѣятельность должны нести члены прежняго соціально-революціоннаго союза во все время, пока для нихъ необходимо играть въ обществѣ роль руководителей и пользоваться своей дореволюціонной организаціей для временной поддержки противъ инерціи, непониманія и увлеченія, около нихъ господствующаго. По мѣрѣ того, какъ общество вживается въ новые порядки, по мѣрѣ того, какъ ихъ вліяніе становится менѣе существеннымъ, ихъ вмѣшательство менѣе нужнымъ и они сами становятся обычными единицами въ ряду другихъ, по мѣрѣ этого и взаимный контроль со всѣми его послѣдствіями станетъ менѣе необходимымъ оружіемъ для безопасности общества; какъ *чисто революціонное* оружіе, онъ исчезнетъ съ концомъ революціоннаго періода, когда самый фактъ соціально-революціоннаго союза прежнихъ борцовъ и подготовителей сдѣлается историческимъ воспоминаніемъ, а общество вступитъ въ періодъ мирнаго развитія началъ рабочаго соціализма, усвоенныхъ огромнымъ большинствомъ новаго поколѣнія.

Я не долго остановлюсь на тѣхъ мѣрахъ, которыя должно принять общинамъ, вошедшимъ въ составъ *рабочей Россіи*, для огражденія безопасности всей ея территоріи отъ *внѣшнихъ* враговъ, такъ какъ условія положенія слишкомъ ясно указываютъ на способы, которыми придется дѣйствовать, и, при всемъ отличіи *чисто-народной* войны соціалистическаго общества съ его противниками отъ всѣхъ войнъ прежняго типа, все таки условія техники военнаго дѣла вызываютъ и здѣсь потребность достаточно-централизованной власти и подчиненія этой власти, довольно близкую къ той, которая существовала при всѣхъ войнахъ, имѣвшихъ мѣсто съ начала міра.

Конечно, *чисто-народная* война соціалистовъ съ ихъ противниками не можетъ вызвать генеральныхъ сраженій со всею тактическою обстановкою, которая обусловливается теперь военною организаціею государствъ, вступающихъ въ столкновеніе. „Битва при березѣ“, воспѣтая Фрейлигратомъ, останется достояніемъ мечты поэта. Соціалистическая пропаганда должна проникнуть въ войско враговъ и деморализировать его, какъ войско, прежде чѣмъ начнется настоящая борьба. Въ № 29 „Впередъ“ (стр. 139) было сказано:

„Единственную опору противъ соціально-революціоннаго взрыва будетъ имѣть настоящій порядокъ въ *войскѣ*. Революціонная организація должна *заранѣе* расшатать эту опору, на сколько это возможно. Она должна имѣть среди солдатъ *своихъ членовъ*; она должна имѣть между ними *сочувствующихъ*, чтобы въ данную минуту одни, хотя бы немногіе, прямо перешли въ ряды возставшаго народа, другіе, въ *большемъ числѣ*, не рѣшились дѣйствовать противъ народа. При современномъ военномъ строѣ, гдѣ все зависитъ отъ *коллективнаго* дѣйствія, а личная иниціатива солдатъ играетъ совершенно ничтожную роль, достаточно не особенно значительнаго числа *своихъ* и *сочувствующихъ* въ батальонѣ, эскадронѣ или баттареѣ, чтобы сдѣлать изъ этихъ боевыхъ единицъ ни на что не годную массу людей въ рукахъ власти."

По этому приходится имѣть въ виду боевыя столкновенія лишь съ отдѣльными отрядами, которые случайно или по бо́льшей энергіи начальниковъ, остались бы незатронутыми въ достаточной степени соціалистическою пропагандою. Въ этомъ случаѣ условіе побѣды для народа заключается въ томъ, чтобы противу непріятельскихъ отрядовъ удалось концентрировать значительно-преобладающія народныя массы; чтобы эти отряды встрѣчали систематически расположенныя засады, были бы лишены всякаго отдыха внезапными тревогами: чтобы небольшое число искусныхъ стрѣлковъ выводило изъ непріятельскаго строя начальствующихъ лицъ; вообще важно, чтобы военныя дѣйствія ведены были согласно и гармонически въ ихъ цѣломъ, предоставляя какъ можно менѣе судьбу борьбы общимъ схваткамъ значительныхъ массъ.

Другая особенность войны *рабочей Россіи* съ Россіею императорскою или капиталистическою должна заключаться въ томъ, что, въ видахъ успѣха дѣла, территорія рабочей Россіи не можетъ быть очерчена какими нибудь предѣлами, за которыми можно предоставить существовать прежнему государственному строю, вступая съ нимъ въ договоры и въ политическія сношенія. Между новымъ и старымъ порядкомъ мира *быть не можетъ*. Гдѣ бы въ первую минуту ни остановилась соціальная революція въ своихъ успѣхахъ, она должна немедленно, *для собственной обороны*, бросить эмиссаровъ соціальной революціи за предѣлы своего развитія, должна дѣйствовать немедленно наступательно отрядами высылаемыми черезъ границу далѣе и далѣе, чтобы территорія *рабочей Россіи*, на которой будетъ воздвигаться новое зданіе рабочаго соціализма, была сейчасъ же опоясана пространствомъ взволнованнымъ и волнующимся; чтобы какъ можно далѣе за предѣлами новаго общества, еще непобѣжденные враги были заняты внутренними безпорядками и опасеніями.

Мало того. При настоящемъ положеніи дѣлъ въ Германіи и Австріи, довольно важно, чтобы побѣдоносное возстаніе въ Россіи, которое организуетъ территорію *рабочей Россіи*, нашло поддержку въ соціально-демократическихъ союзахъ рабочихъ этихъ странъ. Если въ это время въ нихъ уже совершится соціальная рево-

люція или, по крайней мѣрѣ, уже начнется открытая борьба соціалистовъ съ государственнымъ строемъ, то въ этомъ отношеніи русскіе соціалисты могутъ считать себя безопасными. Но если Россіи придется начать эту борьбу ранѣе, то русскіе соціалисты (т. е. въ этомъ случаѣ члены соціально-революціоннаго союза) сознавая приближеніе взрыва, должны серьезно подумать объ установкѣ заранѣе со своими заграничными товарищами сношеній на столько прочныхъ, чтобы нѣмецкіе и австрійскіе соціаль-демократы рѣшились употребить всѣ усилія для помѣхи своимъ правительствамъ двинуть войска черезъ русскую границу. Точно также, на другой день послѣ революціи, *рабочая Россія* должна, для собственной обороны, поддерживать самую тѣсную связь съ сосѣдними единомышленниками, которые могутъ доставить ей весьма сильную поддержку въ ея борьбѣ, и въ томъ случаѣ, конечно, если они успѣли справиться со своими врагами, и въ томъ, когда они еще не достигли до этого, но лишь предовратятъ вмѣшательство своихъ правительствъ въ революціонное движеніе въ Россіи.

Организація войны оборонительной, организація эмиссаровъ и наступательныхъ отрядовъ въ землѣ враговъ, организація сношеній съ заграничными соціалистическими союзами — все это достаточно назвать, чтобы почувствовать неизбѣжность *государственнаго элемента*, элемента *власти*, при всѣхъ этихъ общественныхъ отправленіяхъ; но тѣмъ не менѣе и здѣсь далеко нѣтъ необходимости въ такихъ рѣшительныхъ мѣрахъ, какъ тѣ, о которыхъ я говорилъ выше, разсматривая экономическій переворотъ (стр. 105 и сл.). Въ нихъ нѣтъ необходимости уже потому, что здѣсь не нужно ломать никакихъ старыхъ привычекъ, но напротивъ, приходится слѣдовать рутинѣ войны, рутинѣ, унаслѣдованной чуть ли не отъ животнаго періода человѣчества, и надо только парализовать, насколько возможно, вредное вліяніе неизбѣжнаго военнаго времени на развивающійся строй, который долженъ *устранить войну навсегда*. Дѣло людей, истинно преданныхъ задачамъ рабочаго соціализма, будетъ заключаться именно въ дѣятельности, направленной на эту парализацію вреднаго вліянія войны, и это дѣло тоже, неизбѣжно приходится на долю членовъ соціально-революціоннаго союза.

Само собою разумѣется, что немедленно послѣ побѣды революціи будетъ распущено все войско, находившееся на территоріи рабочей Россіи; часть его примкнетъ къ возставшему народу, другая часть покорится побѣдителямъ. Все наличное оружіе, находившееся, какъ въ войскахъ, такъ и въ складахъ, должно быть распредѣлено сообразно удобству защиты территоріи. Военные, приступившіе заранѣе къ соціально-революціонному союзу, должны имѣть на готовѣ планъ военной организаціи, который долженъ быть обсужденъ на съѣздахъ соціально-революціоннаго

союза заранѣе и къ исполненію котораго придется приступить сейчасъ же послѣ перваго успѣха революціоннаго дѣла. Отъ обширности территоріи рабочей Россіи и отъ бóльшей или меньшей опасности, которая будетъ грозить ей извнѣ (то есть, отъ меньшей или бóльшей дезорганизаціи государственныхъ силъ у ея враговъ) будетъ зависѣть, можно ли будетъ организовать.войска рабочей Россіи по системѣ охотниковъ или по системѣ всеобщаго народнаго вооруженія (конечно, давая оружіе лишь населенію, приступившему къ новому порядку) и я не стану останавливаться на этомъ пунктѣ. Въ обоихъ случаяхъ, призывъ охотниковъ или организація народнаго ополченія будетъ лежать на тѣхъ членахъ соціально-революціоннаго союза, которые, по своимъ спеціальнымъ знаніямъ военнаго дѣла, будутъ на это заранѣе назначены товарищами, и на тѣхъ спеціалистахъ, которые, не принадлежа къ союзу, будутъ тѣмъ не менѣе имъ выбраны въ минуту революціи, какъ заслуживающіе его довѣріе. Но разъ отряды организованы, едва ли не лучше будетъ, чтобы отряды выбирали своихъ ближайшихъ офицеровъ, эти выбирали бы изъ своей среды начальниковъ отрядовъ, а начальники всѣхъ отрядовъ выбрали бы общаго распорядителя всѣми военными силами и средствами страны. Если онъ будетъ признанъ на *съѣздѣ представителей рабочей Россіи*, то онъ тѣмъ самымъ облекается *властью*, которая безусловна, пока онъ не смѣненъ тѣмъ же съѣздомъ или не отрѣшенъ иниціативою собранія большинства начальниковъ отрядовъ. Онъ уже выбираетъ себѣ помощниковъ изъ числа начальниковъ отрядовъ, смѣняетъ и назначаетъ этихъ начальниковъ по своему соображенію, сообщаетъ свои планы *наблюдательной коммиссіи* изъ нѣсколькихъ человѣкъ, назначенной съѣздомъ, и періодически отдаетъ отчетъ самому съѣзду. Наблюдательная коммисія не можетъ мѣшаться въ его распоряженія, обязана держать въ безусловной тайнѣ сообщаемые ей планы, но, въ случаѣ явной опасности для страны, должна принять *на свою отвѣтственность* мѣры противъ этой опасности, созывая ли съѣздъ представителей или собраніе начальниковъ отрядовъ, или рѣшаясь на что либо иное. Съѣздъ представителей всегда можетъ отрѣшить главнокомандующаго и пригласить войска къ новымъ выборамъ офицеровъ, начальниковъ отрядовъ и главнокомандующаго. Въ случаѣ *крайности* наблюдательная коммисія можетъ своей иниціативой, подъ личной отвѣтственностью, и назначить временно главнокомандующаго до новыхъ выборовъ.

Военныя распоряженія, по самой своей сущности, требуютъ *власти*, которая могла бы въ данную минуту дѣйствовать рѣшительно, не опасаясь сопротивленія. Это уже неизбѣжное зло войны. Опасность злоупотребленія подобной властью безспорно существуетъ и не можетъ не существовать, но можно надѣяться что выборъ собранія начальниковъ отрядовъ (которые сами —

выборные) и утвержденіе съѣзда представителей рабочей Россіи не падетъ на личность, способную сильно злоупотребить своимъ положеніемъ. Въ неожиданномъ же случаѣ можно разсчитывать на то, что наблюдательная коммисія (неизбѣжно составленная изъ членовъ соціально-революціоннаго союза) быстро рѣшится на энергическія мѣры для устраненія общественной опасности.

Само собою разумѣется, что, съ распространеніемъ территоріи рабочей Россіи на все пространство прежняго государства, съ ослабленіемъ и уничтоженіемъ внѣшней опасности для новаго порядка, весь военный строй станетъ ненужнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожится и власть распорядителя военными силами и средствами страны. Какъ будутъ храниться тогда военные запасы? Нужны ли они будутъ вообще? Нужны ли будутъ военныя учрежденія на территоріи рабочей Россіи? или они ограничатся окраинами, сопредѣльными азіятскимъ племенамъ? Какъ при этомъ устроятся свободныя военныя федераціи лицъ или общинъ при продолженіи существованія внѣшней опасности вблизи отъ этихъ племенъ? — Все это — вопросы, которые я не считаю нужнымъ здѣсь разбирать; частью потому, что это уже выходитъ за предѣлы періода, который я имѣю въ виду въ этой главѣ; частью потому, что рѣшеніе этихъ вопросовъ требовало бы разбора множества частныхъ случаевъ, иныхъ изъ которыхъ и предвидѣть нельзя; частью же и потому, что однажды прійдя къ возможности свободныхъ федерацій для военнаго дѣла, какъ для всякого другаго, мы находимся внѣ господства *государственнаго элемента.*

Оказывается, что этотъ элементъ при огражденіи безопасности общества можетъ играть далеко не столь значительную роль, какъ можно было бы ожидать. Опасность отъ внутреннихъ враговъ и отъ личныхъ увлеченій ограждается самостоятельною иниціативою лицъ и группъ. Гораздо болѣе значительная опасность злоупотребленія властью со стороны лицъ, неизбѣжно ею облеченныхъ во внутреннихъ дѣлахъ, ограждается строгимъ взаимнымъ контролемъ этихъ лицъ, контролемъ, которому каждое изъ нихъ добровольно подчиняется, слѣдовательно, здѣсь самыя рѣшительныя мѣры суть не проявленія власти одной части общества надъ другою, но проявленія власти общества надъ его членами, сознательно признавшими свою солидарность. Наконецъ внѣшнія опасности вызываютъ, конечно, военный строй съ неограниченною властью главнокомандующаго, но эта власть, во первыхъ, вытекаетъ изъ свободнаго выбора какъ компетентныхъ спеціалистовъ (слѣдовательно, приближается къ свободной федераціи) такъ и представителей свободнаго населенія; во вторыхъ, контролируется внимательными наблюдателями, каждую минуту готовыми парализовать и устранить личность, склонную къ злоупотребленію этимъ положеніемъ.

По неразрывной связи разныхъ общественныхъ отправленій мнѣ пришлось уже упоминать о нѣкоторыхъ отрасляхъ *общественныхъ сношеній.* Неизбѣжно, на другой день послѣ революціи, придется направить долю силъ, къ ней примкнувшихъ, на удовлетвореніе потребности въ этихъ сношеніяхъ, которыя одни могутъ дать возможность осуществиться солидарности разныхъ группъ населенія. Здѣсь приходится имѣть въ виду:

1. Сношенія между группами, находящимися въ менѣе далекомъ разстояніи одна отъ другой, и связанными мѣстными интересами;

2. Сношенія, связывающія всю территорію рабочей Россіи въ общихъ ея интересахъ;

3. Сношенія, поддерживающія солидарность русскихъ соціалистовъ съ соціалистами всѣхъ странъ.

Я уже говорилъ о томъ, что матеріальная часть этихъ сношеній (почты, телеграфы, пути сообщенія) должны составить предметъ заботъ *распорядительнаго совѣта* и *земскаго союза*, входящихъ въ составъ *комитета работъ и продовольствія* (смотри страницу 116 и слѣд.). Такъ какъ существеннѣйшая часть сношеній между группами, связанными мѣстными интересами, будетъ заключаться въ экономическомъ вопросѣ, а послѣдній именно составляетъ сферу дѣятельности тѣхъ же самыхъ органовъ, то весьма возможно, что эти сношенія вовсе не потребуютъ иныхъ органовъ для всѣхъ дѣлъ другаго рода. Впрочемъ, можетъ быть, желательно, что бы эта связь сосѣднихъ общинъ немедленно приняла форму, болѣе способную къ развитію въ смыслѣ рабочаго соціализма. Напримѣръ, весьма легко представить себѣ *съѣздъ уполномоченныхъ* отъ разныхъ общинъ, т. е. отъ ихъ „общихъ сходовъ“, который рѣшаетъ вопросы, общіе для всей территоріи, имѣющей общіе интересы. Легко представить себѣ даже, что для одного дѣла понадобится съѣздъ отъ опредѣленныхъ общинъ, до которыхъ оно касается, а для другаго дѣла, имѣющаго иное значеніе, составятъ съѣздъ представители одной доли общинъ, отправившихъ депутатовъ на первый съѣздъ, но вмѣстѣ съ ними и уполномоченные общинъ, не участвовавшихъ въ первомъ съѣздѣ. Слѣдовательно, здѣсь, съ перваго же шага новаго общественнаго устройства, мы уже въ значительной степени приближаемся къ тому плану свободныхъ союзовъ, который долженъ быть господствующимъ въ обществѣ, удовлетворяющемъ задачамъ рабочаго соціализма, на сколько можно теперь же представить себѣ этотъ строй (см. выше стр. 71 и сл.). Государственный элементъ, элементъ власти и принужденія, немедленно доведенъ здѣсь до весьма незначительнаго минимума.

Вся территорія рабочей Россіи, или значительная ея доля, если соціальная революція получитъ немедленно широкіе размѣры, будетъ поставлена неизбѣжно на другой день послѣ революціи въ такое положеніе, что всему населенію, приставшему къ новому

строю, придется дѣйствовать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ какъ одно солидарное цѣлое. Это особенно неизбѣжно, когда дѣло идетъ о мѣрахъ для борьбы съ внѣшними врагами, мѣрахъ, о которыхъ я частью уже говорилъ передъ этимъ (стр. 131), или когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ къ соціально-демократическимъ партіямъ внѣ Россіи; но могутъ представиться для этого и многіе другіе случаи, перечислять которые я считаю неумѣстнымъ.

Въ какой же формѣ могутъ быть установлены сношенія между частями всей территоріи рабочей Россіи для осуществленія этой необходимой солидарности по тѣмъ или другимъ вопросамъ? На сколько необходимо будетъ централизовать органъ этой солидарности въ виду бóльшей энергіи *немедленнаго* дѣйствія? На сколько возможно и обязательно будетъ *немедленно* ввести въ эти отношенія тотъ типъ федерализма и свободныхъ союзовъ, къ которому должно окончательно придти общество послѣ подавленія своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, если это общество имѣетъ въ виду осуществить начала рабочаго соціализма?

Рѣшеніе этого вопроса гораздо болѣе зависитъ отъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ теоретическихъ взглядовъ. Организація общественныхъ сношеній должна, прежде всего, соотвѣтствовать *дѣйствительному* распредѣленію тѣхъ силъ, которыя связываютъ общество и вырабатываютъ его солидарность. Эта солидарность всей территоріи *рабочей Россіи* на другой день послѣ революціи, какъ уже было сказано, существуетъ лишь въ соціально-революціонномъ союзѣ, ее подготовившемъ; слѣдовательно, *его* распредѣленіе обусловитъ и форму сношеній между различными частями территоріи.

Если онъ, наканунѣ революціи, будетъ покрывать сѣтью мелкихъ группъ всю территорію, которая образуетъ на другой день территорію *рабочей Россіи*, то федеративному устройству мелкихъ группъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ не представится никакого особеннаго затрудненія. Общины могутъ образовать федераціи довольно ограниченныхъ размѣровъ съ временными *территоріальными съѣздами* или постоянными *территоріальными комитетами*, а эти *территоріальные съѣзды* или *комитеты* могутъ образовать изъ своихъ уполномоченныхъ *общую думу рабочей Россіи* для рѣшенія общихъ ея дѣлъ по указанію довѣрителей, и *наблюдательную коммиссію* при главнокомандующемъ (см. стр. 134). Само собою разумѣется, что въ этихъ съѣздахъ, комитетахъ и коммиссіяхъ въ первую минуту будутъ участвовать почти исключительно члены соціально-революціоннаго союза, такъ какъ они одни подготовлены къ обсужденію общихъ дѣлъ; но они должны съ самого начала по немногу привлекать къ этой общей дѣятельности по возможности бóльшее число способныхъ лицъ, стоявшихъ внѣ союза, а, по мѣрѣ того, какъ бóльшее и бóльшее число населенія будетъ усвоивать себѣ задачи новаго

строя, большее и большее число лицъ, примкнувшихъ къ этому строю, будетъ участвовать въ выборахъ представителей въ территоріальные съѣзды и комитеты; пока, наконецъ, прежній соціально-революціонный союзъ охватитъ, какъ сказано (стр. 118), большинство населенія, потеряетъ всякую обособленность и тогда, —подобно тому, какъ все населеніе территорій будетъ принимать свободное участіе „въ мѣстныхъ и въ общихъ работахъ по экономическому обезпеченію“ (стр. 121), —такъ все оно будетъ принимать участіе и въ выборахъ для сношеній между всѣми частями *рабочей Россіи* въ виду ея солидарности. По мѣрѣ прекращенія дѣлъ, *обязательно* общихъ для всей территоріи (внѣшней войны и т. под.) могутъ становиться рѣже или совсѣмъ упраздниться территоріальные съѣзды и комитеты, собранія общей думы, обязанности наблюдательнаго комитета и т. подобн. Окончательно солидарность территоріи *рабочей Россіи* исчезнетъ въ общей солидарности всѣхъ частей человѣчества, примкнувшаго къ началамъ рабочаго соціализма, а болѣе частные вопросы будутъ вызывать свободныя федераціи общинъ и ихъ союзовъ для опредѣленной цѣли, на опредѣленное время, безо всякого обязательнаго соединенія, обусловливаемаго языкомъ, расою или другими антропологическими особенностями, игравшими столь значительную роль въ исторіи.

Сношенія съ рабочими организаціями другихъ странъ по самой сущности дѣла войдутъ въ функціи наиболѣе централизующаго органа солидарности рабочей Россіи, т. е. въ функціи ея *общей думы*, и слѣдовательно, въ той же мѣрѣ, какъ она, составятъ сначала обязанность доли членовъ соціально-революціоннаго союза, потомъ большинства населенія, въ которомъ расплывется этотъ союзъ, наконецъ упраздятся, какъ ненужныя, по мѣрѣ того какъ обособленность территоріи *рабочей Россіи* потеряетъ свое историческое значеніе.

Если соціально-революціонный союзъ наканунѣ революціи будетъ представлять (что едва ли не будетъ удобнѣе для него, см. „Впередъ“, № 29, стр. 133) четыре, пять федерированныхъ главныхъ центровъ дѣйствія, то это самое опредѣлитъ организацію сношеній между частями территоріи рабочей Россіи на другой день послѣ революціи. Неизбѣжно образуются въ такомъ же числѣ болѣе или менѣе централизованныя федераціи, которыя, съ одной стороны, будутъ къ себѣ притягивать всѣ новыя мѣстности, захваченныя волною революціи, съ другой стороны, образуютъ изъ своихъ делегатовъ *общую думу рабочей Россіи.* Въ этомъ случаѣ члены соціально-революціоннаго союза должны употреблять всѣ усилія, чтобы, мало по малу, централизованные органы федерацій передавали свои функціи въ болѣе мелкія территоріи, чтобы легче перейти къ окончательной формѣ свободныхъ союзовъ мелкихъ группъ.

Наконецъ, если бы силы соціально-революціоннаго союза наканунѣ революціи были преимущественно концентрированы въ одной мѣстности (что, по моему мнѣнію, совершенно неудобно для побѣды революціи), или если бы этотъ союзъ имѣлъ сильно централизованную форму съ постояннымъ общимъ *распорядительнымъ комитетомъ* (что мало вѣроятно при существующихъ наклонностяхъ русской молодежи) или съ временнымъ *союзнымъ конгрессомъ*, то естественнымъ путемъ этотъ комитетъ или конгрессъ обратился бы на другой день послѣ революціи въ *общую думу рабочей Россіи*, которая была бы органомъ солидарности всей территоріи. Конечно, при этомъ, членамъ соціально-революціоннаго союза обязательно будетъ, во имя началъ рабочаго соціализма, во первыхъ, вызывать какъ можно скорѣе самодѣятельность въ разныхъ мелкихъ группахъ; во вторыхъ, подвергать своихъ членовъ, засѣдающихъ въ подобной *общей думѣ* самому строгому контролю, и устроить надъ ними наблюдательный комитетъ съ функціями, болѣе или менѣе подходящими къ тѣмъ, которыя имѣетъ подобный же комитетъ при главнокомандующемъ военными силами.

При послѣднихъ двухъ способахъ, государственное начало, присутствующее въ формѣ общественныхъ сношеній, будетъ, конечно, гораздо значительнѣе; и противъ злоупотребленія имъ придется принимать мѣры, но предупрежденіе этого злоупотребленія почти вполнѣ зависитъ отъ подготовителей соціальной революціи и по этому я считаю удобнѣйшимъ оставить этотъ вопросъ до слѣдующей главы. Во всякомъ случаѣ и тутъ элементъ государственный — принудительная власть одной доли населенія надъ другою — при установленіи сношеній между частями *рабочей Россіи* для согласнаго дѣйствія, будетъ, во первыхъ, ограниченъ небольшою сферою дѣйствія (внѣшнею войною, внѣшними сношеніями съ сосѣдними соціалистическими союзами, и т. под.) и по мѣрѣ уменьшенія важности этой сферы дѣйствія, будетъ самъ уменьшаться; во вторыхъ, будетъ подвергнутъ строгому контролю всѣхъ членовъ соціально-демократическаго союза; въ третьихъ, будетъ терять свое значеніе по мѣрѣ развитія мѣстной самостоятельности и системы выборовъ, которая въ возможно скоромъ времени должна замѣнить *первоначальную* общую рабочую думу — образованную распорядительнымъ комитетомъ или союзнымъ конгрессомъ соціально-революціоннаго союза — думою *выборною* при возможно-обширномъ участіи всего населенія, примкнувшаго къ новому строю. Съ теченіемъ времени, какъ сказано выше (стран. 138) и эта дума будетъ закрыта вмѣстѣ со всѣми органами обособляющими территоріи.

Мнѣ остается еще сказать объ удовлетвореніи потребности

общественнаго развитія, и я ограничусь самымъ необходимымъ, не желая увеличивать объема этой брошюры.

Уже изъ предъидущаго можно заключить, что *прочное* установленіе общества на началахъ рабочаго соціализма вполнѣ опирается на *развитіи* общества въ смыслѣ этихъ началъ. На другой день послѣ революціи придется принять и по экономическому обезпеченію (см. стр. 105 и сл.) и по общественной безопасности (см. стр. 121 и сл.), многія мѣры, которыя обусловлены только тѣмъ, что большинство населенія не усвоило началъ рабочаго соціализма, и тѣмъ, что даже тѣ, которые усвоили ихъ теоретически, перенесли въ новый строй сознательно или безсознательно множество привычекъ и влеченій стараго міра. Лишь немедленныя энергическія мѣры для распространенія развитія въ большинствѣ населенія могутъ облегчить первый періодъ жизни новаго общества. Лишь немедленныя энергическія мѣры для развитія ростущаго поколѣнія въ смыслѣ рабочаго соціализма, могутъ ограничить переходный періодъ, съ временно-неизбѣжнымъ присутствіемъ въ немъ государственнаго элемента, лишь періодомъ жизни одного поколѣнія.

Такимъ образомъ, передъ новымъ обществомъ, на другой день послѣ революціи, станутъ немедленно насущные вопросы:

1. Возможно широкое распространеніе развитія въ смыслѣ рабочаго соціализма среди взрослаго населенія, примкнувшаго или способнаго примкнуть къ новому порядку.

2. Воспитаніе ростущаго поколѣнія въ опредѣленномъ направленіи.

Затрудненіе здѣсь представится въ томъ, что большинство русскаго рабочаго народа (слѣдовательно, большинство населенія *рабочей Россіи*) вовсе не подготовлено своимъ прошедшимъ къ ясному представленію о важности этого элемента для прочнаго установленія новаго порядка. Затрудненіе будетъ и въ томъ, что даже большинство членовъ соціально-революціоннаго союза, какъ принадлежащее къ тому же рабочему народу, если и усвоило себѣ важность теоретическаго развитія, то нисколько не подготовлено къ техникѣ дѣятельности въ этой сферѣ. Дѣло будетъ идти уже не объ революціонной соціалистической агитаціи, не о пропагандѣ тѣхъ немногихъ началъ рабочаго соціализма, которыя нужно понять для цѣлесообразной борьбы съ капиталомъ и съ государствомъ, для усвоенія солидарности всего рабочаго міра, для стремленія къ устраненію всякой монополіи и къ развитію самодѣятельности мелкихъ группъ въ свободныхъ федераціяхъ. Надо будетъ упрочивать новое общество теоретическою и практическою разработкою началъ рабочаго соціализма во *всѣхъ* частныхъ сферахъ мысли и жизни помощью систематической развивающей пропаганды. Надо будетъ организовать по всей

территоріи рабочей Россіи школы для ростущаго поколѣнія по плану, который, при всемъ допускаемомъ и неизбѣжномъ разнообразіи въ подробностяхъ, долженъ будетъ имѣть *одну*, совершенно опредѣленную цѣль, и притомъ цѣль, для которой старыя школы могутъ дать очень мало указаній. Этотъ существенный элементъ постройки новаго общества будетъ лежать, большею частью, *внѣ* средствъ, которыя прошлое дало большинству членовъ соціально-революціоннаго союза, хотя весь союзъ долженъ придти къ убѣжденію въ важности этого элемента.

Но въ соціально-революціонномъ союзѣ будетъ находиться *меньшинство*, которое *одно* можетъ принять на себя именно *это* дѣло; меньшинство, которое, по этому самому, *обязано* принять его на себя на другой день послѣ революціи и *обязано* подготовиться къ нему заранѣе, такъ какъ отказъ отъ него, при невозможности найти именно для него другихъ дѣятелей, и затруднитъ распространеніе связующихъ началъ рабочаго соціализма въ переходный — революціонный періодъ, и помѣшаетъ упроченію этихъ началъ въ ростущемъ поколѣніи. А это можетъ подвергнуть весь новый строй весьма значительнымъ опасностямъ.

Само собою разумѣется, что это меньшинство членовъ соціально-революціоннаго союза, о которомъ я говорю, составлено изъ русской интеллигентной молодежи. Оно отреклось отъ всѣхъ связей съ классами, его выработавшими. Оно вынесло изъ своего привилегированнаго положенія лишь лучшее *пониманіе* настоящаго общественнаго безобразія и путей, которыми это безобразіе можетъ быть устранено. Оно почти *одно* вынесло въ новый міръ теоретическую подготовку, которая *необходима* для удовлетворенія потребности въ общественномъ развитіи, насущной для новаго общества, но не имѣющей возможности ни быть ясно сознатой, ни быть надлежащимъ образомъ удовлетворенной другими. Оно *одно* можетъ дать соціально-революціонному союзу его первоначальную „зародышевую организацію“, его первый „кадръ *настоящей* революціонной организаціи“ (см. „Впередъ“ № 29, стр. 132 — 133) Эта интеллигентная молодежь должна была расплыться въ *народномъ* большинствѣ соціально-революціоннаго союза, потому что самую революцію могъ произвести лишь *народъ*, и элементы, *ему* принадлежащіе. Она не можетъ играть никакой особенной роли въ тѣхъ группахъ соціально-революціоннаго союза, которыя, на другой день послѣ революціи, явятся руководителями въ сферахъ дѣятельности по экономическому обезпеченію, по огражденію безопасности, по сношеніямъ внутреннимъ и внѣшнимъ, потому что, во всѣхъ этихъ сферахъ, ея прошедшее не дало ей никакого преимущества; скорѣе напротивъ. Но въ сферѣ, требующей предварительной теоретической подготовки, она обязана принести новому обществу всѣ свои силы, которыя исторія лишь въ ней выработала. Она должна взять на себя обязанность

удовлетворить потребности общественнаго развитія, присущей новому строю.

Предметъ настоящаго труда вовсе не дозволяетъ останавливаться на разборѣ вопроса: каковы должны быть техническіе пріемы этой дѣятельности? Какъ только *цѣль* развитія ясно опредѣлена, остальное въ значительной мѣрѣ приходится предоставить личной сообразительности, такъ какъ прійдется дѣйствовать при крайнемъ разнообразіи условій въ городахъ, въ большихъ селахъ, въ мелкихъ селеніяхъ, въ разныхъ мѣстностяхъ территоріи рабочей Россіи.

Общи для всѣхъ мѣстностей могутъ быть лишь самыя общія три формы дѣятельности: *живое слово*, *печатное слово*, *школы*. Эти орудія развитія должны быть немедленно обращены на пользу началъ рабочаго соціализма.

Степень участія государственнаго элемента въ этой сферѣ можетъ быть съ самого начала весьма различна для этихъ трехъ формъ дѣятельности.

Живое слово должно быть допущено съ полною свободою полемики. Если уже теперь соціалисты-рабочіе за границею нигдѣ не боятся спора съ противниками, то тѣмъ менѣе могутъ опасаться полемики публичной и всенародной русскіе соціалисты на другой день послѣ революціи. Группы, взявшія на себя обязанность охраненія личной и общественной безопасности (см. стр. 126 и слѣдующіе), должны всѣми силами охранять это право свободнаго слова у противниковъ, и не дозволять нанесенія оскорбленій или вреда тѣмъ, которые смѣло выступаютъ противъ новаго порядка съ оружіемъ слова. Новый порядокъ будетъ достаточно раціоналенъ, чтобы не нуждаться въ защитѣ принужденіемъ. Кромѣ того, подобная смѣлость будетъ рѣдкимъ явленіемъ въ революціонный періодъ и можно надѣяться, что противники, достаточно искренніе для этого дѣла, будутъ достаточно искренни и для того, чтобы выслушать противные аргументы и убѣдиться ими.

Но живое слово въ пользу новаго порядка не должно ограничиваться спорами, рѣчами и лекціями. Несравненно дѣйствительнѣе для массъ будетъ серьезное и сатирическое слово съ подмостковъ народныхъ театровъ. Во всѣхъ формахъ художественнаго и ярмарочно-балаганнаго творчества должна идти со сцены пропаганда порицанія стараго порядка и уясненія новаго. Пѣсня, сказка, анекдотическая быль сдѣлаются орудіемъ народнаго развитія. Все, что, въ интеллигентной молодежи и среди наиболѣе развитыхъ народныхъ личностей, обладаетъ хотя въ нѣкоторой долѣ талантомъ слова, должно *заранѣе готовиться* къ разнообразнымъ формамъ этой беллетристической пропаганды живымъ словомъ началъ новаго порядка массамъ, не всегда доступнымъ прямому теоретическому уясненію.

Печатное слово обусловливается орудіями типографскаго труда. Они, какъ все частное имущество, станутъ общимъ народнымъ достояніемъ и, какъ средства весьма сильныя, должны быть немедленно переданы *мѣстными группами* (см. стр. 116 и сл.) въ руки группъ надежныхъ людей новаго порядка. Хотя, при малой грамотности русскаго народа, печатное слово въ Россіи далеко уступаетъ по значенію широкой словесной пропагандѣ, но и имъ пренебрегать нельзя, тѣмъ болѣе, что вся литература учебниковъ и книгъ для чтенія въ новыхъ соціалистическихъ школахъ должна быть немедленно создана. Интеллигентные члены соціально-революціоннаго союза будутъ самымъ ходомъ дѣла поставлены въ управленіе этими орудіями слова и должны стать въ редакціи всѣхъ изданій періодическихъ и непеpіодическихъ, которыя будутъ представителями новаго порядка. Закрытіе этихъ средствъ распространенія мнѣній противникамъ новаго порядка не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ оно, въ случаѣ энергическихъ противниковъ, вызоветъ подпольную литературу, тѣмъ болѣе энергическую, если она навлекаетъ на себя преслѣдованіе. Едва ли не цѣлесообразнѣе открыть станки типографій и страницы журналовъ новаго строя всѣмъ противникамъ его, но озаботиться немедленно парализовать вліяніе ихъ словъ возраженіями. Такимъ образомъ, и тутъ прямое принужденіе не будетъ имѣть мѣста. Элементъ власти будетъ ограничиваться лишь возможностью всегда опровергнуть противника новаго порядка и оставить за защитниками этого порядка *послѣднее слово*.

Но совсѣмъ иное дѣло *школы*. Здѣсь, какъ въ экономическомъ строѣ, никакая уступка не дозволительна, потому что грозитъ опасностью новому порядку. *Ни одна школа* не можетъ быть предоставлена его противникамъ. *Ни одно* молодое существо не должно вырости подъ вліяніями враждебными рабочему соціализму. Всѣ старыя школы всѣхъ наименованій должны быть закрыты и немедленно преобразованы въ новыя, соотвѣтственно требованіямъ новаго строя. Всюду, гдѣ только это возможно, должны быть заведены новыя элементарныя школы или устроена система кочующихъ учителей. Конечно, истинная наука не только не пострадаетъ отъ этого, но выиграетъ, потому что „единственная *настоящая* наука, единственныя *настоящія* школы" могутъ имѣть мѣсто только по совершеніи соціальной революціи (см. „Соціалистическая и буржуазная наука" во „Впередъ" № 14).

Можно представить себѣ процессъ удовлетворенія потребности общественнаго развитія слѣдующимъ образомъ.

Когда признаки приближенія революціи станутъ достаточно ясны, члены соціально-революціоннаго союза выберутъ изъ своей среды *комитетъ общественнаго развитія*, большинство котораго, почти неизбѣжно, будетъ состоять изъ лицъ интеллигентной молодежи, вошедшихъ въ составъ союза.

1. Этотъ комитетъ долженъ будетъ представить на обсужденіе съѣзда представителей союза планъ общественнаго обученія для школъ рабочей Россіи.

2. Онъ долженъ будетъ составить, на сколько возможно будетъ, рядъ учебниковъ, книгъ для чтенія, литературныхъ произведеній, драматическихъ представленій разнаго рода, планъ лекцій и т. п. Часть этой литературы новаго порядка можетъ быть печатаема заранѣе въ типографіяхъ союза, конечно, насколько это не помѣшаетъ печатанію пропагандистской и агитаціонной литературы, которая *наканунѣ* революціи будетъ болѣе существенна.

3. Онъ долженъ представить на утвержденіе съѣзда представителей союза соображеніе, на сколько можно будетъ воспользоваться матеріаломъ старыхъ школъ, типографій, библіотекъ, театровъ, общественныхъ залъ и т. под. при новомъ порядкѣ, и какіе пріемы цѣлесообразнѣе для быстраго учрежденія всего нужнаго для общественнаго развитія.

Сообразно составленнымъ и утвержденнымъ соображеніямъ, члены *комитета общественнаго развитія* немедленно послѣ успѣха революціи, по всей территоріи гдѣ она удалась, приступаютъ къ своему дѣлу, какъ относительно устройства школъ, такъ и относительно пропаганды среди взрослыхъ живымъ и печатнымъ словомъ. Полная свобода иниціативы въ частностяхъ должна быть предоставлена каждому, но строгій взаимный контроль членовъ комитета долженъ устранить возможныя отклоненія отъ общей цѣли и злоупотребленія своимъ положеніемъ.

По мѣрѣ того какъ это будетъ возможно, *комитетъ общественнаго развитія* привлекаетъ въ свою среду бо́льшее и бо́льшее число членовъ по выбору его мѣстныхъ группъ. Черезъ нѣкоторый періодъ времени (напримѣръ, черезъ 5 лѣтъ) на частныхъ съѣздахъ представителей общинъ разныхъ кусковъ территоріи рабочей Россіи, — съѣздахъ, *спеціально* для этого вопроса созванныхъ — ставится вопросъ, нужна ли еще спеціальная дѣятельность *комитета общественнаго развитія* для школъ, типографій, періодическихъ и непеpіодическихъ изданій и для всякаго рода пропаганды, или можно уже предоставить это дѣло иниціативѣ свободныхъ ассоціацій. Если для какихъ либо частей территоріи признана еще необходимость дѣятельности комитета, то черезъ новый промежутокъ времени (напримѣръ такой же продолжительности) вопросъ ставится снова, пока повсюду *раціональная* дѣятельность свободныхъ ассоціацій не замѣнитъ *революціонной* дѣятельности комитета.

Я ограничиваюсь предыдущими отраслями общественныхъ потребностей. Конечно, многія и весьма важныя стороны общественнаго строя здѣсь не затронуты (напр. общественная гигіена, религіозныя вѣрованія, измѣненія формъ семейной жизни и т. под.),

но, имѣя въ виду лишь разобрать вопросъ о *государственномъ элементѣ* въ будущемъ обществѣ, я думаю, что достаточно уяснилъ мою мысль на выбранныхъ мною сферахъ, которыя считаю для разсматриваемаго вопроса наиболѣе существенными.

Я ограничился преимущественно Россіей опять таки потому, что, какъ я сказалъ выше (стр. 84 и сл.), подготовительная историческая среда, существующая въ каждой странѣ наканунѣ революціи, опредѣлитъ въ значительной степени формы, въ которыхъ произойдетъ развитіе рабочаго соціализма въ этой странѣ на другой день послѣ революціи. Дѣятели каждой страны, наилучше зная условія, въ которыхъ они находятся, могутъ всего лучше опредѣлить и путь, которому тогда придется слѣдовать. Но я глубоко убѣжденъ, что каковы бы ни были ихъ пріемы въ отношеніи огражденія личной и общественной безопасности, или въ отношеніи установленія солидарности между различными частями территоріи, они подвергнутъ новый порядокъ самымъ большимъ опасностямъ, если допустятъ малѣйшую уступку или малѣйшее замедленіе при установленіи *общности имущества* или при *устройствѣ школъ* по новому типу.

Въ этихъ двухъ сферахъ и въ организаціи военнаго дѣла въ первое время *государственный элементъ*, элементъ власти одной доли населенія надъ другою, неизбѣжно долженъ проявиться на другой день послѣ революціи. Никакое обособленіе собственности, никакая школа стараго типа не могутъ имѣть мѣста въ новомъ обществѣ ни одной минуты. Война требуетъ объединеннаго распоряженія. Отсюда неизбѣжность принудительной власти *комитета работъ и продовольствія*, *комитета общественнаго развитія*, главнокомандующаго. Но мнѣ кажется, что это временное проявленіе государственнаго элемента для разрыва съ закоренѣлыми привычками стараго міра и для войны не можетъ привести къ злоупотребленіямъ при внимательномъ взаимномъ контролѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ общества, а чрезъ незначительный періодъ времени и это участіе государственнаго элемента можетъ быть доведено до минимума, если не совсѣмъ устранено. Во всѣхъ прочихъ общественныхъ сферахъ государственному элементу нѣтъ вовсе причины играть значительную роль и на другой день послѣ революціи.

VI. Накануне революціи.

Въ предыдущей главѣ мнѣ много разъ пришлось говорить о роли, которую долженъ играть на другой день послѣ революціи *соціально-революціонный союзъ*. Роль эта, по самой сущности положенія дѣлъ, требуетъ, съ одной стороны, чтобы въ рукахъ извѣстной доли его членовъ находилась не малая власть въ продолженіи революціоннаго періода; съ другой стороны, требуетъ, чтобы *всѣ* члены союза способны были къ самому строгому взаимному контролю и къ внимательному наблюденію за общественными явленіями, для того чтобы не дать ни своимъ товарищамъ, ни людямъ, стоящимъ внѣ союза, злоупотребить революціоннымъ временемъ для захвата власти, для уклоненія отъ равенства въ общемъ трудѣ, для монополіи наслажденій или вліянія. Кромѣ того было сказано выше (стр. 139), что степень государственнаго элемента, которую придется допустить въ формахъ сношеній между частями территоріи *рабочей Россіи* на другой день послѣ революціи, будетъ въ значительной степени обусловлена способомъ дѣйствія „подготовителей революціи", т. е. опять таки членовъ соціально-революціоннаго союза. Все это заставляетъ меня не ограничивать задачу этой брошюры разсмотрѣніемъ значенія государственнаго элемента, во первыхъ, въ обществѣ, которое составляетъ *цѣль* соціальной революціи, во вторыхъ, въ обществѣ, въ томъ его составѣ, который можетъ имѣть мѣсто *на другой день* послѣ побѣды революціи, но сказать нѣсколько словъ и о томъ, какимъ образомъ *цѣль* соціальной революціи и *условія борьбы* обусловятъ значеніе того же элемента и въ средѣ подготовителей соціальной революціи.

Здѣсь, опять таки, я главнымъ образомъ имѣю въ виду лишь Россію, такъ какъ *условія борьбы* въ ней крайне различны отъ условій, существующихъ въ другихъ „цивилизованныхъ" государствахъ. Въ другомъ мѣстѣ („Впередъ" №26, стр. 35 и сл.) я указалъ на зависимость способа „организаціи соціально-рево люціонныхъ силъ" въ какой либо странѣ отъ „легальной почвы" въ ней существующей. Ни въ одной странѣ изъ тѣхъ, гдѣ началось соціально-революціонное движеніе, легальная почва не отсутствуетъ въ такой мѣрѣ какъ въ Россіи, для какого бы то ни было дѣйствія. Слѣдовательно, и въ разсматриваемомъ теперь вопросѣ почти нѣтъ возможности воспользоваться для Россіи данными, которыя могли бы найти приложеніе въ другихъ странахъ.

Обща соціалистамъ-революціонерамъ всѣхъ странъ лишь *цѣль*, къ которой они стремятся. Эта цѣль, какъ я старался доказать

въ главѣ IV, есть общество, въ которомъ государственный элементъ доведенъ до столь незначительнаго минимума, что этотъ элементъ можно разсматривать, какъ вполнѣ устраненный. Эта цѣль есть общество, гдѣ личности связаны общимъ трудомъ, сознаніемъ всеобщей солидарности, и гдѣ, въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, присутствіе принудительной власти становится ненужнымъ, потому что ея дѣятельность замѣняется личною иниціативою каждаго, дѣйствующаго на свою отвѣтственность въ свободныхъ союзахъ для общаго дѣла.

Эта *цѣль*, которая *одна* придаетъ смыслъ и значеніе революціонной дѣятельности, существуетъ для соціалистовъ всѣхъ странъ, существуетъ и для соціалистовъ русскихъ. Ее они должны имѣть *постоянно* въ виду при всей своей дѣятельности, на сколько бы послѣдняя ни была обусловлена частными обстоятельствами *ихъ* борьбы и отсутствіемъ легальной почвы, на которой они могли бы дѣйствовать. Въ виду *этой цѣли* имъ приходится и въ подготовленіи революціи, въ „организаціи соціально-революціонныхъ силъ“ постоянно устранять все то, что прямо-противурѣчитъ идеалу подготовляемаго ими общества, и ограничивать возможно-тѣсными предѣлами все то, что составляетъ временную потребность переходнаго періода, періода борьбы, но должно окончательно исчезнуть при развитіи въ обществѣ началъ рабочаго соціализма. Имъ приходится въ самихъ себѣ, при помощи взаимнаго контроля, бороться самымъ упорнымъ образомъ съ привычками и влеченіями, унаслѣдованными отъ стараго міра, и частью прямо-противурѣчащими началамъ рабочаго соціализма, частью служащими помѣхою его развитію. Государственный элементъ, который долженъ исчезнуть при полномъ развитіи будущаго общества и который долженъ быть ограниченъ лишь крайне-необходимою сферою на другой день послѣ революціи, принадлежитъ именно къ послѣдней изъ двухъ только-что упомянутыхъ категорій. Противъ него, какъ личной привычки и личнаго влеченія, приходится бороться въ средѣ подготовителей соціальной революціи; его приходится ограничить лишь крайне-необходимымъ и въ формахъ, имѣющихъ въ виду ея подготовленіе.

Но вовсе устранить его изъ этихъ формъ едва ли возможно, въ особенности потому, что, за отсутствіемъ всякой легальной почвы въ Россіи, соціалисты-революціонеры принуждены тамъ дѣйствовать исключительно путемъ *тайнаго заговора*.

Тому болѣе года, по поводу манифеста, посланнаго „Италіанскимъ соціально-революціоннымъ комитетомъ“ на Брюссельскій конгрессъ М. А. Р., и по поводу мнѣнія корреспондента „Таймса“ объ этомъ манифестѣ, я писалъ слѣдующее („Впередъ“ т. III. отд. III, стр. 75):

„Тайная организація имѣетъ свои условія весьма невыгодныя. Она не позволяетъ вступающему въ нее видѣть ясно ея силу и ея дѣйстви-

тельныя цѣли. Она легко можетъ сдѣлаться, при недобросовѣстныхъ дѣятеляхъ, громаднымъ обманомъ увлеченныхъ, низкою эксплуатаціею энтузіастовъ. Люди, вступающіе въ нее съ одною цѣлью, могутъ быть направлены на другую, которой служить они вовсе были не намѣрены. А тайна, требуемая заговоромъ, всегда помѣшаетъ удобно выйти изъ организаціи человѣку, который убѣдился, что главные двигатели въ заговорѣ — люди недобросовѣстные. Отсутствіе всякой власти при заговорѣ, осуществляющемъ свои цѣли, еще менѣе мыслимо, чѣмъ на полѣ битвы... Только при явныхъ функціяхъ общественной жизни власть можетъ быть доведена до минимума. При заговорѣ она будетъ и должна быть въ иныхъ случаяхъ временно безусловною, не допускающею ни сопротивленія, ни даже обсужденія. Только она будетъ тайная и часто безотвѣтственная, что еще хуже. Увѣрять, что заговоръ можетъ составиться, развиться, подготовить дѣйствіе и осуществить свои цѣли безо всякаго проявленія власти — значитъ обманывать себя или лгать другимъ. Но при неизбѣжной борьбѣ съ государствомъ и съ силою капитала выбора нѣтъ. Если эта борьба не можетъ быть ведена на почвѣ „либеральныхъ пріобрѣтеній" и если она отложена быть не можетъ, то ее приходится, ее должно вести тайно; ее приходится, ее должно вести при пособіи заговора, и при значительной долѣ тайной власти, въ опредѣленныя минуты проявляющей свои дѣйствія. Это печально. Но оно такъ."

Все это вполнѣ прилагается къ тайной соціально-революціонной организаціи, какъ она должна возникнуть въ Россіи, для подготовленія побѣды соціальной революціи, и я здѣсь остановлюсь на двухъ вопросахъ, одинаково существенныхъ въ настоящемъ случаѣ:

1. Въ какой мѣрѣ *неизбѣжно* для надлежащаго успѣха революціоннаго дѣла подчиненіе членовъ и группъ, входящихъ въ составъ революціоннаго союза, нѣкоторой долѣ его, составляющей распорядительные органы союза?

2. Какими средствами можно — а потому и *обязательно* — для каждаго члена и для каждой группы, ограждать соціально-революціонный союзъ отъ злоупотребленій власти, въ немъ неизбѣжной? и какимъ образомъ, не смотря на существованіе этой власти, несмотря на неизбѣжное подчиненіе ей въ извѣстныя минуты, можно — а потому и обязательно — въ дѣятельности всѣхъ частей союза развивать и укрѣплять тѣ условія организаціи *свободныхъ* союзовъ и привычки къ *личной* иниціативѣ, которыя должны составить главныя основы жизни будущаго общества?

Соціально-революціонный союзъ долженъ организоваться такимъ образомъ, чтобы въ его организаціи положено было основаніе солидарности разныхъ частей Россіи, возстаніе которыхъ должно осуществить задачу революціи. Онъ имѣетъ передъ собою опаснаго врага въ органахъ мѣстнаго управленія и въ особенности въ явной и тайной полиціи; съ каждымъ успѣхомъ пропаганды, съ каждымъ шагомъ, ведущимъ къ успѣнію задачъ соціалистовъ

для ихъ враговъ, слѣдуетъ ожидать, что травля агитаторовъ, производимая теперь лишь правительственными агентами, встрѣтитъ не только все болѣе значительное сочувствіе, но и все болѣе энергическое содѣйствіе въ рядахъ общества собственниковъ и монополистовъ. Задачи революціи, лежащія на членахъ соціально-революціоннаго союза, на столько сложны и многочисленны, что этотъ союзъ не можетъ представлять лишь небольшую кучку людей, которые всѣ знаютъ другъ друга, въ ту минуту, когда ему придется взять на себя весьма серьезную роль, указанную въ предыдущей главѣ.

Если онъ долженъ быть распространенъ на довольно значительной территоріи или въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, долженъ быть не весьма малочисленъ, при томъ долженъ поддерживать солидарную дѣятельность всѣхъ своихъ частей и все это въ присутствіи многочисленныхъ и опасныхъ враговъ, то неизбѣжны нѣкоторыя слѣдствія этого положенія.

Во первыхъ, при невозможности всѣмъ членамъ союза хорошо знать другъ друга, онъ долженъ оградить себя отъ опасностей, которыя могутъ произойти для цѣлаго, отъ временной слабости или отъ увлеченія единицъ, въ него вошедшихъ. Иначе говоря, невозможно, чтобы всѣ члены его одинаково знали всѣ дѣла, относящіяся до союза въ его цѣломъ и во всѣхъ его частяхъ. Все что можно допустить — я думаю, что оно дѣйствительно возможно — это — оставить за *всякимъ* членомъ союза *право* получать *всякое* нужное ему свѣдѣніе, но при этомъ необходимо потребовать отъ него *нравственное обязательство* спрашивать, внѣ сообщаемаго ему, лишь то, что ему дѣйствительно необходимо или нужно для его дѣятельности, какъ члена. Группа, которая замѣтитъ въ своемъ членѣ, что онъ этого нравственнаго обязательства не исполняетъ, принуждена будетъ удалить его изъ своей среды. Но какъ бы то ни было, допуская только что упомянутое право, или отвергая его, въ организаціи общества придется допустить группы, болѣе или менѣе значительныя и между собою связанныя, но такимъ образомъ, что въ каждой группѣ *большинство* членовъ будетъ знать болѣе или менѣе полно лишь *мѣстныя дѣла*, тогда какъ нѣкоторое *меньшинство* лицъ (выборныхъ, или назначенныхъ центральнымъ органомъ, и, можетъ быть, даже, неизвѣстныхъ по своему положенію всѣмъ членамъ группы) будетъ обладать знаніемъ общаго хода дѣлъ союза, сношеніями между его частями и т. под., при чемъ они будутъ сообщать другимъ своимъ товарищамъ лишь нѣкоторую долю получаемыхъ ими свѣдѣній. Эти *исключительныя* свѣдѣнія вызовутъ неизбѣжную необходимость со стороны этихъ лицъ, дѣлать или передавать *распоряженія*, которыя должны быть исполнены, но обсужены быть не могутъ, такъ какъ лица, исполняющія ихъ, не имѣютъ матеріала для ихъ обсужденія. По

этому неизбѣжно въ средѣ группъ образуется *власть*, которой остальные члены въ большей или меньшей мѣрѣ подчиняются по добровольно взятому на себя обязательству. Именно эта власть служитъ для связи данной группы съ другими группами и можно представить себѣ, что самыя эти власти мѣстныхъ группъ находятся, по тѣмъ же причинамъ, въ подобныхъ же отношеніяхъ къ болѣе центральнымъ органамъ, которые объединяютъ нѣсколько группъ, пока, наконецъ, тѣмъ или другимъ способомъ, всѣ группы соціально-революціоннаго союза связываются между собою *одним* органомъ; этотъ органъ — будетъ ли онъ выборный или нѣтъ— во всякомъ случаѣ долженъ быть облеченъ *властью*, которая въ надлежащую минуту должна привести всѣ части союза въ согласное, цѣлесообразное и энергическое дѣйствіе.

Во вторыхъ, не только необходимость самозащиты для союза, но самая невозможность для мѣстныхъ группъ, погруженныхъ въ свои мѣстныя задачи пропаганды и агитаціи, охватить общій ходъ дѣла въ Россіи, принудитъ организовать союзъ такимъ образомъ, чтобы *рѣшеніе* задерживать частныя возстанія или содѣйствовать общему выходило въ данную минуту изъ органа, не поглощеннаго ходомъ дѣлъ въ отдѣльной мѣстности, но способнаго оцѣнить положеніе дѣлъ во всей странѣ, т. е. изъ органа, или непрерывно слѣдившаго за всѣми мѣстностями одновременно (распорядительный комитетъ), или состоящаго изъ представителей мѣстныхъ группъ (союзный съѣздъ). Въ противномъ случаѣ группы, принадлежащія мѣстностямъ, гдѣ движеніе идетъ туго, станутъ задерживать минуту революціи долѣе, чѣмъ это будетъ нужно; группы же, дѣйствующія болѣе успѣшно, сочтутъ эту минуту наступившею, когда сколько нибудь согласное дѣйствіе въ достаточномъ числѣ мѣстностей будетъ еще невозможно. Въ какой бы мѣрѣ ни была допущена здѣсь самостоятельность мѣстныхъ группъ, все таки, въ рѣшительную минуту, долженъ существовать рѣшающій голосъ, которому остальные должны *подчиниться* и который, слѣдовательно, образуетъ *власть* для всего союза въ самыхъ важныхъ его дѣлахъ.

Въ третьихъ, личности и группы, принадлежащіе союзу, могутъ быть опасными для дѣла не только потому, что онѣ могутъ, по слабости духа, или по увлеченію, передать врагамъ тайны его устройства и его дѣятельности. Онѣ могутъ быть опасны для дѣла еще тѣмъ, что, подъ вліяніемъ старыхъ привычекъ и влеченій, онѣ могутъ отклоняться въ своей дѣятельности отъ истинныхъ началъ рабочаго соціализма. При многочисленныхъ трудностяхъ подготовленія и постройки новаго общества, въ присутствіи многочисленныхъ враговъ, слѣдящихъ за всѣми ошибками и увлеченіями соціалистовъ, доходящими до общаго свѣдѣнія, въ присутствіи колеблющейся еще массы сочувствующихъ, но не ясно понимающихъ задачи соціальной революціи, въ присутствіи на-

родныхъ массъ, которыя могутъ быть оттолкнуты отъ агитаторовъ всякимъ неосторожнымъ дѣйствіемъ послѣднихъ, — всякое отклоненіе личностей и группъ, вступившихъ въ союзъ, отъ надлежащаго пути представляетъ значительную опасность, которая должна быть предотвращена всѣми возможными средствами. Долженъ существовать органъ, который могъ бы если не непрерывно слѣдить за дѣйствіями частныхъ группъ и личностей въ разныхъ мѣстностяхъ, то получать объ этой дѣятельности точные періодическіе отчеты, могъ бы предостерегать увлекающихся и отклоняющихся относительно опасности, которую они вызываютъ для дѣла, а, въ случаѣ необходимости, могъ бы пріостановить ихъ дѣятельность, устранить отъ дѣла ненадежныя личности, исключить изъ союза тѣхъ, нравственная или умственная сила которыхъ не стоитъ въ уровень съ задачею союза, и сдѣлать безвредными для союза лицъ изъ него исключенныхъ. Все это опять таки предполагаетъ *власть* и подчиненіе этой власти, безпрекословное исполненіе ея рѣшеній *немедленно*, хотя бы съ требованіемъ отъ нея отчета за ея дѣйствія впослѣдствіи.

Я ограничиваюсь этими аргументами, которые считаю достаточными для указанія необходимости въ существованіи довольно значительной *власти* при тайной организаціи соціально-революціоннаго союза. Каждому, вступающему въ союзъ, придется имѣть въ виду, что, вообще говоря, его свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ странѣ, и о личномъ составѣ союза будутъ довольно ограничены, но что онъ будетъ обязанъ иногда исполнить данное ему порученіе, не имѣя возможности обсудить его цѣлесообразность; будетъ обязанъ въ данную минуту призвать къ возстанію сочувствующихъ дѣлу, хотя бы онъ въ ближайшей мѣстности не видѣлъ никакой вѣроятности не только побѣдить противниковъ, но даже поднять довольно значительную массу народа; или, напротивъ, въ волнующейся мѣстности, будетъ обязанъ сдерживать народное волненіе, хотя ближайшіе факты его заставляютъ вѣрить, что минута взрыва настала. Ему придется имѣть въ виду, что за дѣйствіе, которое онъ совершилъ, одинъ или съ товарищами, въ полной увѣренности, что такъ слѣдовало поступать, дѣятельность его или всей его группы можетъ быть прекращена, онъ можетъ быть вовсе удаленъ изъ союза, и возстановленіе его права на мѣсто въ рядахъ строителей новаго общества можетъ быть довольно трудно при тайной организаціи союза.

Само собою разумѣется, что власть, облеченная по необходимости такими правами, должна быть подвергнута столь строгому контролю, какъ только это возможно при данныхъ обстоятельствахъ, и что должны быть приняты всевозможныя мѣры для устраненія возможности злоупотреблять ею. Чѣмъ необходимѣе въ опредѣленной мѣрѣ подчиняться этой власти, тѣмъ необходимѣе каждой личности охранять при этомъ свое человѣческое

достоинство сво[illegible] сознательнаго дѣятеля; тѣмъ необходимѣе всякой груп[illegible]о отстаивать свою самостоятельность въ сферахъ, от[illegible]я до ея мѣстной дѣятельности; тѣмъ необходимѣе всѣ[illegible]намъ имѣть въ организаціи союза не только власть, руководящую каждаго въ тѣхъ дѣлахъ и въ тѣ минуты, когда это руководство неизбѣжно, но еще и солидарную поддержку каждой личности и каждой группы противъ злоупотребленій или ошибокъ власти, возможность измѣнить личный составъ власти, несоотвѣтствующей своему назначенію.

Самымъ простымъ пріемомъ для устраненія всякаго зла, которое можетъ произойти, и большею частью происходитъ отъ всякой власти, обыкновенно считается надлежащая *форма* отношеній между частями общества, въ особенности же между властью и лицами или группами, ей подчиненными, иначе говоря — *конституція* общества. Система выборовъ и назначеній, контроля и суда, перенесеніе тѣхъ или другихъ функцій въ центральный органъ или раздѣленіе ихъ между федерированными органами— всему этому придаютъ большею частью громадное значеніе для даннаго вопроса. *Въ извѣстной мѣрѣ* важность формъ общественной связи не можетъ быть оспариваема, т. е. существуютъ такія формы этой связи, которыя почти не допускаютъ никакого контроля власти, слѣдовательно—сами собою ведутъ къ ея злоупотребленію; или вполнѣ затрудняютъ всякое энергическое общее дѣйствіе; или обусловливаютъ деморализацію личностей, вступающихъ въ общество; или должны очевидно повести къ недовѣрію между частями и къ разложенію общества. Конечно, такія формы не должны быть допущены съ самой первой минуты существованія образующагося общества, или должны быть устранены изъ него тѣмъ самимъ, которымъ эти формы всего *удобнѣе*, какъ только замѣчено ихъ вредное дѣйствіе. — Таковъ былъ самый способъ вступленія членовъ въ нечаёвскій союзъ, когда отъ членовъ требовали самаго безусловнаго повиновенія центральному комитету, не указывая точно и опредѣленно даже цѣлей, къ которымъ стремилось тайное общество. Если раздраженіе противу существующаго положенія дѣлъ и увлеченіе могло побудить нѣкоторыхъ лицъ изъ молодежи вступать въ общество и на *этихъ* основаніяхъ, то продолжительное дѣйствіе подобной формы общественной связи могло выработать или неразсуждающія машины, лишенныя всякой инщіативы и, слѣдовательно, ни на что не годныя для постройки сколько нибудь живаго общества, или неискреннихъ конспираторовъ, вступившихъ въ общество съ цѣлью скорѣе пользоваться имъ для *своихъ* плановъ и цѣлей, чѣмъ посвятить себя *общей* цѣли: въ обоихъ случаяхъ общество, какъ солидарный союзъ мыслящихъ личностей, было невозможно съ первой минуты своего существованія. — Почти въ такой же

степени была очевидна съ самаго начала несостоятельность—въ смыслѣ солидарной дѣятельности мыслящихъ личностей — организація „Альянса“, на сколько она изложена въ напечатанныхъ статутахъ (не встрѣтившихъ опроверженія въ продолженіи двухъ лѣтъ). Еще „интернаціональные братья“ могли, можетъ быть, охранить себя отъ злоупотребленій „учредительной и высшей власти“, но „національные братья“ не имѣли никакого средства контролировать дѣйствія ста диктаторовъ, и, въ этомъ случаѣ, злоупотребленіе власти было неизбѣжно. — Въ извѣстной мѣрѣ Генеральный Совѣтъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ самъ подорвалъ первоначальную организацію Ассоціаціи, удерживая въ статутахъ пунктъ о пополненіи совѣта собственными выборами. Этотъ пунктъ, весьма *удобный* для совѣта, сталъ положительно *вреденъ* для солидарности Ассоціаціи, какъ только проснулось въ разныхъ странахъ недовѣріе къ Совѣту и какъ только нашлись люди, которые, изъ за личныхъ цѣлей, стали раздражать это недовѣріе. Оно могло бы быть въ значительной степени парализовано, если бы Генеральный Совѣтъ самъ предложилъ измѣненіе своей организаціи, такъ чтобы онъ состоялъ изъ представителей, выбранныхъ федераціями, и, слѣдовательно, опирался на довѣріе интернаціоналистовъ къ своему выборному, засѣдающему въ этомъ совѣтѣ. Въ этомъ случаѣ *форма* связи между частями Ассоціаціи, съ виду неважная, послужила весьма губительнымъ элементомъ для ея солидарности. — Наконецъ, можно сказать, что форма федераціи вполнѣ самостоятельныхъ небольшихъ мѣстныхъ группъ, которыя сносились бы непосредственно между собою, безъ всякихъ посредствующихъ и объединяющихъ комитетовъ или конгрессовъ, не имѣетъ ни малѣйшаго шанса вызвать продолжительную солидарную дѣятельность, и, тѣмъ менѣе, энергическое и согласное дѣйствіе въ минуту всеобщей борьбы.

Но если нѣкоторыя формы общественной связи противурѣчатъ требованію общественной солидарности при развитіи въ личностяхъ самостоятельной иниціативы, если другія формы, сначала безвредныя или даже полезныя, должны быть впослѣдствіи отброшены во имя поддержанія общественной солидарности, то внѣ этихъ предѣловъ находится крайнее разнообразіе формъ, одинаково *возможныхъ* для общественныхъ связей, и споръ изъ за которыхъ не имѣетъ никакого существеннаго значенія. Къ этимъ формамъ, довольно безразличнымъ, относится *централистическая* или *федералистическая* организація общественной связи въ переходные періоды, которые придется переживать соціально-революціонному союзу наканунѣ революціи и на другой день послѣ нея. Существованіе или несуществованіе *постояннаго* объединяющаго органа, перенесеніе главныхъ вліятельныхъ функцій общественныхъ сношеній въ общій центральный органъ или въ органы, объединяющіе отдѣльныя федераціи, — имѣютъ очень

мало значенія сравнительно съ распредѣленіемъ наилучше понимающихъ, наиболѣе энергическихъ, а потому и наиболѣе вліятельныхъ *личностей*; эти личности могутъ точно также руководить всѣмъ дѣломъ изъ одной мѣстности при федералистической формѣ организаціи, какъ могутъ парализовать чрезмѣрное вліяніе центральнаго органа, находясь во главѣ мѣстной федераціи. Будетъ ли союзъ группированъ въ нѣсколько федерацій со своими объединяющими органами, при чемъ главныя функціи будутъ принадлежать этимъ органамъ, тогда какъ органъ, объединяющій весь соціально-революціонный союзъ, будетъ лишенъ особеннаго вліянія; или этотъ послѣдній объединяющій органъ будетъ имѣть болѣе рѣшительное значеніе — все это не особенно важно, пока соблюдено два условія: во первыхъ, пока наиболѣе вліятельные органы образованы такою системою выборовъ или назначеній, которая позволяетъ большинству мелкихъ группъ вполнѣ довѣрять дѣятельности этихъ органовъ; во вторыхъ, пока союзъ, помощью той или другой организаціи, можетъ постоянно контролировать дѣятельность всѣхъ вліятельныхъ органовъ и можетъ измѣнять ихъ составъ, если онъ окажется неудовлетворительнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. При соблюденіи этихъ двухъ условій объединяющіе органы могутъ быть облечены весьма значительною властью безъ вреда для общей дѣятельности союза, и даже безъ вреда для самостоятельности его мелкихъ группъ и отдѣльныхъ членовъ.

По этому можно себѣ представить организацію соціально-революціоннаго союза въ разныхъ формахъ, сравнительное удобство и неудобство которыхъ гораздо болѣе зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ пропаганды и агитаціи, въ особенности же отъ числа и распредѣленія наиболѣе вліятельныхъ личностей, чѣмъ отъ общихъ задачъ рабочаго соціализма или даже отъ общихъ условій борьбы русскихъ соціалистовъ противъ современнаго государства и капитала. Въ послѣдующемъ, перечисляя нѣкоторыя изъ этихъ *возможныхъ* формъ и отмѣчая мое *личное* мнѣніе относительно выгодъ или невыгодъ каждой изъ нихъ, я нисколько не имѣю въ виду ни исчерпать всѣ формы организаціи, возможныя для соціально-революціоннаго союза, ни произнести рѣшительный приговоръ надъ тою или другою изъ этихъ формъ, такъ какъ, въ одномъ случаѣ, удобства для меня очевидныя, могутъ быть парализованы неудобствами, возникающими изъ случайныхъ обстоятельствъ обстановки; въ другомъ — невыгоды, которыя я не могу не отмѣтить, могутъ уравновѣшиваться выгодами, вытекающими опять таки изъ случайнаго распредѣленія силъ и условій ихъ дѣятельности. Повторяю, что *форма* организаціи должна, во всякомъ случаѣ, имѣть наименьшее значеніе въ глазахъ соціалиста, серьезно понимающаго задачи соціальной революціи.

1. Можно представить себѣ значительную часть Россіи, по-

крытою сѣтью мелкихъ группъ членовъ союза, такъ что каждая группа или *секція* дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно на своей территоріи, выбирая изъ своей среды по два или по три человѣка для взаимной связи между секціями и для общихъ дѣлъ. Одинъ изъ этихъ *выборныхъ людей* секціи, по рѣшенію ихъ между собою, представляетъ секцію на *союзномъ съѣздѣ*, собирающемся въ опредѣленные сроки или, въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ, на экстренное засѣданіе. Союзный же съѣздъ, который и есть въ союзѣ органъ объединенія и органъ власти, назначаетъ на все время, пока онъ не засѣдаетъ, *распорядительный комитетъ*, который служитъ постояннымъ центральнымъ органомъ для общихъ дѣлъ секцій, можетъ созывать экстренныя засѣданія съѣзда, но самъ принимаетъ на себя иниціативу дѣйствія лишь въ крайнемъ случаѣ.

Эта форма общественной связи предполагаетъ весьма значительное разростаніе союза и довольно равномѣрное распространеніе его по Россіи, что едва ли можно ожидать въ довольно скорое время. Кромѣ того, обширность Россіи и разнородность условій дѣятельности соціально-революціоннаго союза въ разныхъ мѣстностяхъ (напр. на Волгѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Малороссіи, около Москвы, среди горнорабочихъ Урала, среди казаковъ Дона или Черноморья и т. под.) едва ли дозволятъ установить прямую солидарную дѣятельность мелкихъ группъ всѣхъ этихъ частей безъ промежуточныхъ объединяющихъ органовъ. — Контроль дѣйствій съѣзда былъ бы, конечно, не затруднителенъ, такъ какъ на немъ присутствуютъ делегаты всѣхъ секцій, но контроль надъ распорядительнымъ комитетомъ устроить въ разсматриваемомъ случаѣ не легко. — Прибавлю къ этому, что многочисленность съѣзда, при тайной организаціи, представляетъ значительное неудобство.

2. При тѣхъ силахъ, которыя *могла бы* выставить *теперь уже* соціалистическая интеллигенція, и которыя должны составить первый кадръ *соціально-революціоннаго союза*, при существующей настоятельной необходимости сократить на сколько возможно подготовительный періодъ революціи и въ то же время сдѣлать побѣду ее возможною, всего удобнѣе, какъ я думаю, группировать секціи четырехъ или пяти достаточно обширныхъ но отдѣльныхъ территорій, наиболѣе воспріимчивыхъ для пропаганды и агитаціи, въ отдѣльныя *федераціи*, со своими съѣздами и комитетами, которые могли бы составляться точно такъ, какъ было только что передъ этимъ сказано въ первомъ случаѣ относительно союзнаго съѣзда и распорядительнаго комитета для всей Россіи. Отдѣльные члены и секціи, дѣйствующіе внѣ главныхъ избранныхъ четырехъ или пяти территорій, были-бы причислены къ территоріи наименѣе отдаленныхъ *федераціонныхъ съѣздовъ* и *комитетовъ*. *Федераціонные съѣзды* могутъ выбирать по нѣскольку делегатовъ на *союзный съѣздъ*, составляющій временную верховную власть

держки, каждому вырабатывать въ себѣ и въ другихъ *нравственныя* требованія рабочаго соціализма.

Надо вырабатывать въ себѣ и въ другихъ неуступчивое *отвращеніе отъ монополіи* во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ.

Надо вырабатывать въ себѣ и въ другихъ то *уваженіе къ труду*, которое одно можетъ обратить будущее общество въ царство труда всѣхъ для общаго развитія.

Надо вырабатывать въ себѣ и въ другихъ ясное пониманіе выдѣленія *соціально-революціонныхъ* вопросовъ изъ всѣхъ прочихъ политическихъ, націоналистическихъ вопросовъ, изъ культурныхъ вопросовъ разнаго рода; то пониманіе, которое одно дозволитъ соціалистамъ революціонерамъ, не отклоняясь отъ своей цѣли и не дробя безполезно свои силы, идти безостановочно и какъ можно быстрѣе къ революціи на началахъ рабочаго соціализма.

Надо вырабатывать въ себѣ и въ другихъ тѣ *привычки солидарности*, безъ которыхъ осуществленіе лучшаго общественнаго строя совершенно немыслимо.

Надо вырабатывать въ себѣ и въ другихъ *сознаніе своего и чужаго личнаго достоинства* и рѣшимость отстаивать ихъ всѣми средствами и при всякихъ условіяхъ; то сознаніе и ту рѣшимость, которыя одни могутъ сохранить за личностью ея независимость и самостоятельность при всякой формѣ общественной связи, при всѣхъ искушеніяхъ, представляющихся во время общественной борьбы: или обратиться въ машину въ рукахъ другихъ, или сдѣлать другихъ машинами въ своихъ рукахъ.

Изъ этихъ требованій лишь два послѣднія имѣютъ прямое отношеніе къ разсматриваемому мною вопросу о государственномъ элементѣ, но, по тѣсной связи всѣхъ нравственныхъ требованій рабочаго соціализма, мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ и о предыдущихъ.

Монополія есть понятіе, которое впервые сознательно опредѣлилось въ области экономической политики государствъ, имѣвшихъ въ виду удовлетворять своимъ финансовымъ нуждамъ. Это было *исключительное* право, которымъ государственная власть облекала себя или группу частныхъ лицъ пользоваться выгодами опредѣленной экономической операціи. Государство брало себѣ *монополію* чеканки монеты, и долго считалось высокою государственною мудростью употребленіе этой коронной монополіи на обкрадываніе населенія выпускомъ малоцѣнной монеты съ высокой номинальной цѣнностью. Государство продавало откупщикамъ *монополію* сбора податей, выкурки вина; и эти грубыя формы монополій играли не малую роль въ раздраженіи общества, подготовлявшемъ политическія революціи. Эти революціи, вмѣстѣ съ развитіемъ міровыхъ экономическихъ отношеній, отняли у

правительствъ возможность столь грубыхъ хищничествъ и унесли системы государственныхъ откуповъ. Но когда либерализмъ торжествовалъ эти побѣды надъ своеволіемъ правительствъ, наука неожиданно открыла, что совершенно аналогичныя формы монополіи, только менѣе грубыя, проникали весь строй существующаго общества, господствовали даже въ тѣхъ сферахъ его, гдѣ новый либерализмъ былъ, по видимому, неограниченнымъ побѣдителемъ, и всюду эти монополіи, по самой своей сущности, являлись элементомъ, подрывающимъ общественную солидарность во всѣхъ ея старыхъ и новыхъ формахъ. Въ этой новой, болѣе общей и менѣе грубой формѣ своей *монополія* есть *исключительное обладаніе* такимъ общественнымъ оружіемъ, которое даетъ его обладателю *преимущество* въ общественной конкурренціи за богатство, за вліяніе, за власть и т. под., *совершенно независимо* отъ умственнаго и нравственнаго достоинства этого обладателя.

Оказалось тогда, что монополія, въ этомъ менѣе грубомъ значеніи слова, современна первому хищничеству, что ея существованіе *вызвало* законы о собственности и о договорѣ, ея развитіе *вызвало* въ значительной долѣ государственный строй, но, что, въ то же время, именно развитіе въ обществѣ элемента монополіи вполнѣ измѣнило характеръ государства, долженствовавшаго ограждать личную и общественную безопасность, и лишило его всякой возможности исполнять эту функцію (см. выше, стр. 26 и сл.). Она дѣйствовала точно также и въ другихъ формахъ общественной связи, частью подъ охраною закона, частью не нуждаясь въ этой охранѣ, такъ какъ самое положеніе лицъ и группъ создавало *исключительное обладаніе* тѣмъ или другимъ общественнымъ оружіемъ въ пользу однихъ и не давало къ нему доступа другимъ. — Законъ ограждалъ монополію брака, создавая гаремы на Востокѣ, семейную тиранію всюду, но внѣ всякаго закона общественныя условія выводили изъ бѣдныхъ классовъ опредѣленное число проститутокъ на монопольное пользованіе богатымъ развратникамъ. Въ обоихъ формахъ монополія явилась здѣсь разлагающимъ началомъ интимной связи личностей. — Законъ оградилъ въ разныхъ формахъ монополію суда и судебной защиты, но общественныя условія сдѣлали судъ и судебную защиту, — *по закону* доступные всѣмъ — самымъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ богатыхъ и вліятельныхъ классовъ для подавленія бѣдныхъ и слабыхъ. И здѣсь монополія подорвала общественную связь, подорвавъ вѣру въ общественную справедливость. — Стоимость обученія въ высшихъ школахъ сдѣлала образованіе монополіею богатыхъ и внушило массѣ недовѣріе къ знанію. — Стоимость литературныхъ предпріятій отдала прессу на монопольный откупъ полиціи и спекуляторамъ, отнимая у независимыхъ но бѣдныхъ общественныхъ партій даже возможность имѣть органъ для полемики съ противниками и дѣлая изъ *свободнаго* слова либераль-

ныхъ конституцій *монополію* богатыхъ классовъ. — *Исключительное обладаніе* тѣмъ или другимъ общественнымъ оружіемъ въ ростущей конкурренціи всѣхъ противъ всѣхъ изъ за богатства, изъ за вліянія, независимо отъ всякаго умственнаго и нравственнаго достоинства конкуррирующихъ, стало девизомъ всѣхъ сферъ буржуазной цивилизаціи. *Монополія* въ ея тысячѣ формъ стала необходимымъ условіемъ этой общественной борьбы и главнымъ ея оружіемъ. *Монополія* вызывала духъ *конкурренціи* и *конкурренція* требовала всюду опоры *монополіи*. Никакая общественная солидарность не могла устоять противъ этого разлагающаго элемента, который становился всюду синонимомъ взаимнаго недовѣрія, эксплуатація слабѣйшаго сильнѣйшимъ, всеобщей борьбы.

Совершенно понятно, что соціализмъ, какъ ученіе *солидарности*, какъ отрицаніе всякой *конкурренціи* между членами солидарнаго общества, долженъ былъ сдѣлаться принципіальнымъ врагомъ всякой *монополіи*. Революціонный соціализмъ поставилъ себѣ цѣлью насильственное разрушеніе всякой монополіи. Рабочій соціализмъ, провозгласивъ солидарность всѣхъ трудящихся, тѣмъ самымъ осудилъ всякую монополію въ своей средѣ. Выработка привычекъ рабочаго соціализма сама собою включаетъ выработку *отвращенія* къ монополіи во всѣхъ ея видахъ, такъ какъ *исключительное обладаніе* какимъ либо оружіемъ для борьбы вызываетъ съ одной стороны желаніе употребить его и злоупотребить имъ, съ другой стороны воспитываетъ въ обществѣ взаимное недовѣріе и во всѣхъ случаяхъ подрываетъ общественную солидарность. Привычка ко всеобщей конкурренціи изъ за обогащенія или вліянія на столько распространена въ современномъ обществѣ, что, въ виду устраненія ея въ будущемъ, убѣжденные соціалисты теперь же нравственно обязаны искоренять ее въ себѣ и въ своихъ товарищахъ всѣми возможными средствами.

Но при условіяхъ современной борьбы соціалисты не могутъ обойтись для этой борьбы безъ существующаго повсюду орудія монополіи. Выработка соціалистической нравственности требуетъ по этому лишь одного: борясь со старымъ міромъ при неизбѣжномъ пособіи существующихъ монополій, даже *временно* не ставить себѣ *вспомогательною* цѣлью созданіе новыхъ монополій какъ орудій въ борьбѣ за соціалистическія начала; *никогда* и *ни въ какомъ случаѣ* не обращаться къ монополіи, къ *исключительному присвоенію* какихъ либо оружій въ общественной борьбѣ, для цѣлей кружковаго соперничества въ средѣ самихъ соціалистовъ, которые, каковы бы ни были ихъ разногласія (легалистовъ, революціонеровъ-якобинцевъ, народныхъ революціонеровъ-эксперименталистовъ, систематическихъ подготовителей побѣды народной революціи) обязаны, во имя солидарности, устанавливаемой ихъ *цѣлью* (рабочимъ соціализмомъ) и одинаковою ненавистью

противу ихъ общихъ враговъ (современнаго государства и капитализма), бороться между собою лишь оружіемъ открытой и равноправной пропаганды и полемики, предоставляя побѣду той партіи, за которой окажется умственное и нравственное превосходство, но не пользуясь оружіемъ исключительнаго присвоенія и выгоднѣйшаго положенія, оружіемъ *монополіи*, подрывающей, по самой своей сущности, солидарность всѣхъ строителей солидарнаго міра рабочаго соціализма.

Живя и дѣйствуя въ обществѣ, гдѣ *все* составляетъ предметъ или продуктъ монополіи, борясь со старымъ міромъ на той исторической почвѣ, которую выработалъ этотъ старый міръ со своими монополіями во всѣхъ сферахъ, соціалистамъ приходится употреблять оружіе, которое у нихъ находится подъ руками, приходится пользоваться *существующими* около нихъ монополіями для своей борьбы. Деньги, употребляемыя ими на борьбу, суть продуктъ монопольнаго хозяйства и составляютъ монопольныя средства группы борцовъ. Всякое общественное положеніе, которымъ они пользуются, всякая легальная форма, на которую они опираются въ борьбѣ, заключаетъ въ себѣ разнообразные результаты прежнихъ и современныхъ монополій. Все это неизбѣжно, и отказаться отъ этого оружія борьбы соціалисты не имѣютъ права, потому что это значило бы отказаться отъ самой борьбы, отказаться отъ побѣды рабочаго соціализма.

Но эта печальная необходимость, вытекающая изъ историческихъ условій современной соціальной борьбы, побуждаетъ иныхъ, вслѣдствіе привычныхъ впечатлѣній, смотрѣть на существующія монополіи не только какъ на *неизбѣжное* оружіе, но какъ на оружіе *желательное*; какъ на оружіе, которымъ не только *приходится* пользоваться, потому что оно одно подъ руками, но какъ на такое, которое соціалисту можно *выковывать* самому; какъ на такое, которое можетъ быть употреблено не только противъ враговъ соціализма и для отстаиванія себя въ средѣ враждебнаго или индифферентнаго общества, но и въ средѣ своихъ же товарищей; какъ на такое, въ которое дозволительно обратить самыя орудія соціалистической пропаганды. — Противъ подобнаго, на мой взглядъ, несогласнаго съ соціалистическою нравственностью примиренія съ самымъ антисолидарнымъ началомъ стараго строя, противъ такого гибельнаго, по моему мнѣнію, извращенія самыхъ принциповъ соціальной борьбы за будущее, нравственно обязанъ бороться неуступчиво въ себѣ и въ другихъ всякій убѣжденный соціалистъ.

Соціалистъ, который ставитъ личное богатство, какъ *правомѣрную* ближайшую цѣль своей дѣятельности, для того чтобы *послѣ* употребить это богатство на содѣйствіе соціально-революціоннымъ стремленіямъ, дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на все, что его окружаетъ. Онъ поддерживаетъ и развиваетъ въ товарищахъ

и въ тѣхъ, которые *могли-бы* перейти въ ряды рабочаго соціализма, привычку мысли стараго міра, поклоненіе богатству, борьбу за обогащеніе. Большинство видитъ лишь идолъ, которому онъ поклоняется, находитъ въ этомъ оправданіе собственному идолопоклонству предъ золотымъ тельцомъ, и за тѣмъ является мысль: къ чему же измѣнять способъ служенія этому идолу, когда буржуазное общество такъ красиво служитъ ему, а соціалисты не отказываются отъ этого служенія? — Но мало того. Тотъ, кто гонится за богатствомъ какъ средствомъ, скоро, подъ вліяніемъ всей атмосферы своихъ товарищей и соперниковъ въ борьбѣ за обогащеніе, отодвигаетъ *цѣль* все далѣе и далѣе, опьяняется процессомъ своей временной дѣятельности и, наконецъ, дѣлается эксплуататоромъ среди эксплуататоровъ, хищникомъ среди хищниковъ подъ лицемѣрною маскою соціалистическихъ тенденцій.

Еще болѣе разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на борцовъ за начала рабочаго соціализма допущеніе на минуту, что они, въ своихъ разногласіяхъ и частныхъ соперничествахъ, имѣютъ малѣйшее право употреблять оружіе монополіи *другъ противъ друга*. Совершенно понятно, что, при живомъ возбужденіи борьбы за новыя начала, различіе пониманія вопросовъ рабочаго соціализма, различіе развитія личностей вступившихъ въ ряды борцовъ за него, личныя ихъ привычки и влеченія ведутъ къ раздѣленію соціалистовъ на группы, оспаривающія другъ у друга право на болѣе вѣрное пониманіе задачъ соціальной революціи и средствъ для рѣшенія этихъ задачъ. Совершенно естественно, что каждая изъ соперничествующихъ группъ защищаетъ *свой* способъ пониманія словесною полемикою на собраніяхъ, печатною полемикою въ существующихъ органахъ прессы. Оставляя въ сторонѣ недобросовѣстныя и гаерскія выходки, которыя сами осуждаютъ тѣхъ, кто ихъ дозволяетъ себѣ во вредъ общему дѣлу, на выдѣленіе изъ рядовъ честныхъ борцовъ за будущее; оставляя въ сторонѣ эту печальную проказу, возможную во всѣхъ партіяхъ и о которой здѣсь дозволительно говорить лишь мимоходомъ — было бы преступно, какъ я думаю, если бы немногіе существующіе органы соціалистической прессы, воспользовались монополіею своего положенія, чтобы отнять у несогласныхъ съ ними честныхъ борцовъ-соціалистовъ возможность вести *серьезную* и *приличную по формѣ* полемику противъ ихъ способа пониманія вопросовъ рабочаго соціализма и соціальной революціи. Было-бы еще менѣе согласно съ соціалистическою нравственностью, — какъ я ее понимаю — если бы самое распространеніе органовъ соціалистической пропаганды было обращено въ монополію одною группою соціалистовъ, для того чтобы облегчить себѣ борьбу за преобладаніе съ другими группами, съ которыми первая группа не умѣла бы надлежащимъ образомъ бороться иными способами. Свобода полемики путемъ слова и обязательность облегченія этой

полемики честнымъ противникамъ, на столько же какъ союзникамъ, есть одинъ изъ немногихъ пунктовъ старой либеральной програмы, который, по самой своей сущности, переходитъ цѣликомъ въ програму рабочаго соціализма, и лишь рабочій соціализмъ можетъ безбоязненно и добросовѣстно осуществить этотъ пунктъ. Ограниченіе же распространенія пропаганды собственной партіи въ видахъ кружковой политики соперничества есть такое непониманіе самой сущности борьбы за идею, что его можно объяснить — но никогда не оправдать — лишь упорствомъ старыхъ привычекъ конкурренціи, вынесенныхъ строителями новаго міра изъ того, въ которомъ они выросли. — Какъ ни вредны и преступны подобныя дѣйствія въ обществѣ, которое провозглашаетъ основнымъ своимъ принципомъ солидарность всѣхъ своихъ членовъ и отрицаніе монополіи, но эти дѣйствія еще болѣе *опасны* для тѣхъ, которые себѣ дозволяютъ ихъ, въ томъ смыслѣ что эти дѣйствія укореняютъ въ группахъ соціалистовъ тѣ самыя привычки мысли, которыя слѣдуетъ уничтожить всего тщательнѣе въ новомъ строѣ и уничтоженіе которыхъ на другой день послѣ революціи составитъ одну изъ главныхъ обязанностей того самого, кто теперь холитъ эти противуобщественныя привычки въ средѣ своихъ товарищей по дѣлу.

Уваженіе къ труду написано на знамени всѣхъ соціалистическихъ группъ нашего времени и едва ли есть соціалистъ, который рѣшился бы отвергнуть требованіе отъ будущаго общества всеобщаго труда на общую пользу; едва ли есть соціалистъ, который не считалъ бы паразитизмъ одною изъ самыхъ отвратительныхъ болячекъ современнаго общества. Но какъ ни обще теоретическое признаніе этихъ началъ, далеко не соотвѣтствуетъ ему практическая выработка въ средѣ соціалистовъ привычекъ, соотвѣтствующихъ этому признанію.

Я не говорю вовсе о тѣхъ безобразникахъ, называющихъ себя соціалистами, которые преспокойно живутъ паразитами на счетъ своихъ друзей и товарищей, превозглашая свое *будто бы* соціалистическое право жить на счетъ „общества" и не ударяя палецъ о палецъ для какого нибудь *дѣла* на пользу этого „общества". Въ своемъ безобразіи виновны не столько эти особи человѣческаго рода, въ инертномъ мозгу которыхъ никогда не выработалось ни одного *нравственнаго* побужденія. Виновны особенно окружающіе ихъ, имѣющіе слабость поддерживать безнравственное существованіе этихъ паразитовъ. Преступны люди, которые не отворачиваются отъ нихъ съ презрѣніемъ, которые воспитываютъ въ нихъ иллюзію, что они могутъ кому либо внушить дружбу, любовь, уваженіе. *Эти* питатели паразитизма опошляютъ себя, топчутъ въ грязь знамя соціализма, измѣняютъ его началамъ, поддерживая паразитовъ соціализма.

Я не говорю и о другихъ личностяхъ, которыя, *имѣя возможность* поддерживать себя личнымъ трудомъ, не только живутъ на счетъ революціонной партіи во имя своихъ *заслугъ* предъ этой партіей, но берутъ изъ ея средствъ далеко болѣе необходимаго на свои *искусственныя* потребности. Политическіе заговорщики всегда допускали въ своей средѣ раздѣленіе участниковъ въ заговорѣ на разряды: одни доставляли средства партіи и повиновались; другіе, *высшее* начальство, повелѣвали, существуя на подати, вносимыя лицами *низшаго* разряда. Въ соціалистическомъ союзѣ этого быть не должно. Тамъ обязанность труда лежитъ на *всѣхъ*. Тамъ заслуги передъ партіей могутъ лишь внушить нравственное уваженіе, но не даютъ ни правъ, ни преимуществъ. *Всякій* обязанъ отдать *всѣ* свои силы общему дѣлу и въ исполненіи этой *обязанности* нѣтъ ни малѣйшей *заслуги*. Конечно, соціалисты имѣютъ своихъ инвалидовъ, которые, совершивъ все возможное для дѣла, роняютъ оружіе изъ рукъ, обезсилѣвшихъ отъ дряхлости, отъ болѣзни, отъ ранъ, полученныхъ въ борьбѣ за дѣло соціализма. Въ этомъ случаѣ соціалистическія партіи имѣютъ одинаковую обязанность относительно рядоваго и относительно предводителя. *Всякій* боецъ за правду заслужилъ право на необходимое, когда онъ *потерялъ возможность* поддерживать себя собственными силами, точно также какъ имѣютъ право на необходимое *всѣ* тѣ, которые отдаютъ *все свое время* работѣ, *настоящей работѣ*, на пользу соціально-революціонной партіи. Но всѣ они имѣютъ право *только* на *необходимое*. Всякій же, имѣющій *возможность* зарабатывать себѣ средства существованія собственнымъ трудомъ, не имѣетъ нравственнаго права существовать на средства товарищей; тѣмъ менѣе имѣетъ право пользоваться средствами революціоннаго союза для своихъ *искусственныхъ* потребностей. Болѣе или менѣе сознательные эксплуататоры соціально-революціонной партіи для своихъ личныхъ удобствъ и наслажденій не имѣютъ никакого права на мѣсто въ ряду борцовъ противу всякаго эксплуататорства.

Но я имѣлъ здѣсь въ виду не эти слишкомъ грубыя нарушенія принципа уваженія къ труду, обязанности отдавать свой трудъ на общее дѣло. Въ борьбѣ съ хищническимъ обществомъ слишкомъ часто и болѣе выработанныя натуры способны забыть, что дѣло соціальной революціи не можетъ ограничиться захватомъ имущества хищниковъ и передачею его въ общее владѣніе, но что сущность будущаго строя будетъ *общій трудъ*, и что каждому приходится уже теперь вырабатывать въ себѣ и около себя тѣ привычки, которыя *однѣ* могутъ послужить основою для постройки этого царства общаго труда. Не только „экспропріація экспропріаторовъ", о которой говоритъ К. Марксъ (см. стр. 87), должна совершиться, для чего достаточно той ненависти къ эксплуататорамъ, которая давно уже накопляется въ рабочемъ классѣ; должно еще устано-

виться солидарное общество трудящихся на общую пользу, а для этого нужно строителямъ будущаго общества усвоить совсѣмъ иныя привычки жизни. Надо усвоить привычку *добросовѣстнаго* отношенія ко всякому труду, на себя взятому. Надо усвоить — на сколько это возможно — привычку практическаго устраненія изъ пріемовъ дѣйствія соціально-революціонной партіи тѣхъ пріемовъ, которые выработаны традиціею современнаго хищничества и стремленія къ паразитизму.

„Мы — борцы за царство труда и, во имя уваженія къ труду, для насъ всякое имущество, не заслуженное трудомъ, должно быть гадко и отвратительно... Мы не можемъ проповѣдывать беззастѣнчивый грабежъ чужаго имущества, какъ только оно плохо лежитъ, не продолжая вашей (буржуазной) теоріи хищничества... Соціалистическая справедливость говоритъ своимъ борцамъ: мнѣ не нужно... богатства отдѣльныхъ мелкихъ грабителей. Мнѣ нужна соціальная революція, полное и всеобщее разрушеніе стараго міра, полная и всеобщая побѣда... Ее не купить той жалкой добычей, которую можно отнять у одного хищника.... Придетъ она (минута революціи) и разомъ всѣ богатства хищниковъ попадутся въ мои руки. Поэтому, для торжества моего царства не можетъ быть нуженъ... отдѣльный захватъ имущества хищника.... Дѣло идетъ объ установленіи царства труда. Оно требуетъ и теперь трудовой жизни, а не захватовъ чужаго.“ („Впередъ“ № 13, стр. 393—396).

Эти начала, выставленныя во „Впередъ“ во имя принципіальной послѣдовательности приверженцевъ рабочаго соціализма, во имя чистоты знамени партіи, имѣютъ не только это теоретическое значеніе. Они важны еще въ смыслѣ практическаго самовоспитанія соціалистовъ революціонеровъ къ тому будущему, которое они готовятъ и въ которомъ имъ придется участвовать въ минуты, когда на нихъ будетъ лежать вся отвѣтственность за успѣхъ постройки новаго общества. Конечно, для нихъ не можетъ и не должна быть святынею собственность общественныхъ хищниковъ и паразитовъ, собственность государства, высасывающаго всѣ жизненные соки рабочаго люда. Защитники „священной собственности“ слишкомъ явно доказываютъ своими собственными дѣйствіями на сколько и для нихъ это не святыня, а удобная фикція. Но истинный соціалистъ устраняетъ отъ себя хищническіе пріемы (которые казались дозволительными нѣкоторымъ увлекающимся и непослѣдовательнымъ проповѣдникамъ) во имя *иной* святыни, именно во имя святыни труда, которой онъ служитъ, какъ святынѣ будущаго, какъ основному мотиву будущей общественной жизни; во имя святыни труда, которой онъ служитъ, какъ обязанности, лежащей на немъ и теперь, потому что лишь служеніе ей можетъ подготовить его къ руководству въ будущемъ другихъ при постройкѣ царства труда.

Если старыя привычки безнравственной среды, изъ которой вырабатываются современные соціалисты, до такой степени сно

собны извратить — большею частью безсознательно — нравственное чувство борцовъ за рабочій соціализмъ, что приходится имъ остерегаться отъ собственныхъ влеченій къ монополіи и къ хищничеству, то тѣмъ скорѣе они, при случаѣ, могутъ поддаваться вліянію привычныхъ понятій и привычныхъ аффектовъ, когда эти понятія и аффекты противурѣчатъ началамъ рабочаго соціализма не столь явно и грубо, но могутъ быть устранены лишь выработкою возможно-яснаго *пониманія* особенности *соціально-революціонныхъ* задачъ отъ огромнаго большинства историческихъ задачъ прошлаго времени. Но если здѣсь вопросъ стоитъ не прямо на нравственной почвѣ, какъ при допущеніи монополіи и хищническихъ пріемовъ, то косвенно онъ касается самой основной обязанности соціалиста нашего времени.

Рабочій соціализмъ не есть религіозный догматъ или полусознательный аффектъ; онъ есть строгій выводъ изъ общественной потребности солидарности, изъ реальныхъ наблюденій надъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства и рабочаго пролетаріата, изъ неизбѣжныхъ законовъ экономической борьбы труда и капитала, изъ фактической возможности солидарнаго общежитія, опирающагося на всеобщій трудъ, и фактической невозможности какой либо общественной солидарности при растущей въ старомъ обществѣ конкурренціи изъ за обогащенія. Рабочій соціализмъ есть убѣжденіе, опирающееся на *пониманіе* реальныхъ фактовъ и ихъ необходимой связи. По этому онъ ставитъ каждому своему послѣдователю *нравственное* требованіе стремиться всѣми силами къ возможно-ясному пониманію его вопросовъ въ ихъ отношеніи къ другимъ насущнымъ вопросамъ, вызваннымъ прежнею или современною исторіею. Нѣсколько полный разборъ этихъ отношеній далеко превзошелъ бы тѣ размѣры, которые я могу дать этой главѣ и потому я ограничусь двумя пунктами, ближе другихъ касающимися основнаго предмета этой статьи, именно пунктами, находящимися въ тѣсной зависимости отъ прежнихъ государственныхъ привычекъ и отъ тѣхъ типовъ общественныхъ сношеній, которые рабочій соціализмъ имѣетъ въ виду осуществить въ будущемъ.

Старое государство опиралось въ своей конкурренціи съ другими государствами на обособленность національностей и расъ. Оно имѣло большею частью въ своей средѣ господствующую національность, подавляющую всѣ другія. Оно пыталось иногда создать (и порою достигало этого, какъ въ Швейцаріи) легальную національность, установленную дипломатическими договорами или случайнымъ наростаніемъ. Исторія всѣхъ государствъ была исторіей борьбы между классами, борьбы между національностями, борьбы между расами, и ея преданія, наравнѣ съ постоянно возобновляющимися враждебными отношеніями державъ, воспитывали національную и расовую ненависть въ средѣ общества.

Различіе языковъ, различіе культурныхъ обычаевъ усиливало эту ненависть. Литература патріотовъ и шовинистовъ разжигала ее всѣми силами. Еще въ настоящую минуту мы видимъ предъ собою въ литературѣ такіе примѣры безтолковаго раздраженія между французами и нѣмцами, между нѣмцами и славянами, между малороссами и евреями и т. д. и т. д., что въ разлагающемъ, антигуманитарномъ вліяніи государственной жизни на солидарность человѣчества не можетъ быть и сомнѣнія.

Соціализмъ, по самой своей сущности, какъ ученіе солидарности, долженъ былъ отодвинуть эту привычку національнаго и расоваго соперничества на задній планъ. Но лишь какъ *рабочій соціализмъ* онъ далъ раціональное основаніе этому направленію мысли. Борьба противу *космополитическаго* господства капитала требовала *международнаго* союза рабочихъ. Интересы рабочихъ, *одинаково* притѣсненныхъ эксплуататорами всѣхъ расъ, государствами всѣхъ политическихъ формъ, были *реально* солидарны прежде, чѣмъ возникло нравственное требованіе солидарности рабочаго класса. Нищій пролетарій былъ всюду доведенъ до того минимума въ удовлетвореніи жизненнымъ потребностямъ, который устранилъ всякую культурную разницу обычаевъ, а различіе между рабочими пролетаріями всѣхъ націй, языковъ и расъ оказалось, вслѣдствіе ихъ общей нищеты, *менѣе значительно*, чѣмъ различіе рабочаго пролетарія отъ его достаточнаго единоплеменника и соотечественника. Такимъ образомъ, довольно элементарное пониманіе реальныхъ основъ и неизбѣжныхъ логическихъ требованій рабочаго соціализма могло бы и должно бы уже повести къ устраненію всякаго раздѣляющаго элемента, національнаго и расоваго, при организаціи соціально-революціонныхъ силъ для борьбы за будущее общество.

Но традиціонныя влеченія и привычки слишкомъ часто оказались сильнѣе элементарнаго пониманія соціалистическихъ вопросовъ. Если соціалисты-рабочіе Германіи и Франціи наканунѣ франко-прусской войны, во время ея и послѣ нея высказали самое разумное пониманіе своихъ *общихъ* рабочихъ интересовъ, противуположныхъ шовинистскимъ и псевдо-патріотическимъ завываніямъ буржуазіи, то далеко нельзя сказать того же о довольно крупныхъ представителяхъ соціальнаго начала даже въ русской соціалистической литературѣ, которая, казалось бы, имѣла всѣ основанія не поклоняться старымъ псевдо-патріотическимъ традиціямъ ненависти между народами. — Люди, которые позволяютъ себѣ огуломъ ругать „нѣмцевъ", „жидовъ" и отрицать даже возможность серьезнаго рабочаго движенія въ той или другой національности, въ той или другой расѣ; люди, которые захлебываются энтузіазмомъ, увѣряя, что лишь *ихъ* соотечественники способны осуществить соціальную революцію, — показываютъ тѣмъ, что они не доработались до самаго элементарнаго пониманія

рабочаго вопроса. Онъ именно тѣмъ и отличается отъ прежнихъ историческихъ вопросовъ, что отношеніе пролетарія-рабочаго къ капиталисту-собственнику *вовсе не зависитъ* отъ различія политическихъ формъ, національныхъ культурныхъ привычекъ или унаслѣдованныхъ расовыхъ особенностей; что всѣ эти различія, какъ бы впрочемъ они значительны ни были, составляютъ весьма маловажные элементы фатальной экономической борьбы, неизбѣжно ведущей къ соціальной революціи, всюду и для всѣхъ на *одинаковыхъ* основаніяхъ и съ одинаковыми послѣдствіями. Условія среды могутъ облегчить борьбу для рабочихъ одной страны, затруднить ее для другой. Условія среды могутъ указать въ одной странѣ одинъ путь дѣйствій, въ другой — совсѣмъ иной путь; но всюду, гдѣ есть эксплуатируемый рабочій-пролетарій и эксплуататоръ-капиталистъ, общій процессъ борьбы пролетаріата и капитала и общій исходъ ея *долженъ* быть одинъ и тотъ же. — Но люди, ушедшіе такъ недалеко въ *пониманіи* основныхъ условій рабочаго соціализма, высказываютъ этимъ еще и свою недостаточную подготовку къ дѣлу соціальной революціи, когда они не могутъ побѣдить въ себѣ не только внутреннихъ симпатій и антипатій, унаслѣдованныхъ отъ государственнаго соперничества націй и расъ, но не могутъ побѣдить въ себѣ даже побужденія *проповѣдывать* начала, прямо противурѣчащія знамени солидарности рабочихъ всѣхъ націй и расъ, поднятому соціализмомъ. Люди, на столько неспособные выработать въ себѣ элементарное пониманіе его началъ и поступать согласно этому пониманію, могутъ быть крайне опасными товарищами въ минуту революціи, когда сдерживаніе усвоенныхъ привычекъ и влеченій будетъ всего труднѣе.

Другое наслѣдіе старыхъ государственныхъ привычекъ есть спутанность понятій при историческихъ событіяхъ, и недостатокъ способности оцѣнивать эти событія съ точки зрѣнія началъ рабочаго соціализма. Въ прежнее время всякая историческая борьба была борьба за *власть*, потому что само государство было ничто иное какъ органъ власти. Всѣ партіи, стремившіяся къ одной и той же цѣли, къ власти, могли вступать въ самыя разнообразныя коалиціи по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, лишь бы усилить свое положеніе и отвоевать себѣ долю вліянія, долю власти, сегодня — рядомъ со своими соперниками, завтра — на развалинахъ партіи вчерашнихъ союзниковъ. Борьба за преданіе и за реформы, за ограниченіе правъ большинства и за ихъ расширеніе имѣла постоянно два различные характера: во первыхъ, это была борьба за нѣкоторые принципы, осуществленіе которыхъ имѣлось въ виду въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; но главное, это была борьба за немедленное политическое усиленіе партіи, которая ставила своимъ девизомъ эти отдаленные принципы, такъ какъ первымъ условіемъ всякаго успѣха была политическая сила. По-

этому, всякое крупное историческое событіе эксплуатировалось въ виду борьбы партій, хотя бы при этомъ пришлось части членовъ партіи поступать противу своихъ убѣжденій; хотя бы даже пришлось проводить мѣры, прямо противурѣчащія основному принципу партіи. На основаніи этого взгляда на вещи, въ парламентахъ Англіи, Франціи, Германіи, Италіи результаты голосованій зависѣли и зависятъ гораздо болѣе отъ того, *кто* предлагалъ или предлагаетъ новый законъ, чѣмъ отъ связи этого закона съ признанными принципами той или другой партіи. На основаніи этого взгляда на вещи англійскіе тори не разъ проводили реформы, лишь бы онѣ не были совершены руками реформаторовъ-виговъ, легитимисты поддерживали республиканцевъ во Франціи, лишь бы нагадить приверженцамъ орлеанистской монархіи. По тому же политическіе революціонеры одной страны готовы были поддерживать либеральныя революціи въ каждой странѣ, во имя какой бы программы онѣ не совершались: революціи всюду были потрясеніемъ *существующей* власти и облегченіемъ стремленій всѣхъ партій *не у дѣлъ* если не захватить власть, то усилить свое политическое значеніе. И такъ какъ всѣ чисто политическія партіи понимаютъ, что у всѣхъ — одна цѣль — *власть*, то выработался между ними нѣкоторый кодексъ политическихъ приличій, тѣмъ болѣе что политическое соперничество не давало повода къ какой либо особенной ненависти въ благоразумномъ большинствѣ. Весьма многіе политическіе дѣятели находили даже полезнымъ, въ виду усиленія своего вліянія, не уничтожать противной партіи, но поддерживать ея существованіе. Министерства падали, конституціи расширялись или съуживались, династіи и политическіе воротилы шли въ изгнаніе; побѣжденные спокойно признавали *совершившійся фактъ* и продолжали политическую игру, надѣясь на новое измѣненіе министерства и конституціи, на возвращеніе эмигрантовъ, при чемъ ихъ соперники обмѣнялись бы съ ними мѣстами. Возмущались политическіе люди лишь *неприличіемъ* нѣкоторыхъ *средствъ*, употребленныхъ иными побѣдителями: разстрѣливаніемъ, ссылкою въ нездоровыя мѣстности, *слишкомъ* грубою формою переворота; но самый переворотъ былъ въ порядкѣ вещей: всѣ желали одного и того же — власти; *для нея* вступали въ коалиціи съ принципіальными противниками, *для нея* поддерживали въ сосѣднихъ странахъ политическія движенія, неимѣвшія ничего общаго съ ихъ программою, *для нея* шли на компромиссы съ собственною программою и т. д. и т. д.

Соціализмъ и здѣсь совершенно измѣнилъ положеніе, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ *рабочимъ соціализмомъ*. Правда, развитіе экономической борьбы въ средѣ стараго государства подготовило его точку зрѣнія. Борьба политическихъ партій за *формальную* власть перешла, какъ было сказано выше (стр. 28 и сл.), въ борьбу личностей и группъ за обогащеніе, за

экономическую силу, т. е. за *дѣйствительную* власть. Экономическіе вопросы стали *сущностью* политическихъ, но продолжали прикрываться ихъ маскою. Лишь рабочій соціализмъ сорвалъ эту маску. Онъ раздѣлилъ человѣчество на два лагеря, между которыми существуетъ не соперничество, а вражда, не допускающая уступокъ. Приверженцы рабочаго соціализма не могутъ вступить ни въ какую коалицію съ какою бы то ни было партіею прежняго времени, потому что ни одной изъ этихъ партій ни въ ея цѣломъ, ни въ ея отдѣльныхъ членахъ, они не могутъ предоставить *ни малѣйшей* доли политическаго вліянія въ общественномъ строѣ, за который они борятся. Всякій, кто хочетъ воспользоваться выгодами этого строя, долженъ прежде всего отказаться отъ всего того, что составляло сущность стараго строя: отъ частной собственности, отъ возможности жить на счетъ труда другихъ, отъ жизни *для одного себя* подъ охраною легальныхъ формъ взаимной конкурренціи и т. п. Какая же партія стараго міра, не отрицая сама себя, можетъ *искренно* вступить въ союзъ съ приверженцами рабочаго соціализма? — Но союзъ этотъ невозможенъ и для послѣднихъ, потому что, поддерживая какую бы то ни было партію стараго міра, пролетаріи не *могутъ* пріобрѣсти никакой доли политической власти, изъ за которой боролись старыя партіи; не *могутъ* нисколько усилить своего общественнаго вліянія, такъ какъ для существованія этого вліянія есть только одно средство: полное устраненіе пролетаріата и полное разрушеніе всѣхъ основъ и подпоръ капиталистическаго хозяйства. Всякая рабочая партія, идущая на компромиссъ, ослабляетъ себя и усиливаетъ своихъ враговъ во *всякомъ* случаѣ. Всякій соціалистъ, идущій сражаться за дѣло буржуазныхъ партій, какъ бы оно красиво ни было, тѣмъ самымъ сознательно или безсознательно дѣлаетъ всѣ свои силы орудіемъ противудѣйствія дѣлу соціальной революціи. Одно сближеніе рабочихъ съ ихъ естественными врагами для какой бы то ни было политической, патріотической, культурной или филантропической цѣли есть уже страшное зло для соціальной революціи, потому что оно пріучаетъ пролетаріатъ смотрѣть на капиталистическій строй общества какъ на строй, съ которымъ *можно* примириться во имя чего бы то ни было; пріучаетъ смотрѣть на интересы чуждые соціальной борьбѣ, какъ на нѣчто, имѣющее общественное значеніе для соціалиста, *наравнѣ* съ этою борьбою. Между тѣмъ она на столько трудна, что нуждается во *всѣхъ* силахъ и способностяхъ *каждаго* изъ приверженцевъ рабочаго соціализма.

Можно ли сказать, что приверженцы рабочаго соціализма вполнѣ усвоили это противуположеніе его требованій всѣмъ старымъ задачамъ буржуазіи, особенно, если послѣднія прикрываются блестящими формулами? Увы, это далеко не такъ. Я не говорю здѣсь вовсе о людяхъ, которые сознательно — искренно или

неискренно — проповѣдують необходимость союза соціалистовъ съ буржуазными революціонными партіями, противъ общей подавляющей власти: эти люди ставятъ въ свои программы слова *рабочій соціализмъ* лишь для отвода или вслѣдствіе самообольщенія; между ними и рабочимъ соціализмомъ нѣтъ ничего общаго. Я не говорю и о людяхъ, живущихъ болѣе аффектомъ, чѣмъ разсудкомъ и потому всегда представляющихъ слишкомъ сомнительный элементъ въ рядахъ серьезной общественной партіи. Я не говорю о тѣхъ, которые, называя себя соціалистами, готовы бѣжать за всякимъ красивымъ знаменемъ, и десять разъ на день мѣняющихъ свой взглядъ на вещи подъ вліяніемъ минуты. Я не говорю о пылкихъ, но неразумныхъ юношахъ, которымъ только бы подраться, только бы участвовать въ одушевленномъ движеніи массъ, и они готовы *всякое* знамя наивно принять за *свое* знамя, готовы совершить геройскіе подвиги, безо всякаго разсужденія о цѣли, средствахъ, возможности побѣды и даже о неизбѣжномъ вредѣ для собственнаго дѣла. Эти личности безотвѣтственны, и вина во вредѣ, который они приносятъ общему дѣлу, лежитъ не на нихъ, а на ихъ товарищахъ, способныхъ къ бо́льшей сообразительности, и тѣмъ не менѣе допускающихъ эти слишкомъ горячія головы занимать серьезныя мѣста въ серьезной борьбѣ. Но я оставлю эти случайности совсѣмъ въ сторонѣ. Къ сожалѣнію, даже весьма видныя личности среди настоящей соціальной борьбы не всегда могутъ побѣдить старыя влеченія къ старымъ кумирамъ. Мнѣ случилось слышать, какъ одинъ изъ самыхъ сознательныхъ французскихъ интернаціоналистовъ 1871 года провозглашалъ величіе „единой и нераздѣльной республики“. Мнѣ случилось слышать, какъ другой замѣчательный ораторъ той же партіи, совершенно ясно излагая фазисы борьбы пролетаріата съ буржуазіей, посвятилъ часть своей рѣчи идолопоклонству предъ величіемъ „Франціи“. Борьба патріотовъ за національную независимость, борьба угнетенныхъ сектантовъ за свой религіозный культъ въ глазахъ слишкомъ многихъ представляетъ не только историческое *подготовленіе* современной соціальной борьбы, но представляетъ въ *настоящемъ* борьбу, которая имѣетъ соціальное значеніе, и въ которой соціалистъ имѣетъ право сознательно участвовать, какъ бы эта борьба была — *его* дѣло. Чтобы прикрыть свое увлеченіе, слишкомъ многіе готовы выставить въ подобныхъ случаяхъ на первое мѣсто тотъ экономическій элементъ, который присутствовалъ во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ историческихъ событіяхъ, безъ котораго они не мыслимы, но который въ *политической*, *національной* или *религіозной* борьбѣ составляетъ большею частью лишь иллюзію, увлекающую массы, орудіе, помощью котораго дѣйствуютъ на массы ихъ предводители, и не можетъ обусловить собою общественный строй послѣ побѣды иначе какъ совершенно устранивъ и отрицая всѣ старые девизы

эксплуататоровъ. Чѣмъ труднѣе это выдѣленіе соціально-революціонныхъ мотивовъ изъ старой либеральной рутины, особенно въ минуту движенія массъ, тѣмъ сильнѣе на всякомъ серьезномъ соціалистѣ лежитъ *нравственная обязанность* вырабатывать въ себѣ по возможности ясное *пониманіе* сущности рабочаго соціализма и его радикальнаго отличія отъ прежнихъ общественныхъ движеній. Старыя привычки сильны; искушенія могутъ быть значительны; разнообразіе взглядовъ въ этомъ случаѣ можетъ легко повести въ самую опасную минуту и къ разрыву солидарности между товарищами по общему дѣлу, и къ отклоненію этого дѣла отъ его настоящаго направленія.

Я ограничиваюсь этими двумя случаями, оставляя въ сторонѣ весьма много другихъ, не менѣе наглядныхъ, но считаю, что и сказанное вполнѣ достаточно, чтобы указать, на сколько стремленіе къ ясному *пониманію* задачъ рабочаго соціализма составляетъ насущное нравственное требованіе для строителей будущаго общества.

Солидарность составляетъ основной его признакъ. Она была руководящимъ знаменемъ всего развитія соціализма. Реальная солидарность интересовъ рабочаго пролетаріата послужила основаніемъ рабочему соціализму. Она одна можетъ дать прочность будущему строю. Ее именно долженъ дать *рабочей Россіи* соціально-революціонный союзъ. Безъ нея всякая его форма будетъ безсильною фикціею. Слѣдовательно, привычку къ солидарности *нравственно обязаны* прежде всего и сильнѣе всего вырабатывать въ себѣ и въ своихъ товарищахъ убѣжденные соціалисты. А эта привычка встрѣчаетъ много препятствій въ другихъ укоренившихся привычкахъ и влеченіяхъ, выработанныхъ старымъ міромъ въ людяхъ, которымъ приходится строить міръ новый.

Прежняя жизнь развила въ высокой степени индивидуализмъ въ личностяхъ и группировку ихъ по личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, совершенно независимо отъ годности людей для общественной борьбы. Конечно, это далеко не въ такой степени вѣрно для народа, который долженъ дать большинство членовъ соціально-революціоннаго союза, чѣмъ для интеллигенціи, которая составитъ лишь основной кадръ его, а потомъ будетъ поглощена народомъ. Но такъ какъ составленіе кадра въ этомъ случаѣ совершенно необходимо, такъ какъ свойства этого кадра неизбѣжно отзовутся въ значительной степени на составѣ самой арміи, которая должна вырости изъ этого кадра, то преобладаніе индивидуализма въ первоначальномъ кадрѣ должно повліять самымъ вреднымъ образомъ на все развитіе соціально-революціоннаго союза, на всю его дѣятельность. Въ виду этой весьма серьезной опасности, на каждомъ убѣжденномъ соціалистѣ лежитъ нравственная обязанность, на сколько онъ можетъ, бороться въ себѣ

и въ своихъ товарищахъ съ проявленіями этой застарѣлой индивидуалистической болѣзни стараго общества.

Общественная сила заключается только въ общественномъ союзѣ, и въ союзѣ не формальномъ, но *дѣйствительномъ*, при чемъ каждый подчиняетъ личныя влеченія общему дѣлу, подчиняется *искренно*, какъ лицо, рѣшенію цѣлаго. Полное согласіе значительнаго числа личностей во всѣхъ частностяхъ ихъ взглядовъ теоретическихъ и практическихъ — невозможно. Союзъ, состоящій изъ личностей, которыя всѣ были бы вполнѣ симпатичны другъ другу, невозможенъ. Но внѣ союза силы нѣтъ и быть не можетъ; слѣдовательно, каждый, вступая въ союзъ, который онъ хочетъ сдѣлать силою, долженъ заранѣе усвоить мысль, что онъ долженъ быть солидаренъ съ людьми, которыхъ взгляды во множествѣ второстепенныхъ пунктовъ болѣе или менѣе расходятся съ его взглядами; съ людьми, которые ему вовсе не симпатичны. Кто ожидаетъ, что можно составить сильный союзъ исключающій эти два неудобства, тотъ — непрактическій мечтатель. Кто, вступая въ союзъ, намѣренъ тѣмъ не менѣе дѣйствовать только такъ, какъ *ему* кажется лучше, намѣренъ въ средѣ союза обособлять въ *дѣловыхъ* сношеніяхъ *себя* и симпатичныхъ *ему* людей изъ всего товарищества, тотъ — неисправимый конспираторъ стараго времени, которому приходится перевоспитать себя до самыхъ основныхъ нравственныхъ влеченій, прежде чѣмъ онъ имѣетъ право назвать себя дѣйствительнымъ *соціалистомъ*, строителемъ солидарнаго общества. Тотъ же, кто, вступивъ въ союзъ, подъ личиною товарищества для дѣла, проводитъ свои кружковые интересы и подрываетъ дѣятельность товарищей, не сходящихся съ нимъ во второстепенныхъ вопросахъ — не только нравственный преступникъ относительно своихъ товарищей, но нравственный преступникъ относительно собственнаго убѣжденія, потому что онъ измѣняетъ самымъ основнымъ принципамъ соціалистической дѣятельности.

Люди, вступающіе въ соціально-революціонный союзъ, соединяются для общаго дѣла, на почвѣ общей основной программы теоретическихъ началъ и практическихъ пріемовъ. И въ теоретическихъ началахъ и въ практическихъ пріемахъ они идутъ на взаимныя уступки по второстепеннымъ вопросамъ, лишь бы организовать общественную *силу*. Разъ они вступили въ союзъ между ними нѣтъ и не должно быть *для дѣла* людей болѣе близкихъ и болѣе далекихъ по симпатіямъ: есть лишь люди *годные*, допущенные въ союзъ, и *негодные*, оставленные внѣ его. Самый лучшій другъ долженъ быть *въ дѣлѣ* оставленъ, какъ чужой этому дѣлу, если большинство признало его негоднымъ. Наименѣе симпатичный человѣкъ долженъ быть *по дѣлу* признанъ товарищемъ, съ которымъ приходится дѣйствовать сообща, если *дѣло* поставило соціалиста рядомъ съ нимъ. Кружки пріятелей,

обособляющіеся въ средѣ союза по симпатіямъ, при общемъ дѣлѣ суть элементы самыхъ вредныхъ конспирацій и отрицаютъ единственную солидарность, которая можетъ имѣть мѣсто въ союзѣ, солидарность *общаго дѣла*. Личное убѣжденіе по второстепенному вопросу можетъ быть предметомъ неустанной полемики печатной — въ органахъ партіи, словесной — на большихъ и малыхъ собраніяхъ; но разъ это убѣжденіе отвергнуто большинствомъ товарищей, всякій членъ союза долженъ *искренно* дѣйствовать согласно рѣшенію большинства, оставляя въ сторонѣ свои личные взгляды. Внѣ этого *нѣтъ* общественной силы, *нѣтъ* солидарности. Внѣ этого соціализмъ есть пустое слово или лицемѣрная маска.

Конечно, это самое предполагаетъ, что уступки, и теоретическія и практическія, допускаемыя для образованія *силы*, не идутъ далѣе опредѣленныхъ границъ. Кто не поступается *второстепеннымъ* мнѣніемъ въ виду составленія солидарнаго союза, тотъ ставитъ свой индивидуализмъ выше общаго дѣла, тотъ не желаетъ побѣды общему дѣлу. Кто поступается *первостепеннымъ* пунктомъ своей программы, тотъ не имѣетъ программы, не имѣетъ убѣжденій. Кто не видитъ разницы между значеніемъ различныхъ пунктовъ своей программы, тотъ можетъ быть весьма искренній фанатикъ, но онъ — ни что иное какъ фанатикъ, для котораго не существуетъ перспективы въ пониманіи собственныхъ принциповъ; фанатикъ, который готовъ заколоть сущность своего дѣла на алтарѣ неважной мелочи и которому приходится старательно воспитывать въ себѣ *пониманіе* вопросовъ рабочаго соціализма.

Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ пунктахъ, которые имѣютъ первостепенную или второстепенную важность въ теоретической или практической программѣ русскаго соціально-революціоннаго союза и я по этому вопросу ограничусь лишь немногими словами.

Теоретическія основы *рабочаго соціализма*, о которыхъ я говорилъ уже не разъ, сами собою исключаютъ всякую возможность *теоретическихъ* уступокъ политическимъ или соціалистическимъ партіямъ, не признающимъ начала общности имущества и всеобщаго труда для общаго развитія; не признающимъ рабочаго класса единственной возможной основой и для настоящей борьбы со старымъ порядкомъ и для будущаго общественнаго строя. Союзъ лицъ, которыя *и на этомъ* не сошлись, есть призракъ, который можетъ быть лишь вреденъ рабочему соціализму. По моему личному мнѣнію, теоретическое согласіе должно бы, для прочности союза, непремѣнно охватывать и принципъ свободной федераціи, какъ типъ общественной формы, и рѣшительное отрицаніе религіознаго элемента въ союзѣ. Другіе теоретическіе взгляды (напримѣръ, на интимныя отношенія между личностями), какъ они ни важны сами по себѣ, могутъ быть сочтены второ-

степенными задачами *въ настоящую минуту* и потому не должны бы, какъ мнѣ кажется, служить поводомъ къ допущенію или недопущенію лицъ и группъ въ союзъ.

Признаніе рабочаго пролетаріата единственной основой настоящей борьбы и будущаго общежитія дѣлаетъ логически невозможною всякую практическую уступку *якобинской* программѣ революціи, произведенной интеллигентнымъ меньшинствомъ и декретированной имъ для народныхъ массъ. Не говоря уже, что эта программа большею частью предполагаетъ союзъ съ *политическими* революціонерами, — а это противурѣчитъ пониманію рабочаго соціализма (см. стр. 171), — она противурѣчитъ и пониманію значенія рабочаго класса въ современной борьбѣ.

Для *Россіи* условія среды, не дозволяющей мечтать о какой нибудь *легальной* почвѣ для развитія началъ рабочаго соціализма, не дозволяютъ никакой *практической* уступки и программѣ *легалистовъ*, надѣющихся на достиженіе цѣлей рабочаго соціализма *нереволюціонными* средствами. Союзъ съ ними можетъ только парализовать дѣятельность русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Впрочемъ, въ наличности, эта партія такъ слаба и приверженцы ея такъ безмолвны, что ихъ вліяніе на современный ходъ дѣлъ едва ли можно брать въ разсчетъ.

Со всѣми искренними представителями упомянутыхъ партій полезно вести полемику въ приличныхъ формахъ, не какъ со врагами (каковы для соціалистовъ представители стараго консерватизма и либерализма), а какъ съ *возможными* товарищами, отъ которыхъ приверженцы рабочаго соціализма раздѣлены теперь не противуположностью основныхъ общественныхъ интересовъ (существующею для защитниковъ капиталистическаго хозяйства и современнаго государства), но противуположностью теоретическаго пониманія общественныхъ вопросовъ. Противуположные интересы примириться не могутъ, но различіе пониманія можетъ разъясниться и сгладиться. По моему личному мнѣнію, полемикѣ противъ упомянутыхъ партій (конечно, въ приличныхъ формахъ и при искренности спорящихъ) могли бы быть открыты всѣ органы рабочаго соціализма. Но *солидарная дѣятельность* съ представителями этихъ партій невозможна для его приверженцевъ, была бы для ихъ дѣла крайне вредна и потому ихъ соціально-революціонный союзъ не можетъ допустить въ свою среду якобинцевъ или легалистовъ.

За тѣмъ въ числѣ *возможныхъ* членовъ соціально-революціоннаго союза остаются многочисленные оттѣнки приверженцевъ рабочаго соціализма, признающихъ неизбѣжность *революціоннаго* пути для достиженія его цѣлей и признающихъ востаніе *народныхъ массъ* единственнымъ средствомъ для побѣды. Эти оттѣнки различаются между собою во многихъ немаловажныхъ пунктахъ практической программы. — Одни считаютъ народъ русскій вполнѣ

готовымъ къ соціальной революціи и ожидающимъ лишь рѣшительнаго призыва къ ней; другіе считаютъ необходимымъ подготовить народную революцію въ продолженіи болѣе или менѣе долгаго времени соотвѣтственною пропагандою началъ рабочаго соціализма и агитаціею противъ враговъ народа; при чемъ между крайними пунктами немедленнаго призыва къ бунту и продолжительной пропаганды (см. статью „По вопросу о соціальной революціи", помѣщенную въ N° 31 „Впередъ" и возраженія на нее въ передовой статьѣ того же номера) встрѣчаемъ разнообразную постепенность. — Одни видятъ въ экспериментальномъ процессѣ мѣстныхъ народныхъ бунтовъ важный пріемъ подготовленія революціи и, во всякомъ случаѣ, воспитательный пріемъ для народныхъ революціонеровъ; другіе считаютъ необходимымъ сдерживать народные бунты до подготовленія возстанія чуть не всеобщаго; при чемъ опять находимъ промежуточные взгляды относительно необходимости до *нѣкоторой* степени подготовить болѣе или менѣе *обширный* мѣстный бунтъ въ *одной* мѣстности, или въ *нѣсколькихъ* территоріяхъ, связать эти территоріи заранѣе болѣе или менѣе солидарною организаціею и т. п. — Одни считаютъ умственную подготовку для соціальнаго революціонера вовсе ненужною; другіе ставятъ ему, какъ основное требованіе, довольно обширную программу знанія; промежуточныя группы ограничиваютъ эту необходимую программу болѣе или менѣе. — Одни требуютъ въ революціонномъ дѣлѣ крайнюю независимость дѣятельности мелкихъ группъ и отдѣльныхъ личностей; другіе считаютъ побѣду революціи невозможною безъ весьма централизованной организаціи съ достаточною властью центральнаго органа; промежуточныя мнѣнія стараются въ большей или меньшей степени соединить выгоды и устранить неудобства того и другаго и т. д. и т. д.

Я ни минуты не отрицаю весьма большой важности этихъ вопросовъ. „Впередъ" высказалъ по всѣмъ имъ опредѣленную программу дѣйствія. Его читатели знаютъ, что онъ признаетъ необходимость *подготовленія* революціи нераздѣльнымъ оружіемъ пропаганды, агитаціи и организаціи (см. перед. ст. въ N°N° 26—29); что онъ допускаетъ возможность весьма незначительной продолжительности этого подготовленія, *если* дѣло будетъ ведено *надлежащимъ* образомъ (см. перед. ст. въ N° 34); что онъ считаетъ необходимой подготовку возстанія въ нѣсколькихъ территоріяхъ, связанныхъ между собою солидарною организаціею, и отрицаетъ полезность революціонныхъ экспериментовъ; что онъ считаетъ знаніе весьма важнымъ подспорьемъ для соціалиста-революціонера, требуетъ отъ этого революціонера *основательнаго*, а не *поверхностнаго* изученія тѣхъ вопросовъ, которые онъ *можетъ* изучить, требуетъ отъ него *критической* выработки мысли, *на сколько* это возможно, но во всемъ этомъ изученіи не отдѣляетъ *жизненной*

практики, какъ орудія изученія, отъ книжнаго знанія, въ особенности же требуетъ въ минуту *дѣла*, когда оно настанетъ, участія въ дѣлѣ съ тѣмъ знаніемъ, которое каждому *удалось* пріобрѣсти заранѣе, и которое опредѣляетъ каждому его *мѣсто* въ дѣлѣ и его *полезность* для послѣдняго (см. „Впередъ“ т. I и III: „Знаніе и Революція“; также №3, стр. 78 и сл., №14, стр. 421 и сл.). На предыдущихъ страницахъ я опредѣлительно высказался и относительно того элемента власти, который считаю неизбѣжнымъ въ организаціи русскихъ революціонныхъ силъ и относительно контроля этой власти.

Но, — высказывая свое мнѣніе относительно той програмы дѣйствія, которую я лично считаю наилучшею или единственно возможною, и вполнѣ сознавая важность упомянутыхъ вопросовъ,— я не рѣшусь однако-же поставить эти вопросы въ уровень съ упомянутыми выше *основными* вопросами рабочаго соціализма, и разногласія по первымъ не рѣшусь считать столь же существенными при организаціи русскихъ соціально-революціонныхъ силъ, какъ разногласія по послѣднимъ. Истинное пониманіе задачъ рабочаго соціализма, какъ мнѣ кажется, вызываетъ опредѣленную постепенность въ отношеніяхъ къ группамъ, противъ которыхъ приходится бороться. Защитники императорскаго самодержавія и затхлой реакціи заслуживаютъ лишь указанія на тѣ безобразія, которыя они дѣлаютъ, но противъ нихъ даже серьезная полемика есть потеря времени и можетъ быть предоставлена буржуазнымъ либераламъ, которые въ этомъ отношеніи усердно толкутъ воду. Несостоятельность либерально-буржуазныхъ попытокъ рѣшить современные общественные вопросы, и призрачность ихъ программъ приходится обличать при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно напирая на ихъ рѣшительную *враждебность* началамъ рабочаго соціализма и благу народныхъ массъ. Невозможность солидарности членовъ соціально-революціоннаго союза со сторонниками легализма и якобинизма можетъ быть, какъ сказано выше, предметомъ спокойной полемики въ органахъ рабочаго соціализма, давая полную возможность этимъ противникамъ высказывать всѣ свои аргументы для лучшаго ихъ опроверженія и для лучшаго доказательства невозможности солидарнаго дѣйствія съ ними. Само собою разумѣется, что подобная же открытая полемика желательна по всѣмъ вопросамъ, раздѣляющимъ между собою оттѣнки *народниковъ*, — названіе, подъ которымъ я считаю возможнымъ соединить всѣ группы, о которыхъ я только что говорилъ, — но эта полемика не можетъ мѣшать, какъ мнѣ кажется, ни согласному дѣйствію, ни общей организаціи. Раздѣляющіе вопросы могутъ быть признаны здѣсь *второстепенными* для *общаго* дѣла, въ виду *общаго* врага и въ виду *преобладающей* важности составленія *солидарной партіи*. Большинство примкнувшихъ къ дѣлу опредѣлитъ, въ какой мѣрѣ различные пріемы могутъ одно-

временно быть употреблены разными группами въ разныхъ мѣстахъ, не нарушая взаимной поддержки и общей гармоніи дѣятельности, или въ какой мѣрѣ группы того или другаго оттѣнка должны будутъ уступить рѣшенію большинства. При этомъ не можетъ быть отнято право у послѣдующихъ съѣздовъ представителей союза измѣнять принятое прежде рѣшеніе на основаніи болѣе яснаго пониманія и болѣе убѣдительнаго опыта. Затѣмъ всѣ группы народниковъ, полемизируя печатно и словесно на собраніяхъ, но *дѣйствуя* сообща по программѣ принятой большинствомъ, „могутъ предоставить историческому опыту доказать, кто изъ нихъ лучше понималъ условія соціально-революціонной дѣятельности въ Россіи и, слѣдовательно, кому, окончательно, придется перейти въ чужой лагерь, какъ представляющій умственное и нравственное превосходство" („Впередъ" № 34, стр. 320). Признаніе *этихъ* вопросовъ второстепенными въ виду возможности составленія перваго кадра соціально-революціонной организаціи въ Россіи, я полагаю совершенно-необходимымъ условіемъ для какой либо солидарной дѣятельности, и думаю, что лишь тотъ, кто способенъ настолько побѣдить свои индивидуалистическія влеченія, чтобы искренно вступить въ подобный союзъ, можетъ считать, что онъ надлежащимъ образомъ выработалъ въ себѣ чувство солидарности, необходимой строителю будущаго общества.

Но, конечно, подобное подавленіе индивидуалистическихъ влеченій въ виду общаго дѣла должно быть *искренно*, и здѣсь мы встрѣчаемся съ новою проказою, оставленною старымъ общественнымъ строемъ въ наслѣдство людямъ, выросшимъ въ его средѣ.

Старый строй, своей повсемѣстной конкурренціей, развивалъ въ личностяхъ не только индивидуализмъ; онъ развивалъ въ нихъ лживость и конспираторство. Человѣкъ росъ между врагами и привыкалъ смотрѣть на всѣхъ, какъ на враговъ. Но въ борьбѣ со врагами правдивость и искренность — ошибки. Волки и лисицы тайкомъ подкрадываются къ своимъ жертвамъ, и люди ставятъ волкамъ и лисицамъ западни и капканы. Когда буржуазный строй поставилъ всѣмъ и каждому *одну* цѣль: личное обогащеніе, а для того указалъ *одно* средство: всеобщую конкурренцію; когда въ погонѣ за наживой и въ процессѣ развитія критической мысли люди растеряли всѣ свои старыя обычныя связи, устанавливавшія хотя какую либо общественную солидарность группъ: семьи, сословія, церкви, націи, партіи, — тогда совершенно естественно всѣмъ людямъ пришлось поступать другъ съ другомъ, какъ они поступали съ хищными животными: ставить другъ другу западни и капканы, исключить искренность и правдивость изъ числа нравственныхъ обязанностей личности.

Соціализмъ, провозгласивъ общественную солидарность своимъ основнымъ началомъ, снова потребовалъ отъ людей искренности и правдивости. Конечно, не относительно враговъ, которые а

лись хищными звѣрями; даже не всегда относительно личностей, не затронутыхъ еще новымъ благовѣстіемъ, не имѣвшихъ еще возможности выработать въ себѣ *человѣчныя* стремленія солидарности въ средѣ хищническаго міра. Онъ потребовалъ лишь искренности и правдивости относительно *своихъ*, относительно тѣхъ, которые тоже приступили къ ученію солидарности. Онъ потребовалъ правды въ кругу новыхъ братьевъ, которые *вмѣстѣ* шли бороться за новый міръ правды противу стараго міра лжи. Онъ потребовалъ правды въ кругу тѣхъ, которыхъ раздѣляли лишь второстепенные вопросы, но соединяло *общее* дѣло, соединяла *возможность* дѣйствовать *сообща*. Безъ исполненія *этого* нравственнаго требованія всякій союзъ былъ бы невозможенъ, всякое соглашеніе было бы недозволительною игрою, всякое провозглашеніе началъ рабочаго соціализма было бы надругательствомъ надъ рабочимъ соціализмомъ.

Но старыя привычки и влеченія переломить очень трудно и не разъ люди вступали въ соціалистическіе союзы точно также, какъ вступали прежде въ политическія и экономическія отношенія, съ цѣлью тайной борьбы и неумолимой конкурренціи. Они ставили другъ другу западни и капканы. Они конспирировали противъ своихъ товарищей изъ за вліянія или власти. Они сходились на съѣзды и конгрессы, подготовляя голосованіе, какъ буржуазныя партіи подготовляютъ его. Они провозглашали громко одни принципы, а тайно проводили другіе. Они считали себя нисколько не связанными ни рѣшеніемъ, принятымъ большинствомъ, ни собственнымъ словомъ. Они лгали товарищамъ; они обманывали братьевъ по дѣлу; они даже гордились своимъ умѣніемъ обойти, оболгать и тѣмъ подчинить себѣ все, что входило съ ними въ сношенія. Эти возмутительныя привычки стараго міра, какъ я думаю, на столько налагаютъ сами на себя клеймо осужденія, что нѣтъ нужды распространяться о ихъ возмутительности. Я указываю здѣсь только ихъ вредность. Пока эти привычки и влеченія будутъ вносимы въ соціально-революціонные союзы, пока люди, постоянно дѣйствующіе оружіемъ лжи и конспираторства, будутъ терпимы въ кружкахъ, называющихъ себя кружками приверженцевъ рабочаго соціализма, до тѣхъ поръ никакая серьезная организація соціально-революціонныхъ силъ невозможна; до тѣхъ поръ никакая солидарность *въ дѣлѣ* немыслима; до тѣхъ поръ не сдѣлано *перваго шага* къ осуществленію началъ рабочаго соціализма.

Я допускаю, что этотъ *первый шагъ* сдѣланъ; что собственное самосохраненіе побудитъ соціалистовъ-революціонеровъ исключить изъ своихъ рядовъ людей, на столько чуждыхъ соціалистической солидарности, чтобы сознательно возводить нарушеніе ея въ явную или тайную систему. Но и тогда еще не все будетъ сдѣлано. Привычки и влеченія конспираторства живутъ безсозна-

тельно въ людяхъ, которые никогда не рѣшатся допустить ихъ въ себѣ сознательно. Оставленныя безъ вниманія эти привычки и влеченія могутъ сдѣлаться страшною опасностью для дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ въ самыя трудныя минуты, въ минуты революціонной борьбы, и, особенно, въ періодъ постройки новаго общества. Поэтому *нравственная* обязанность каждаго убѣжденнаго соціалиста — тщательно слѣдить за ихъ проявленіемъ въ себѣ и въ своихъ товарищахъ въ періодъ подготовленія революціи, недопуская развитія этой проказы, тщательно искореняя ее, гдѣ она проявляется, и неумолимо исключая изъ рядовъ подготовителей новаго строя тѣхъ, природа которыхъ слишкомъ усвоила себѣ эту наслѣдственную болѣзнь.

Повторяю: какова бы ни была форма соціально-революціоннаго союза, всѣ достоинства и недостатки этой формы совершенно ничтожны сравнительно съ важностью только что упомянутыхъ *нравственныхъ требованій*, обусловливающихъ его *солидарность*. Если его составили люди, *искренно* готовые на уступки по второстепеннымъ вопросамъ въ виду торжества основныхъ задачъ рабочаго соціализма, люди, твердо рѣшившіеся внести *правду* въ сношенія съ товарищами, то этотъ союзъ можетъ легко побѣдить всѣ недостатки формъ своей организаціи. Если же въ него вошли закоренѣлые индивидуалисты и неисправимые конспираторы, то онъ никогда не будетъ въ состояніи ни организоваться надлежащимъ образомъ, ни употребить свою организацію съ какою нибудь пользою для народа, какъ бы, впрочемъ, ни были искусно придуманы формы его организаціи.

Мнѣ остается сказать о томъ нравственномъ требованіи, которое охраняетъ личность соціалиста отъ обращенія въ машину, неспособную къ самостоятельности; о нравственномъ требованіи, которое одно позволяетъ установить равновѣсіе между властью, неизбѣжною въ тайномъ союзѣ, и личностью, нравственно обязанною подчиняться этой власти въ виду солидарности для общаго дѣла, но на столько же обязанною воспитывать въ себѣ способность къ личной инщіативѣ и къ *сознательной* службѣ своимъ общественнымъ убѣжденіямъ. Это нравственное требованіе — *охраненіе человѣческаго достоинства въ себѣ и другихъ*. Это требованіе, впрочемъ, не принадлежитъ *исключительно* современной борьбѣ.

Борьба за человѣческое достоинство поставлена была на очередь еще либерализмомъ. Онъ противупоставилъ старымъ принципамъ *исключительнаго* достоинства монарха-богопомазанника, родовитаго аристократа, чиновнаго вельможи принципъ общихъ „правъ человѣка", которыя первая французская республика и формулировала въ знаменитой тріадѣ „свободы, равенства и братства". Какъ всѣ идеалы либерализма—и этотъ идеалъ человѣческаго до-

стоинства былъ подорванъ экономическимъ развитіемъ капита лизма, который фактически лишилъ всякаго *человѣческаго достоинства* всю массу пролетаріата, обратилъ пролетарія въ машину для обогащенія собственниковъ, въ раба прихоти предпринимателя, далъ ему лишь свободу умирать съ голода, замѣнилъ братство конкурренціею между капиталистами съ одной стороны, конкурренціею между голодными пролетаріями съ другой и дополнилъ это образцовое братство эксплуататорствомъ слабыхъ сильными, доведеннымъ до вырожденія и вымиранія массъ.

Задачу, поставленную либерализмомъ, но которую онъ не былъ въ состояніи выполнить, взялъ на себя соціализмъ. Онъ положилъ въ основаніе человѣческаго достоинства *личное* развитіе въ виду труда на пользу общества и обезпеченіе этого достоинства свободнымъ союзомъ, имѣющимъ въ виду *всеобщее* развитіе. Онъ установилъ принципъ *настоящаго* братства въ общежитіи, солидарномъ экономически и нравственно, принципъ *настоящаго* равенства трудящихся, принципъ *настоящей* свободы, отрицающей всякій обычный и обязательный для личности союзъ и замѣняющій его союзомъ по свободному выбору труда. Онъ установилъ *настоящія* „права человѣка" на экономическое обезпеченіе, на солидарное общежитіе, на всесторонне-развивающій трудъ. Онъ установилъ и *настоящія* обязанности человѣка отдавать всѣ свои силы общему дѣлу и развивать всѣ эти силы въ процессѣ труда для этого общаго дѣла. Большее или меньшее достоинство личности при этомъ опредѣлилось лишь тѣмъ, на сколько свободно и сознательно личность приняла участіе въ дѣлѣ общественнаго развитія.

Такимъ образомъ соціалистъ, какъ личность, имѣетъ опредѣленный идеалъ человѣческаго достоинства, который ему приходится охранять въ себѣ, какъ членѣ солидарнаго общежитія, въ другихъ — вслѣдствіе своей солидарности съ ними. Во имя этого достоинства онъ ставитъ себѣ нравственное требованіе развивать въ себѣ всѣ свои физическія, умственныя и нравственныя силы въ ихъ гармоническомъ единствѣ. Во имя этого достоинства онъ обязанъ настолько же избѣгать аскетизма, какъ и подавленія умственныхъ и нравственныхъ потребностей физическими; настолько же беречь въ себѣ силы для общественной борьбы, какъ беззавѣтно жертвовать своею жизнью для общаго дѣла; обязанъ настолько же бороться противъ невѣжественнаго презрѣнія къ знанію, какъ и противъ ученаго филистерства, вырождающагося въ жизненный индифферентизмъ; настолько же выработывать въ себѣ твердость характера, какъ и бороться противъ влеченій къ самолюбивому упрямству. Всѣ эти требованія неизбѣжно выходятъ изъ условій солидарнаго общежитія и общаго дѣла, для чего нужна возможно-бо́льшая гармонія и возможно-лучшее развитіе всѣхъ силъ личности, нужно знаніе, тѣсно связанное съ жизнью,

нужна дѣятельность въ виду убѣжденія, а не личныхъ фантазій.

Я здѣсь имѣю въ виду прослѣдить тѣ проявленія человѣческаго достоинства, которыя опредѣляютъ дѣятельность убѣжденнаго соціалиста какъ бойца за будущій общественный строй, сначала уединеннаго, потомъ группирующаго около себя товарищей, наконецъ, составляющаго элементъ организованныхъ революціонныхъ силъ, но такимъ образомъ, что самостоятельность его инниціативы охраняется даже и тогда, когда онъ подчиняется признанной власти.

Человѣкъ, выработавшій въ себѣ хотя частью соціально-революціонное убѣжденіе, поставленъ въ весьма трудное положеніе, особенно—если онъ пришелъ къ этому убѣжденію путемъ жизни и чтенія, а не прямой проповѣди товарищей. Онъ не только въ этомъ случаѣ одинокъ, но онъ еще обставленъ со всѣхъ сторонъ условіями жизни, прямо противурѣчащими его убѣжденіямъ. Весьма часто онъ существуетъ и развивается лишь при средствахъ, которыя онъ не можетъ оправдать передъ собою. Отречься отъ всѣхъ жизненныхъ связей и средствъ въ большей части случаевъ значитъ — сдѣлать для себя самую борьбу невозможною, отнять у себя средства служить дѣлу, обречь себя на безсиліе, на самоубійство. Многія горячія натуры обрываются на этомъ первомъ шагѣ. Однѣ, сознавая свое безсиліе отказаться отъ обычныхъ условій жизни, подчиняются имъ, оставляютъ сначала свои такъ называемыя *убѣжденія* въ видѣ недостижимыхъ желаній до *лучшаго* времени, потомъ смотрятъ на нихъ съ улыбкою, какъ на неосуществимыя мечты юности, пока наконецъ тина жизни не засосетъ совсѣмъ этихъ любителей хорошихъ словъ. Другія, преувеличивая свое безсиліе бороться съ подавляющими обстоятельствами, отвращенія къ которымъ онѣ побѣдить не могутъ, просто убиваютъ себя для охраненія своего человѣческаго достоинства. Третьи успокоиваются на томъ практическомъ исходѣ, который находили лучшіе индивидуалисты всѣхъ поколѣній, даже не имѣя понятія о соціализмѣ: они исполняютъ *для себя* элементарныя требованія рабочаго коллективизма: живи трудомъ, отдавай всѣ свои силы на то, что считаешь справедливѣйшимъ, бери лично-себѣ лишь необходимое. Но четвертые не ограничиваются этимъ: для нихъ достоинство честнаго индивидуалиста недостаточно; они хотятъ быть членами солидарнаго общества и стремятся *въ жизни* осуществить солидарное общежитіе; они ищутъ себѣ товарищей; они несутъ пропаганду, куда могутъ нести ее; они стремятся создать общественную силу и видятъ свое достоинство въ положеніи сознательнаго и самостоятельнаго элемента этой силы.

Какъ же человѣку быть элементомъ общественной силы, но остаться сознательнымъ и самостоятельнымъ ея элементомъ?

— Постараемся найти для этого труднаго вопроса если не точное, то хотя бы приблизительное рѣшеніе, при чемъ удержимъ въ мысли основныя требованія солидарности и личнаго развитія, особенно же требованіе, что все, въ чемъ я вижу *мое* достоинство, я долженъ признать въ *солидарномъ* общежитіи и въ подготовленіи къ нему, достоинствомъ *каждаго*, кого я призналъ товарищемъ по общему дѣлу.

Если личность, въ которой проснулось сознаніе новаго евангелія, уединена и поставлена въ невозможность пріобрѣтать себѣ товарищей, то конечно, ей приходится ограничиться поддержаніемъ собственнаго достоинства, какъ *соціалиста-народника*, въ собственной личной жизни. Такъ какъ первыя основы рабочаго соціализма заключаютъ въ себѣ требованіе правды и требованіе посвященія своихъ силъ на общее дѣло, то въ разсматриваемомъ случаѣ приходится ограничить эти требованія искренностью относительно самого себя, и работою надъ самимъ собою для того, чтобы лучше осуществить въ себѣ задачу борца за рабочій соціализмъ.

Первое предполагаетъ, во первыхъ, отрицаніе всѣхъ фантастическихъ и метафизическихъ снадобій въ дѣлѣ соціализма. Допущеніе религіознаго элемента въ его теоретической и практической постройкѣ заключаетъ въ себѣ умственное принижевіе соціализма предъ его врагомъ, буржуазнымъ либерализмомъ, который въ свое время уже основательно подорвалъ религіозныя иллюзіи и оставилъ въ наслѣдство человѣческой исторіи эту побѣду надъ фантастическимъ міромъ, какъ свое единственное здравое пріобрѣтеніе. Допущеніе метафизическихъ представленій, что *соціалистическая идея* побѣдитъ міръ, какъ только она проявится въ какомъ нибудь фаланстерѣ, въ какой нибудь Икаріи или въ коммунѣ Cedar Vale, что немедленно милліонеры и короли придутъ на помощь этой *истинной* идеѣ, во имя одной ея теоретической истины, и что *гармоническое общество* осуществится само собою, безъ кровавой борьбы за него — выталкиваетъ соціализмъ изъ міра реальнаго въ міръ идеалистовъ-философовъ, гдѣ *я* старшаго Фихте создавало *не я*, т. е. ни болѣе ни менѣе какъ весь міръ; гдѣ безусловный духъ Гегеля развивался гармоническими періодами въ природу и въ исторію. Это допущеніе принижаетъ соціализмъ не только передъ всѣми точными науками новаго времени, но даже передъ разбитою параличемъ соціологіею буржуазныхъ партій, которая все таки толкуетъ о фактахъ, ищетъ раціональныхъ методовъ провѣрки и увѣряетъ міръ, что она есть наука наблюденія и опыта. Во имя личнаго достоинства, убѣжденный соціалистъ нашего времени долженъ отрицать всякую примѣсь религіознаго элемента въ своемъ ученіи, долженъ опираться на науку, долженъ изучать реальные факты и долженъ готовиться къ реальной борьбѣ за свое знамя, къ борьбѣ, которая, въ своихъ ма-

теріальныхъ условіяхъ, не можетъ отличаться ни отъ какой иной исторической борьбы.

То же требованіе *правды* отъ самого себя устраняетъ всякую маскарадную игру въ рабочій соціализмъ. Всякій соціалистъ имѣетъ за собою свое прошедшее и около себя опредѣленную среду. Это прошедшее и эта среда выработали въ немъ складъ привычекъ и характера, который онъ можетъ передѣлать до извѣстной степени, но *только* до извѣстной степени. Всякая попытка перейти за этотъ предѣлъ возможности измѣнить себя, будетъ лишь попыткою принять на себя маскарадную роль, что и практически безполезно, и нравственно унизительно. Надо *по правдѣ* взвѣсить свои силы, оцѣнить себя, и, сообразно этому, *по правдѣ* дѣйствовать въ *возможномъ* для каждаго положеніи. Стать простымъ рабочимъ въ рядахъ простыхъ рабочихъ есть *желательная* роль для всякаго соціалиста-революціонера, если онъ *можетъ* поставить себя въ это положеніе; но если онъ будетъ лишь *играть* въ рабочаго, стараясь *поддѣлаться* подъ свою роль, пусть лучше поищетъ себѣ другого круга дѣйствія. При подобномъ маскарадѣ человѣкъ не только не приноситъ пользы дѣлу, но скорѣе вредитъ ему, потому что, большею частью, незамѣтно для себя, онъ *унижаетъ* типъ, который представляетъ. Кто *представляетъ* типъ ему несвойственный, тотъ обыкновенно схватываетъ и передаетъ въ уродливой формѣ нѣкоторыя *внѣшности* этого типа и, по преимуществу, именно *недостатки* его. Когда буржуа-жантильомъ Мольера игралъ въ аристократа, онъ старался уловить и преувеличивалъ какъ разъ тѣ стороны типа маркизовъ временъ Людовика XIV, которыя мало по малу сдѣлали самое блестящее сословіе французскаго общества безсильнымъ въ борьбѣ съ волною политической революціи. Точно также, когда неумѣлый продуктъ интеллигентной среды *играетъ* въ простолюдина: онъ старается перепить мужика въ кабакѣ, превзойти его во внѣшней грязи, въ грубости и въ непечатныхъ ругательствахъ, но онъ даже не подозрѣваетъ, что, подчеркивая эти печальныя стороны простонароднаго быта, онъ, соціалистъ-строитель будущаго общества, является *консерваторомъ* тѣхъ формъ, которыя фатально навязала простонародью исторія его прошедшихъ бѣдствій и униженій, и которыя должны исчезнуть въ будущемъ обществѣ вмѣстѣ съ этими бѣдствіями и съ этимъ униженіемъ; является гаеромъ, отдающимъ на посмѣшище современнаго пролетарія въ его недостаткахъ, въ которыхъ онъ неповиненъ; является препятствіемъ къ развитію нравственнаго типа народнаго борца за народное дѣло; не говоря уже о томъ, что въ этой самой погонѣ за внѣшностью, маскарадный простолюдинъ показываетъ свою полную неспособность проникнуть до той нравственной *сути*, которая одна даетъ современному пролетаріату право на построеніе будущаго общества. Во имя *достоинства рабо-*

чаго человѣка, неумѣлый соціалистъ изъ интеллигенціи не долженъ себѣ дозволять играть въ *рабочаго*, унижая его типъ.

Требованіе работы надъ собою есть требованіе всесторонняго саморазвитія, физическаго, умственнаго и нравственнаго. Я коснулся уже выше (стр. 181) нѣкоторыхъ частностей этого вопроса и не считаю нужнымъ останавливаться на немъ долѣе. Въ общихъ чертахъ онъ исчерпывается *однимъ* требованіемъ морали, восходящей весьма далеко въ прошедшее: на сколько обстоятельства дозволяютъ тебѣ развить въ себѣ силы физическія, для возможности борьбы за лучшее, силы умственныя, для пониманія этого лучшаго, силы нравственныя, для рѣшимости вести эту борьбу, на столько ты и *обязанъ* развивать въ себѣ эти силы.

Но вліяніе соціалистическихъ идей на весь ходъ современнаго развитія мысли отозвалось въ значительномъ измѣненіи точки зрѣнія старыхъ моралистовъ. Древнее противуположеніе уединеннаго добродѣтельнаго мудреца окружающему его порочному и безумному обществу оказалось метафизическою фикціею. Уединенная личность можетъ лишь на очень небольшое разстояніе уйти впередъ отъ окружающей среды. Вообще говоря, порочная и безумная среда наложитъ печать своихъ пороковъ и своего безумія на своихъ мудрецовъ въ столь значительной степени, что ихъ добродѣтели и ихъ мудрость будутъ бо́льшею частью лишь маскою для всеобщихъ пороковъ и для всеобщаго безумія, а въ самомъ выгодномъ случаѣ они не будутъ имѣть никакого общественнаго значенія вслѣдствіе своего уединенія. По этому правило старой морали: старайся выработать въ себѣ исключительную добродѣтель и исключительную мудрость—замѣнилось инымъ: старайся распространить около себя всякое твое пріобрѣтеніе умственное и нравственное, потому что лишь распространяя его ты укрѣпляешь его *въ себѣ* и даешь *себѣ* возможность развивать это пріобрѣтеніе далѣе; старайся образовать около себя лучшую умственную и нравственную среду, потому что лишь она сдѣлаетъ тебя общественною силою; стремись внести въ общество, тебя окружающее, болѣе разумныя и болѣе нравственныя формы и условія жизни, потому что внѣ этихъ формъ и условій, существующихъ *для всѣхъ*, твое уединенное превосходство, умственное и нравственное, останется безплодно, и будетъ не болѣе какъ эгоистическимъ самоуслажденіемъ. *Личная* нравственность находится въ самой тѣсной зависимости отъ нравственности общественной и не можетъ, вообще говоря, развиваться безъ развитія послѣдней; самое существенное условіе первой есть энергическая дѣятельность въ смыслѣ улучшенія общественнаго строя для того, чтобы искоренить въ немъ причины, неизбѣжно вызывающія опредѣленные пороки и опредѣленное безуміе, и дать мѣсто новымъ побужденіямъ, имѣющимъ шансъ развить столь же опредѣленныя добродѣтели и опредѣленную мудрость. *Нравственное*

достоинство личности невыдѣлимо изъ развитія *общечеловѣческаго достоинства* въ средѣ, въ которой личность дѣйствуетъ.

Эти общія начала новой морали формулировались для соціалиста еще болѣе опредѣленно. Уединенный соціалистъ есть или несчастнѣйшій человѣкъ, или лицемѣръ передъ собою, или невозможность. Соціалистическая нравственность требуетъ пропаганды своихъ идей на столько же для личнаго благополучія отдѣльныхъ особей, приступившихъ къ знамени соціализма, и для провѣрки искренности собственныхъ убѣжденій, на сколько и для осуществленія лучшаго общественнаго строя. Какъ только человѣкъ сталъ соціалистомъ, онъ *не можетъ* развиваться одинъ; онъ *долженъ* искать *товарищей*, организовать группу, расширять и сплачивать партію, развивать въ себѣ солидарное дѣйствіе съ другими. *Нравственное достоинство соціалиста осуществимо лишь въ группѣ.*

Если оно такъ, то соціалисту приходится, во имя своего убѣжденія, бороться со склонностями, противудѣйствующими группировкѣ личностей, и развивать въ себѣ привычки, содѣйствующія этой группировкѣ. Соціализмъ (и особенно революціонный соціализмъ) группируетъ людей для *опредѣленнаго дѣла*, слѣдовательно, какъ я уже сказалъ выше (стр. 173 и сл.) связь по симпатіямъ и антипатіямъ здѣсь мѣста имѣть не можетъ и не должна. Люди, сошедшіеся для *общаго дѣла*, должны уживаться вмѣстѣ и облегчать другъ другу общность дѣйствія развитіемъ въ себѣ *уживчивости*. Каждому приходится *прилаживаться* до извѣстной степени къ другимъ для возможности товарищества, идти на уступки и сдерживать себя для возможности совмѣстнаго дѣйствія. Конечно, все это — до извѣстной степени. Сказанное выше (стр. 174) о второстепенныхъ и первостепенныхъ пунктахъ програмы, прилагается вполнѣ здѣсь при образованіи товарищескихъ отношеній между личностями. Кто наноситъ грубыя оскорбленія людямъ, съ которыми *приходится* дѣйствовать сообща въ серьезномъ дѣлѣ, потому лишь, что не умѣетъ *сдерживаться*, тотъ не выработалъ въ себѣ основнаго элемента достоинства соціалиста: сознанія, что его личное достоинство лежитъ въ достоинствѣ его группы и каждаго изъ его товарищей; онъ унижаетъ собственное достоинство, оскорбляя другихъ, и оплевываетъ свое собственное знамя. Кто не хочетъ въ мелочахъ прилаживаться къ товарищамъ въ виду облегченія общаго дѣла, тотъ не развилъ въ себѣ пониманія элементарныхъ требованій дѣятельности сообща и не доросъ до сознанія положенія, упомянутаго выше, что „нравственное достоинство соціалиста осуществимо лишь въ группѣ". Но рядомъ съ этимъ, достоинство соціалиста, какъ личности, сохраняющей обязанность *личной иниціативы*, должно быть охранено отъ *порабощенія личности группѣ*, отъ исчезанія личной самостоятельности въ безразличіи кружка (который, въ по-

добномъ случаѣ, почти всегда, становится въ дѣйствительности орудіемъ одного или двухъ вожаковъ). Личность не должна допускать ни въ отношеніи къ себѣ, ни въ отношеніи къ кому другому въ кружкѣ товарищей, оскорбленія или подавленія со стороны другой личности или со стороны кружка. Личность не должна уступать во имя товарищества ничего, что для нея имѣетъ *серьезное нравственное значеніе*. Товарищество, допускающее оскорбленіе и подавленіе личностей въ него входящихъ, *не есть вовсе* соціалистическое товарищество людей, готовящихся строить солидарное общежитіе съ полнымъ развитіемъ личной иниціативы въ трудныхъ случаяхъ. Товарищество, требующее отъ своихъ членовъ уступокъ, касающихся серьезныхъ убѣжденій, есть товарищество не людей убѣжденныхъ, но рабовъ или деспотовъ. Первое условіе для товарищества, способнаго разростись въ серьезный дѣловой союзъ, есть уваженіе каждаго къ чужому достоинству и охраненіе достоинства каждаго отъ всѣхъ другихъ общимъ мнѣніемъ товарищества.

Старое общество имѣло свои оружія для охраненія личнаго достоинства: кодексъ приличій и самозащиту въ разныхъ формахъ, начиная съ кулака и ножа за пазухой, до дуэли, обставленной всѣми формальностями рыцарскаго турнира. Элементарная форма самозащиты, унаслѣдованная человѣкомъ отъ его животныхъ праотцевъ, составлявшая едва ли ни единственное средство обороны въ большинствѣ жизненныхъ столкновеній доисторическаго періода, осталась и теперь въ иныхъ случаяхъ единственнымъ огражденіемъ личности отъ насилія; она понадобится еще, по всей вѣроятности, и надолго, хотя ея проявленія и могутъ сдѣлаться болѣе рѣдкими. Но *достоинство* человѣка она никогда не ограждала и не могла оградить, потому что никакое насиліе не можетъ оскорбить этого достоинства, если оно есть дѣйствительно насиліе. Что касается до разныхъ *выработанныхъ* формъ самозащиты, то всѣ онѣ до такой степени пропитаны дикими иллюзіями религіозныхъ представленій о божьемъ судѣ, о волшебной связи праведности и неправедности человѣка съ механическими силами природы, или еще болѣе дикими иллюзіями чести сословной, чести рыцарской, чести мундирной и т. д., и опять таки волшебнаго дѣйствія собственной или чужой крови для логическаго доказательства въ пользу нравственнаго достоинства личности, — что смѣшно и говорить объ *этихъ* способахъ поддержанія человѣческаго достоинства въ группахъ, имѣющихъ претензіи на постройку раціональнаго общежитія. — Кодексъ приличій, ограждающихъ достоинство личности, измѣняется сообразно формамъ культуры и продолжаетъ измѣняться. Конечно, приличія стараго общества были такъ же гнилы и лицемѣрны, какъ самое это общество: они не устраняли ни конкурренціи во всѣхъ возможныхъ формахъ, ни взаимнаго неуваженія и личной враждебности,

ни отсутствія всякой солидарности; они, просто, дозволяли людямъ сходиться для пустыхъ формальностей общежитія, или для оффиціальныхъ сношеній, неоскорбляя другъ друга. Приличія соціалистическаго товарищества иныя: они должны предполагать не только отсутствіе конкурренціи, но солидарную дѣятельность въ общемъ дѣлѣ, составляющемъ основной элементъ убѣжденія каждаго члена; они должны предполагать взаимную искренность, взаимное уваженіе настолько, что допускаютъ товарищескую дѣятельность и отсутствіе враждебности, каковы бы ни были личныя симпатіи и антипатіи товарищей по дѣлу. Приличія соціалистическаго товарищества не могутъ быть маскою; они составляютъ лишь сознательныя усилія каждаго ужиться съ товарищами по дѣлу и приладится къ нимъ для общаго дѣла.

Многія коммунистическія общины (преимущественно въ С. Америкѣ) впали въ другую крайность. Считая основнымъ требованіемъ будущаго общества гармоническое общежитіе личностей, онѣ пытались создать искуственно эту гармонію полнымъ раскрытіемъ всѣхъ элементовъ личной жизни для всего товарищества. Устраивались и устраиваются собранія, гдѣ самые мелкіе поступки, движенія души и особенности характера личности отдаются на общее обсужденіе. Личный выборъ устраняется въ самыхъ интимныхъ сторонахъ жизни. Я не стану разбирать, насколько подобное „залѣзаніе въ чужую душу“ и подобное полное разрушеніе личной жизни полезно вообще для будущаго строя, гдѣ личная иниціатива должна будетъ, какъ я думаю, играть не маловажную роль. Я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что каково бы ни было значеніе подобныхъ пріемовъ для общинъ, имѣющихъ спеціальною цѣлью переработку въ личностяхъ инстинктовъ и привычекъ индивидуальныхъ въ инстинкты и привычки соціалистическія, эти пріемы не имѣли бы никакого смысла при составленіи товариществъ и кружковъ, имѣющихъ въ виду *опредѣленную общественную цѣль*, выработку соціально-революціонной партіи для организаціи пролетаріата и для замѣны существующаго общественнаго порядка инымъ порядкомъ. Здѣсь залѣзаніе въ чужую душу можетъ быть лишь вредно для прочности и для расширенія товарищества. Въ соціально-революціонной группѣ общему участію можетъ подлежать лишь то, что входитъ въ составъ *общаго дѣла* и до него касается, и то, что каждый самъ *добровольно* отдаетъ обществу изъ своей личной жизни. Во всемъ остальномъ личная жизнь должна оставаться неприкосновенною и охраненіе этой неприкосновенности должно составлять для группы часть охраненія личнаго достоинства ея членовъ.

Товарищество имѣетъ цѣлью разростись въ *организацію*, и когда это совершилось, личность становится членомъ уже не только кружка, въ которомъ она знаетъ всѣхъ членовъ, и въ совѣщаніяхъ котораго по общему дѣлу она участвуетъ; она становится членомъ

общественной силы, обширнаго союза, причемъ „невозможно, чтобы всѣ члены его одинаково знали всѣ дѣла, относящіяся до союза въ его цѣломъ и въ его частяхъ“, и является необходимость съ одной стороны дѣлать, съ другой исполнять *„распоряженія*, которыя должны быть исполнены, но обсужены быть не могутъ“ (см. стр. 149). Членъ организаціи вступаетъ въ нее съ *„правомъ* получать всякое нужное свѣдѣніе“, но давая при этомъ *„нравственное обязательство* спрашивать, внѣ сообщаемаго ему лишь то, что ему дѣйствительно необходимо, или нужно для его дѣятельности“(тамъ же). При этомъ послѣднемъ условіи ни одинъ членъ союза не можетъ считать себя униженнымъ въ своемъ достоинствѣ, если даже его знанія объ общемъ ходѣ дѣлъ ограничены и нѣкоторыя дѣйствія его зависятъ отъ распоряженій другихъ лицъ, *до тѣхъ поръ*, пока онъ въ этомъ знаніи или въ обсужденіи этихъ распоряжечій *участвуетъ*, если не самъ, то чрезъ лицъ имъ *выбранныхъ* и пользующихся его довѣріемъ. Онъ членъ *секціи* и въ каждой секціи есть *выборные люди*, которые *знаютъ*, почему каждый членъ секціи долженъ поступать такъ-то, хотя для его дѣятельности нѣтъ необходимости, чтобы онъ участвовалъ въ этомъ знаніи. Вся секція подчиняется распоряженіямъ, принятымъ на *федераціонномъ съѣздѣ съ участіемъ* ея выборныхъ людей, или на *союзномъ съѣздѣ*, составляющемъ верховную власть союза, но въ которомъ участвуютъ делегаты всѣхъ федерацій. Пока эта система выборовъ дѣйствуетъ свободно, пока каждый имѣетъ въ органѣ власти своего представителя, выбраннаго прямо или косвенно, но выбраннаго свободно, пока есть возможность контролировать дѣйствія власти и смѣнять въ случаѣ нужды ея представителей, до тѣхъ поръ нѣтъ потери личнаго достоинства при подчиненіи власти, безъ которой союзъ *тайный* обойтись ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

Но каждая личность, точно также какъ каждая секція и федерація должны, во имя собственнаго *достоинства*, слѣдить внимательно, чтобы эти условія были *точно* соблюдены; чтобы никакое рѣшеніе, обязательное для членовъ союза, не состоялось безъ участія ихъ представителей; чтобы никакая власть не стояла внѣ возможности ихъ контроля. Ни личность, ни секція не имѣютъ нравственнаго права подчиняться рѣшенію, распоряженію, формѣ организаціи, въ обсужденіи которыхъ они не участвовали ни прямо ни косвенно, или они дѣлаются рабами изъ свободныхъ дѣятелей, отказываются отъ права личной или коллективной иниціативы, унижаютъ свое достоинство. Никакая соціалистическая власть, во имя какихъ бы то ни было началъ, не имѣетъ права требовать подобнаго подчиненія, потому что она тѣмъ самымъ обращаетъ членовъ соціально-революціоннаго союза въ машины, лишенныя иниціативы, подрываетъ достоинство своихъ товарищей, а слѣдовательно, и собственное (такъ какъ „нравственное досто-

инство соціалиста осуществимо лишь въ группѣ“), измѣняетъ тѣмъ самымъ началамъ, для которыхъ она сдѣлана властью. Принятіе какою либо центральною соціалистическою властью „рѣшенія“, относящагося до группы или до личности, не имѣющихъ выбраннаго представителя въ центральной власти при принятіи этого рѣшенія, равносильно исключенію группы изъ союза; во имя своего достоинства ни группа, ни лицо не должны допускать этого, и если они будутъ внимательно слѣдить за соблюденіемъ этого начала, едва-ли какою либо властью даже въ тайномъ союзѣ можно будетъ злоупотребить.

Это еще въ бо́льшей мѣрѣ относится до мѣстностей и группъ, которымъ поручена какая либо спеціальная обязанность, требующая личной или коллективной иниціативы, личной или коллективной отвѣтственности. Во имя своего достоинства эти личности или группы должны отказаться отъ исполненія своей отвѣтственной обязанности, какъ только онѣ не могутъ принимать равноправное участіе въ рѣшеніяхъ до нихъ касающихся, или когда ихъ дѣятельность подвергается осужденію собраніями, на которыхъ они не имѣютъ представителей. Конечно, во имя службы общему дѣлу, никто не имѣетъ права выйти изъ рядовъ борцовъ за общее дѣло, какъ бы несправедливо ни отнеслись къ нему товарищи, но всякій имѣетъ право оставить спеціально-отвѣтственную должность, когда не пользуется для этой должности свободою дѣйствія, когда его дѣятельность вызвала отъ товарищей незаслуженное осужденіе, или когда онъ лишенъ возможности принимать участіе въ „рѣшеніяхъ“, до него относящихся.

Я ограничиваюсь лишь предыдущими случаями, но вообще можно сказать, что соціалисты, умѣющіе всегда стоять за свое личное или коллективное достоинство, не впадая въ мелочную щекотливость, ни при какой формѣ организаціи не дозволятъ злоупотребленій власти и съумѣютъ контролировать эту власть. Если же личности и группы легко поступаются своимъ достоинствомъ, то власть, самая ограниченная формально, весьма легко обратится въ деспотизмъ.

Можетъ быть, многіе читатели не согласятся съ высказанными здѣсь мнѣніями: я высказалъ то, въ чемъ убѣжденъ; пусть несогласные со мною сдѣлаютъ тоже; пусть читатели взвѣсятъ аргументы за и противъ, и результатомъ обсужденія могутъ получиться болѣе вѣрные взгляды. Можетъ быть, иные читатели найдутъ, что я слишкомъ долго остановился на вопросѣ о нравственныхъ требованіяхъ отъ членовъ соціально-революціоннаго союза, что этимъ разсужденіямъ здѣсь не мѣсто, и что вовсе не слѣдуетъ поднимать вопросы, которые могутъ затруднить организацію союза, возбудить споры по пунктамъ, не имѣющимъ насущной практической важности, и которые, потому самому, несвоевременны. Я позволю себѣ думать, что успѣхъ и особенно *быстрый* успѣхъ

нынѣшняго соціально-революціоннаго движенія въ Россіи въ значительной степени зависитъ отъ нравственной силы личностей, которыя вступаютъ въ этотъ союзъ, что пренебреженіе къ этимъ нравственнымъ требованіямъ можетъ, съ одной стороны, подорвать все соціально-революціонное дѣло; съ другой стороны, придастъ элементу власти, совершенно неизбѣжному въ извѣстной мѣрѣ, какъ *наканунѣ* революціи, такъ и *на другой день* послѣ нея, характеръ весьма вредный; тѣмъ самымъ можетъ вызвать въ революціонный періодъ вообще массу волненій и бѣдствій, которыя желательно, возможно, а потому и должно, устранить. Это послѣднее соображеніе тѣсно связывало вопросъ о нравственныхъ требованіяхъ рабочаго соціализма съ предметомъ всего этого труда и побудило меня остановиться на нихъ. Конечно, можно было бы вовсе отдѣлить послѣднее разсужденіе отъ этого труда и развить нѣсколько болѣе въ особой статьѣ, но я думаю, что многіе читатели не осудятъ меня за помѣщеніе его здѣсь.

Я ограничился Россіей по причинамъ, которыя указалъ выше (стр. 146), и не имѣю ни желанія, ни возможности здѣсь еще останавливаться на вопросѣ объ элементахъ государственности, легальности и революціи, входящихъ въ современное движеніе въ Европѣ и Америкѣ, болѣе, чѣмъ это сдѣлано выше (стр. 14 и слѣд.; стр. 85 и слѣд.). Ограничусь нѣсколькими строками.

Рабочее движеніе въ странахъ нѣмецкихъ, англо-саксонскихъ, скандинавскихъ и романскихъ языковъ представляетъ такую связь во всѣхъ своихъ частяхъ, что его можно разсматривать какъ *одно* движеніе, поставленное въ достаточно сходныя условія, чтобы получить и формальное объединеніе. Главный элементъ движенія здѣсь всюду — фабричный пролетаріатъ; сельскій же пролетаріатъ здѣсь вовсе не затронутъ движеніемъ, или играетъ въ немъ второстепенную роль. Въ славянскихъ земляхъ, особенно въ Россіи, сельское населеніе имѣетъ совсѣмъ иное значеніе и потому организація соціально-революціоннаго союза должна сообразоваться съ этою особенностью. Но точно также какъ въ Россіи дѣло соціально-революціоннаго союза заключается въ организаціи связи между сельскимъ населеніемъ, одинаково страждущимъ въ разныхъ частяхъ Россіи, но лишеннымъ солидарности, точно также всѣ усилія соціальныхъ революціонеровъ Европы и Америки должны стремиться къ тому, чтобы связать самымъ тѣснымъ образомъ рабочее движеніе разныхъ странъ, сдѣлать изъ него *одну* международную борьбу организованнаго пролетаріата всей европейско-американской промышленности съ его эксплуататорами. Эта цѣль опредѣленно поставлена почти 30 лѣтъ тому назадъ въ словахъ манифеста коммунистовъ, которыя я привелъ на первой страницѣ. Эта цѣль была близка къ осуществленію въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ 1864 года.

Но эта могучая организація, послѣ осьми лѣтъ дѣятельности, которая испугала всѣ державы и всѣхъ капиталистовъ, выказала недостатки и совершила ошибки, которыя довели ее до теперешняго ея положенія, когда она почти прекратила свое существованіе. Опять пролетаріи каждой страны борятся отдѣльно отъ братьевъ со своими врагами, не поддержанные организаціею, которая могла бы въ очень короткое время сдѣлать изъ фабричнаго пролетаріата Европы и Америки неодолимую силу. Слышно о новыхъ проэктахъ возрожденія Международной Ассоціаціи на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Крайне желательно, чтобы они удались.—Конечно, рабочее движеніе въ каждой отдѣльной странѣ можетъ имѣть уже достаточную силу, чтобы положить основаніе новому строю, болѣе или менѣе подходящему къ идеалу рабочаго соціализма, и удача соціальной революціи въ одной большой странѣ имѣетъ полную вѣроятность вызвать немедленные взрывы и у сосѣдей. Но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ большихъ странъ одна Германія представляетъ въ настоящую минуту въ своей рабочей организаціи нѣкоторые шансы къ успѣшной соціально-революціонной попыткѣ. Затѣмъ, далѣе всего подвинуто дѣло въ Бельгіи и Даніи, странахъ слишкомъ незначительныхъ, чтобы взрывъ, въ нихъ происшедшій, не былъ немедленно подавленъ сосѣдями, если бы даже онъ и былъ удаченъ въ предѣлахъ страны. По этому, точно также какъ къ недавно образовавшимся группамъ русскихъ революціонеровъ приходится обращаться снова и снова со словами: „революціонеры-народники, организуйтесь! Лишь въ солидарной организаціи для васъ существуетъ возможность побѣды"; точно также дѣятельность всѣхъ сознательныхъ соціалистовъ-революціонеровъ Европы и Америки должна быть и въ настоящую минуту направлена къ осуществленію того призыва, который поставили рабочимъ въ 1847 г. авторы „Манифеста коммунистовъ": „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Будетъ ли въ формѣ этого союза господствовать централизація или федерализація, это — дѣло второстепенное, лишь бы соціально-революціонная дѣятельность оживляла и мелкія группы и ихъ централизующіе органы, лишь бы всѣ элементы международнаго союза были представлены въ объединяющемъ конгрессѣ, совѣтѣ или комитетѣ. Первое дѣло — единство и солидарность пролетаріата всѣхъ странъ. Первое дѣло — девизъ 1847 года:

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

VII. Заключение.

Каковы же выводы изъ предшествующаго разсужденія? Какое значеніе имѣетъ государственный элементъ въ общемъ циклѣ міросозерцанія рабочаго соціализма?

Этотъ элементъ является элементомъ необходимымъ въ теченіи длинныхъ историческихъ періодовъ, необходимымъ въ настоящемъ, необходимымъ въ будущемъ, и лишь въ томъ строѣ, который составляетъ цѣль рабочаго соціализма, этотъ элементъ можетъ быть устраненъ.

Но особенность государственнаго элемента высказывается въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, онъ долженъ быть доведенъ до возможнаго минимума и что всѣ другіе элементы, дѣлаясь основаніемъ общественной связи, стремятся довести его до этого минимума. Пока общество руководится обычаемъ, этотъ антропологическій строй не даетъ развиваться элементу власти иначе какъ случайно: власть облагается со всѣхъ сторонъ узами обычая, подчиняется обычаю и всякое нарушеніе обычая произволомъ власти есть потрясеніе общественной связи, общественное преступленіе. Какъ только общество вступаетъ въ періодъ господства религіознаго ученія, власть ставится подъ руководство догмата, законъ и всѣ государственныя отношенія получаютъ свое оправданіе исключительно въ откровеніи свыше, въ божественной волѣ, а всякое столкновеніе государственной власти съ представителями религіознаго ученія представляется опять таки подрывомъ не только благосостоянія, но самого существованія общества, грѣхомъ, за которымъ должна слѣдовать божественная кара, общественное бѣдствіе. По мѣрѣ того, какъ раціонализмъ начинаетъ проникать въ общежитіе, по мѣрѣ того, какъ реальныя начала получаютъ болѣе и болѣе мѣста въ соціалистическихъ соображеніяхъ, элементъ власти вызываетъ оппозицію со всѣхъ сторонъ и во имя всевозможныхъ началъ. Никто и никогда не ставитъ государство, элементъ власти, общественнаго порядка,—цѣлью, оправдывающей собственное существованіе. Обычай для его рабовъ оправданъ тѣмъ самымъ, что онъ существуетъ. Религія освящена въ глазахъ вѣрующихъ тѣмъ, что она для нихъ есть очевидная истина. Общественное благо, справедливость, общественное благосостояніе, экономическія отношенія — представляютъ цѣли, которыя сами въ себѣ заключаютъ поводъ стремиться къ нимъ и защищать ихъ. Но всякій законъ, всякое распоряженіе правительства, всякое измѣненіе въ формѣ власти всегда должны были быть объяснены чѣмъ нибудь, внѣ ихъ заключающимся: поддержаніемъ обычая, волею боговъ,

благомъ народа, экономическими или нравственными цѣлями, словомъ — чѣмъ угодно, только не сами собою. Государство, какъ законъ, какъ администрація, какъ судъ, само по себѣ никогда не имѣло смысла и этотъ смыслъ долженъ былъ быть ему приданъ тѣмъ или другимъ связующимъ общественнымъ началомъ, которое, смотря по формамъ общественной культуры, было господствующимъ. *Это* начало составляло *цѣль, благо*, которое было желательно, и мысль о которомъ должна была руководить подданныхъ при ихъ подчиненіи власти, правительство при его распоряженіяхъ, законодателя при обсужденіи кодекса, судью при приложеніи закона, политическаго революціонера при замѣнѣ одной формы власти другою формою. Государство во всѣхъ своихъ органахъ и функціяхъ было не болѣе, какъ средствомъ для иной цѣли. Но отсюда слѣдовало уже само собою, что всякое поглощеніе общественныхъ силъ и общественной дѣятельности *средствомъ* для цѣли, совершаемое *на счетъ самой цѣли*, было нераціонально и составляло *злоупотребленіе* государственной власти. Если государство было въ глазахъ соціолога лишь средствомъ для блага народа, то всякое дѣйствіе власти, уклоняющееся отъ этой цѣли, было преступленіемъ и должно было быть сдѣлано невозможнымъ. Если подати нужны были правительству лишь для обезпеченія существующихъ экономическихъ отношеній или для ихъ улучшенія, то всякая лишняя копѣйка, которая переходила изъ общественнаго имущества въ государственную казну, или въ карманы государственныхъ чиновниковъ, была украдена у общества. Если справедливость составляла то благо, которое должно было быть осуществлено путемъ государственнаго законодательства и суда, то законы и судебныя рѣшенія подлежали самому строгому контролю общества во имя справедливости. Иначе говоря, государственной власти, государственному элементу слѣдовало предоставить во всѣхъ случаяхъ какъ разъ лишь размѣры, *крайне необходимые* для достиженія той общественной цѣли, для которой государство должно было служить средствомъ. Логика общественной науки требовала, какъ я сказалъ, чтобы собственно-государственный элементъ былъ постоянно доведенъ до минимума, чтобы общество отдавало сколько можно болѣе *добровольно, свободно* обычаю, религіи, общему благу, развитію экономическаго благосостоянія, справедливости, и какъ можно менѣе уступало въ этомъ случаѣ принужденію, власти, *государственному элементу*. Государственный элементъ былъ во всякомъ случаѣ лишь *необходимымъ зломъ*. Ровно сто лѣтъ тому, это прямо высказалъ Томасъ Пэйнъ въ своей знаменитой брошюрѣ „Здравый смыслъ“ (Th. Paine: Common sense, 1776): „Общество во всякой формѣ есть благо, но правительство, даже самое лучшее, есть лишь необходимое зло, худшее же есть зло невыносимое“.

Причину этой особенности государственнаго элемента легко видѣть. Всякое общество тѣмъ лишь отличается отъ совокупности особей, что въ немъ особи чувствуютъ или сознаютъ свою взаимную солидарность, что между членами общества существуетъ нѣкоторая органическая связь. Эта связь можетъ быть связью обычая, связью временнаго аффекта или вѣрованія, связью разсчитанной цѣли, связью нравственной обязанности; во всѣхъ этихъ случаяхъ солидарность между членами существуетъ, хотя можетъ быть весьма различна по прочности, по разумности, по цѣлесообразности. Какъ только какая-либо изъ этихъ связей образовалась, *совокупность личностей* стала *обществомъ*, которое составляетъ *организмъ*, можетъ дѣйствовать какъ нѣчто цѣльное, такъ что члены его могутъ разсчитывать другъ на друга. Всякое общество, въ виду своей солидарности, естественно стремится связать подобнымъ началомъ солидарности всѣхъ личностей, находящихся въ кругу его дѣятельности, и оставить внѣ этой связи возможно меньшее число этихъ лицъ. Но на практикѣ до сихъ поръ это стремленіе почти никогда не осуществлялось, и не могло осуществиться, по крайней мѣрѣ внѣ общества, гдѣ господствуетъ обычай съ такимъ же безусловнымъ деспотизмомъ, какъ въ обществѣ пчелъ и муравьевъ. Между тѣмъ совокупности особей, которыя лишь *частью* солидарны въ какомъ либо отношеніи, приходится жить и дѣйствовать, *какъ будто* эта совокупность была *солидарнымъ* обществомъ, когда въ ея средѣ существуютъ люди съ разными аффектами, съ разными вѣрованіями, съ разными интересами, съ разными общественными идеалами. Для возможности жить и дѣйствовать, господствующія группы замѣняютъ недостающій элементъ общественной солидарности *властью*, государственнымъ подчиненіемъ. Чѣмъ далѣе совокупность особей отъ солидарности, тѣмъ грознѣе въ ней должна быть власть, тѣмъ могущественнѣе долженъ быть государственный элементъ. Какъ только общество проникается какимъ нибудь сознаніемъ солидарности, немедленно принужденіе ему становится ненужнымъ, власть теряетъ для него значеніе, отъ государственнаго элемента требуютъ, чтобы онъ понизилъ свой минимумъ. Всѣ элементы, допускающіе свободную, добровольную связь, всѣ элементы общественной солидарности, могутъ рости или убывать въ обществѣ, замѣняя другъ друга, но ни отъ одного изъ нихъ не требуютъ постоянно, чтобы онъ ограничивался минимумомъ. Одинъ государственный элементъ составляетъ исключеніе, потому что онъ есть, по самой своей сущности, элементъ *принужденія*, потому что *онъ не есть вовсе элементъ общественной солидарности*, а лишь указатель ея недостатка.

Такъ какъ полной солидарности въ обществѣ никогда не существовало, то на всѣхъ фазисахъ историческаго развитія прошедшаго времени власть являлась необходимостью и государ-

ственный элементъ игралъ значительную роль. Но онъ никогда не ограничивался той ролью, которая ему приходилась законно, какъ *дополнителю* недостатка общественной солидарности. Обладатели *фактической* власти постоянно пользовались этою властью, чтобы захватить себѣ болѣе общественнаго вліянія, чѣмъ имъ приходилось по условіямъ общественной культуры. Это неизбѣжно вызывало легальные и нелегальные протесты со стороны представителей обычая, религіи, экономическихъ или нравственныхъ интересовъ въ обществѣ, смотря по тому, который изъ этихъ жизненныхъ и связующихъ элементовъ общества считался высшимъ благомъ и законною общественною цѣлью въ данную эпоху. Происходила борьба за власть, при чемъ попеременно торжествовала или фактическая власть, начало консервативное, начало *механической* связи общества, или элементъ ограничивающій власть, начало болѣе или менѣе прогрессивное, начало *органической* связи общества. Но съ теченіемъ исторіи все болѣе развивалось въ передовыхъ группахъ людей сознаніе, что роль государственнаго элемента, роль принудительной власти въ обществѣ должна ограничиваться лишь *дополненіемъ* недостатка связующей силы другихъ общественныхъ элементовъ; что государственная власть есть лишь средство для другихъ, болѣе жизненныхъ общественныхъ цѣлей; что государство есть лишь необходимое зло при недостаткѣ общественной солидарности. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось въ исторіи и либеральное стремленіе все болѣе и болѣе понизить минимумъ государственнаго элемента въ общественной жизни.

Весьма характеристично было положеніе этого элемента въ послѣдній періодъ исторіи, въ періодъ буржуазной цивилизаціи. Экономическія начала были признаны руководящимъ принципомъ общественнаго строя; „общественное обогащеніе" или, точнѣе, возможно-быстрое скопленіе богатствъ въ данной странѣ, совершенно независимо отъ ихъ распредѣленія, было признано идеаломъ общественнаго благополучія. Сообразно этому государственная власть должна была быть доведена до минимума во имя принципа свободы конкурренціи, свободы денежныхъ спекуляцій. Либерализмъ развилъ свои теоріи ограниченія роли власти лишь исполненіемъ общенародной воли, при чемъ общенародное благо осуществлялось возможно-полною свободою особи. Буржуазія выставила свой идеалъ государства какъ полицейскаго надзора за порядкомъ на всемірномъ рынкѣ. Но при этомъ съ понятіемъ о государствѣ совершались одновременно въ соціологіи два противурѣчивые процесса. Въ то самое время, когда государство, такимъ образомъ, было поглощено экономическими идеалами господствующихъ классовъ, въ то время, когда экономическій отдѣлъ соціологіи вырабатывалъ типъ федераціи биржъ, какъ идеалъ свободныхъ распорядителей судьбами міра, вслѣдствіе будто бы

существующей солидарности всемірныхъ экономическихъ интересовъ, въ это самое время политико-юридическій отдѣлъ той же соціологіи ставилъ все выше и выше идеалъ государства; оно воплощалось въ законѣ, предъ которымъ должны исчезнуть всякіе личные интересы; оно вызывало патріотизмъ, на алтарь котораго надо принести въ жертву всю частную жизнь; оно представляло реализацію высшаго разума, предъ которымъ долженъ умолкнуть мелкій разсудокъ отдѣльной особи. Причина этой послѣдней идеализаціи государства была ясна: экономическія начала, выросшія изъ монопольной собственности и всемірной конкурренціи, не представляли вовсе начала общественной солидарности, но вызывали войну всѣхъ противъ всѣхъ. Между тѣмъ всѣ прежнія общественныя связи — обычая, религіознаго преданія, національной культуры, нравственныхъ требованій — были подорваны господствомъ экономическихъ вопросовъ. Оставалось попытаться сдѣлать само государство связующимъ идеаломъ, элементомъ солидарности; иначе говоря, пришлось попытаться связать конкуррентовъ на всемірномъ рынкѣ закономъ, который не былъ освященъ ни обычаемъ ни религіей, но былъ бы священъ *самъ по себѣ*, какъ актъ, установленный властью; пришлось попытаться связать личности, опьяненныя погоней за наживою, патріотизмомъ, который опирался не на общность преданія, не на общность культуры, не на взаимную любовь и поддержку, а на линію границъ, проведенныхъ трактатомъ такого-то года; пришлось попытаться связать пролетаріевъ и ихъ эксплуататоровъ идеею высшаго разума, который былъ бы не разумъ ряда поколѣній предковъ, не разумъ сверхъестественнаго бога, не разумъ развитой человѣческой личности, требующей общаго блага, общаго благосостоянія, но разумъ *самъ по себѣ*, при чемъ его олицетвореніемъ служилъ какой нибудь полоумный король, интригующіе и развратные министры, или собраніе спекулирующихъ на биржѣ и на скачкахъ депутатовъ и перовъ парламента. Удача попытки была невозможна, потому что государственныя начала, какъ я только что сказалъ, никогда не были сами по себѣ началами общественной солидарности, но только пополняли ея недостатокъ, а при данныхъ обстоятельствахъ, при господствѣ всеобщей экономической конкурренціи, легальность, патріотизмъ и государственная разумность не могли служить даже временными пособіями для поддержки органической связи въ обществѣ; онѣ могли служить лишь масками для экономическихъ спекуляцій, разрывающихъ эту связь.

Оно такъ и вышло. Современное государство стало противурѣчіемъ самому себѣ, отрицаніемъ самого себя (см. стр. 38 и сл.) Всеобщая конкурренція не дозволила возникнуть никакому связующему элементу въ обществѣ. Въ настоящемъ строѣ отсутствуетъ всякое солидарное начало. *Общество* стремится снова

обратиться въ *совокупность особей*. Государство не можетъ уже помочь дѣлу, потому что оно всегда могло только *дополнить* недостатокъ общественной солидарности; при полномъ отсутствіи этой солидарности ему приходится захватить *всѣ* общественныя функціи, сдѣлаться *самому по себѣ* источникомъ общественной связи, но этимъ оно никогда не было, никогда и не можетъ быть; къ тому же и буржуазныя экономическія начала, по самой своей сущности, не могутъ допустить подобнаго подавленія ихъ государствомъ. Само собою разумѣется, что общественный порядокъ, при которомъ общество распадается на отдѣльныя особи, долго существовать не можетъ; государственная власть ему тоже помочь не можетъ; пока общественный порядокъ существуетъ на нынѣшнихъ основаніяхъ, для него исхода *нѣтъ*.

На замѣку ему выступаетъ рабочій соціализмъ. Онъ связанъ съ предыдущимъ строемъ тѣмъ положеніемъ, что и для него экономическія отношенія составляютъ основу всѣхъ прочихъ общественныхъ задачъ, но онъ даетъ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ между личностями совсѣмъ иное рѣшеніе, чѣмъ буржуазная соціологія. Онъ устанавливаетъ новые элементы общественной солидарности и устраняетъ изъ общества всѣ элементы вражды личностей и группъ, которые вызвали современное общественное разложеніе, именно устраняетъ монопольную собственность, всеобщую экономическую конкурренцію и общественный паразитизмъ. Рабочій соціализмъ имѣетъ, слѣдовательно, за себя шансы создать прочный общественный порядокъ. Какъ всѣ предшествующіе общественные порядки, онъ съ самого начала и во всѣхъ фазисахъ своего развитія ставитъ себѣ цѣлью доведеніе государственнаго элемента до минимума, но ставитъ эту цѣль съ самого начала сознательно и притомъ представляетъ возможность довести въ своихъ дальнѣйшихъ фазисахъ этотъ элементъ до минимума несравненно меньшаго, чѣмъ тѣ минимумы, которые представляла продшествующая исторія. Эта возможность представляется опять таки потому, что рабочій соціализмъ стремится развить помощью общаго труда и свободныхъ союзовъ разныхъ формъ несравненно высщую степень солидарности для всѣхъ особей входящихъ въ будущее общество, чѣмъ это можно было сдѣлать какому либо прежнему строю. По мѣрѣ достиженія этой солидарности минимумъ государственнаго элемента въ обществѣ можетъ и долженъ уменьшаться, но не должно себя обманывать иллюзіею надежды на его уничтоженіе разомъ или путемъ внезапнаго переворота. Внезапные перевороты не создаютъ солидарности. Она развивается постепенно въ рядѣ поколеній, а пока она не осуществилась въ обществѣ, до тѣхъ поръ государственный элементъ, элементъ власти и принужденія, вполнѣ исчезнуть изъ общества не можетъ. Онъ не можетъ исчезнуть *наканунѣ* соціальной революціи, когда соціально-революціонный союзъ въ Россіи или международ-